НОВАЯ ПОЛЬША

№11 (157) 2013

УМЕР ПЕРВЫЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР СВОБОДНОЙ ПОЛЬШИ

НЕФТЬ И ГАЗ НАДО ИСКАТЬ РЯДОМ С МЕДЬЮ

Чеслав Милош об Иосифе Бродском

Полемика Бугайского с Рымкевичем

Мартин Круль на первое — политика

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11 (157)
2013
ноябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

УМЕР ТАДЕУШ МАЗОВЕЦКИЙ 3

Мартин Круль 6
ПОЛИТИКА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Виктор Кулерский 9
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Томаш Ружицкий 19
О ПАГУБНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лешек Шаруга 24
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Витольд Гадомский 27
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ДОЛЛАРОВ

Михал Дущик 32
МЕСТОРОЖДЕНИЯ МЕДИ ТОЖЕ БОГАТЫ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ

Мартин Светлицкий 34
Из сборника «ОДИН» (2013)

Игорь Белов 40
БОЛЕЗНЕННАЯ НЕХВАТКА НЕПОНИМАНИЯ

Беата Джон 42
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ УБИЛ НЕМЦА

Войцех Мазярский 46
БУНТ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОЛЕМОВ

Кшиштоф Варга 48
ОПИЛКИ

Чеслав Милош 59
ПРЕДИСЛОВИЕ
к книге стихотворений Иосифа Бродского

Эльжбета Савицкая 65
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Каролина Ястшембская 70
ФЕСТИВАЛЬ В ТЕШИНЕ

Аркадиуш Хабера 74
ФЕСТИВАЛЬ «ЛОДЗЬ ЧЕТЫРЕХ КУЛЬТУР»

Эугениуш Соболь 77
ОБЗОР ИНТЕРНЕТА

Ярослав Марек Рымкевич 80
НАРОД — ЭТО СУДЬБА
(Из книги «Рейтан. Падение Польши»)

Лешек Бугайский 82
ВПАВШИЙ В ДЕТСТВО

Переводчики: И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, Н. Горбаневская, О. Лободинская, Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко
© Фото: E. Lempp (стр. 3, 5)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

УМЕР ТАДЕУШ МАЗОВЕЦКИЙ

■ «В возрасте 86 лет умер Тадеуш Мазовецкий. Ушел из жизни премьер-министр независимой Польши. Первый некоммунистический премьер Третьей Речи Посполитой, советник «Солидарности», а впоследствии и президента, специальный представитель ООН (...) Тадеуш Мазовецкий скончался 28 октября в 6 часов утра». *(«Факт», 29 окт.)*

■ «Когда 13 декабря 1981 г. Тадеуш Мазовецкий был доставлен в отделение милиции на Курковой улице в Гданьске, он был скован наручниками. «Он, воплощение спокойствия, и в наручниках? Это была самая настоящая трагикомедия», — вспоминает Генрик Вуец. (...) Он был небогат, скитался по небольшим квартиркам. (...) Его первая жена Кристина умерла через год после свадьбы. (...) Вторая жена, Эва, родившая ему трех сыновей, умерла в 1970 г. (...) Бремя воспитания детей легло на его плечи. Когда Мазовецкого интернировали, самому младшему было 13 лет. (...) Когда он стал премьер-министром и практически ночевал в здании правительства, сыновья навещали его, чтобы пообедать вместе или просто побыть с отцом. (...) Старшие сыновья помогали Мазовецкому в подготовке послания премьера», — АН. *(«Супер-экспресс», 29 окт.)*

■ «Должность премьер-министра Лех Валенса предложил именно ему. (...) Тогда, в сентябре 1989 г., это был кандидат «Солидарности», кандидат свободной Польши и поэтому мой кандидат. (...) Он взял на себя миссию, о которой заранее было известно, что она невыполнима. (...) Совершал ли он ошибки? Тогда мне казалось, что их было множество. Хаотичная люстрация, по-прежнему влиятельное положение спецслужб, неумелая декоммунизация и слишком робкая реприватизация. Теперь же я сомневаюсь, что в те годы был возможен иной, более решительный сценарий. Так или иначе, всё это не имеет никакого значения на фоне достигнутого: Мазовецкий и его последователи

оставили нам нормально работающее государство. (...) И хочется просто сказать: «Спасибо за Польшу, пан Тадеуш!»», — Богуслав Хработа, главный редактор газеты «Жечпосполита». *(«Жечпосполита», 29 окт.)*

■ «Работа правительства Мазовецкого началась в обстановке царящего в экономике хаоса, небывалой инфляции, стремительно растущей безработицы, элементарной нехватки госфинансов и непрочности административных структур». *(Элиза Ольчик, «Жечпосполита», 29 окт.)*

■ «Реформы Мазовецкого имели поистине судьбоносное значение, они изменили нашу действительность. (...) В самый что ни на есть переломный момент ему удалось использовать ситуацию по максимуму. (...) Он был человеком решительным и принципиальным, при этом начисто лишенным агрессии. Это крайне редко встречается в наши дни, когда вокруг так мало политиков со своими принципами, зато сколько угодно политиков, настроенных агрессивно», — Лешек Бальцерович. *(«Супер-экспресс», 29 окт.)*

■ «Он был сторонником диалога между политическими элитами, и его несомненной заслугой стало то, что до сведения счетов и политического возмездия, к счастью, не дошло», — Пшемыслав Велгош, главный редактор польского издания «Le Monde Diplomatique». *(«Дзенник — Трибуна», 29 окт.)*

■ «Как-то он сказал о себе: «Я христианин и демократ, но я не отношусь к христианским демократам». (...) В первую очередь он был польским государственником в лучшем значении этого слова. Он хотел служить единой Польше и служил ей бескорыстно и самозабвенно». *(Александр Халль, «Жечпосполита», 29 окт.)*

■ ««От нас ушел человек, который имел смелость в решающие минуты проявлять высокую мудрость, и мы благодарны ему за это», — растрогавшись, попрощался с Тадеушем Мазовецким президент Бронислав Коморовский. (...) «Я могу быть хорошим премьер-министром или плохим, но я никогда не стану премьером-марионеткой» — сказал Тадеуш Мазовецкий за день до своего назначения на пост председателя правительства в августе 1989 года. (...) Его обморок во время официального выступления вошел в историю. Как известно, Мазовецкий обратил это в шутку: «Прошу прощения у высокого собрания, но, работая по ночам, я довел себя до состояния, в котором нынче пребывает польская экономика... Однако, как видите, я всё же пришел в себя». Депутаты встретили эти слова аплодисментами. (...) В 1992-1995 гг. он был специальным представителем Комиссии ООН по правам человека в Боснии и Герцеговине, но ушел в отставку в знак протеста против бездействия мировых держав, не сумевших предотвратить массовые убийства на территории бывшей Югославии». *(Сильвестр Рушкевич, «Супер-экспресс», 29 окт.)*

■ «Это Мазовецкий установил, что этнические чистки — не побочное явление на этой войне, а ее основная цель. Это благодаря его настойчивости изнасилование стало считаться военным преступлением. Это он первый заявил, что журналисты, подстрекающие к совершению преступлений, несут за это часть политической ответственности, а должны нести еще и ответственность уголовную. (...) Мазовецкий решил навестить лагерь беженцев под Тузлой. (...) Люди смотрели на нас с ненавистью. (...) Кто-то узнал его и крикнул: «Это не ООН, это Мазовецкий!» (...) К нему выстроилась целая очередь свидетелей, ему доверяли. Благодаря услышанному в этот день Мазовецкий стал первым высокопоставленным сотрудником миссии ООН, подавшим в отставку в знак протеста против политики этой организации». *(Давид Варшавский, «Газета выборча», 29 окт.)*

■ «Одним из важнейших событий во время правления Мазовецкого стала «месса примирения» в Кшижовой в ноябре 1989 г., в которой Мазовецкий участвовал вместе с тогдашним канцлером Германии Гельмутом Колем». *(«Газета польска», 29 окт.)*

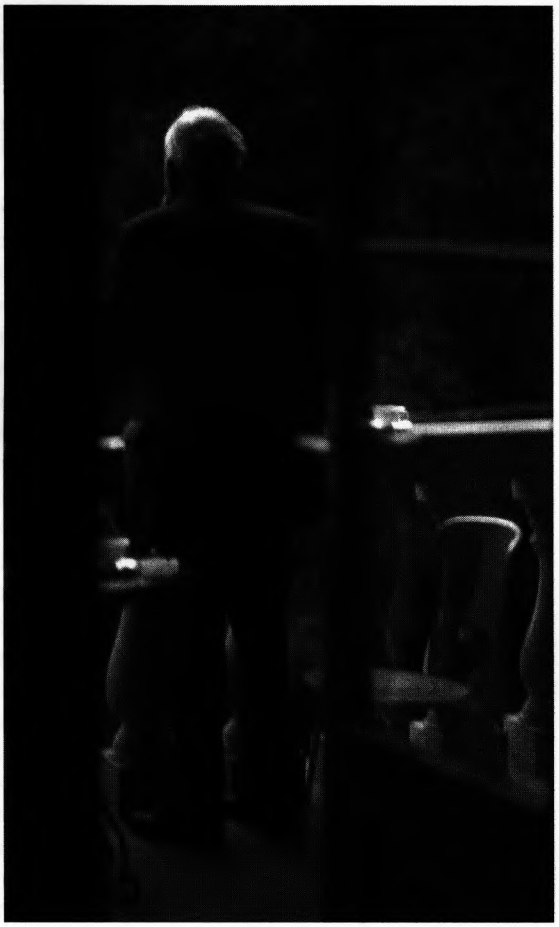
■ «Он учил нас мыслить на далекую и непрерывную перспективу, руководствуясь при этом не интересами партий или отдельных социальных групп, но интересами всей Польши. (...) Он задал высокие стандарты политической деятельности, мечтая совсем о другой политике, имеющей мало общего с той, которую мы наблюдаем сегодня». *(Ежи Осятынский, «Супер-экспресс», 29 окт.)*

■ «Человек, абсолютно не поддающийся искушениям властью, он был, кажется, лучшим премьером в истории Польши. За 14 месяцев он заложил фундамент демократического суверенного государства, решил все вопросы относительно польско-немецкой границы, инициировал первые свободные выборы в органы местного самоуправления, взял на себя всю ответственность за

«шоковую терапию» в экономике. Он поплатился за это — на президентских выборах Мазовецкий не попал во второй тур, зато вошел в историю», — Ярослав Курский, заместитель главного редактора «Газеты выборчей». *(«Газета выборча», 29 окт.)*

■ «Он чувствовал: то, что он делает — хорошо, правильно и надолго. Его, скорее, расстраивало происходящее в Польше в последние годы: надуманные обвинения, низкий уровень и безудержность политических баталий, демагогия. Нападки на него самого Мазовецкого не беспокоили — его огорчал характер современного политического дискурса, то бишь политическая агрессия, подрывающая устойчивость государственной власти». *(Анджей Фришке, «Газета выборча», 29 окт.)*

■ «Мало на кого из политиков нападали так безжалостно и подло, как на Мазовецкого. Он же охотно прощал своих противников. Сегодня он покидает нас, окруженный всеобщим уважением и благодарностью. Каждый мыслящий и честный человек понимает, что Тадеушу Мазовецкому принадлежат лучшие страницы польской истории. Свободная Польша прощается со своим первым премьер-министром, премьером мудрости, спокойствия и силы, премьером терпимости и человечности, премьером, у которого была своя четкая позиция», — Адам Михник. *(«Газета выборча», 29 окт.)*



Подборка Виктора Кулерского

Мартин Круль

ПОЛИТИКА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Хотя у лозунга «Politique d'abord» очень плохие коннотации (итало-фашистское происхождение), однако же в польских условиях он находит хорошее применение, если мы отнесем его к идее общности. Тезис, который я намереваюсь здесь кратко отстаивать, звучит следующим образом: все формы связи и общности обладают своими достоинствами (а иногда и серьезными недостатками), однако Польше нужна общность фундаментальная, иными словами, политическая. Общность политических интересов. Существует превосходная формулировка, определяющая это состояние сознания, однако ее гнусным образом использовал Болеслав Пясецкий в названии своей статьи (а потом и книги), датированной 1956 г., — «Государственный инстинкт». И на сей раз генезис этой формулировки не слишком интересен, поскольку она восходит к эндекам [национал-демократам], но сама формулировка превосходно передает то, что составляет политическую общность, понимаемую как общность интересов.

Общность интересов — это не просто агрегирование интересов всех граждан или только, к примеру, всех предпринимателей; здесь возникает важная добавленная ценность. Эта ценность заключается в одновременном укреплении демократии и государства как организации всех граждан. Каков же тогда смысл и каковы ограничения политической общности?

Наиболее отчетливо эти проблемы видны, когда мы перечислим ситуации, в которых бывает плохо, если политическая общность не функционирует. Во-первых, ясный и долгосрочный выбор ориентации в международной политике. Во-вторых, отчетливое определение приоритетов во внутренней политике — приоритетов, известных всему обществу и одобряемых значительным его большинством, хотя здесь появляется проблема формы такого одобрения. В-третьих, при реализации всяких критически важных задач — соучастие оппозиции в решениях, касающихся указанных приоритетов. Наконец, в-четвертых, согласование стабильных взаимоотношений между центральными властями в государстве, а также согласование стабильных взаимоотношений между этими властями и другими институтами — самоуправленческими [региональными муниципальными], экономическими или образовательными. Лишь наличие всех названных элементов долгосрочной политики может вести к построению реальной политической общности в сознании общества, причем это сознание — совсем не то, что патриотическое, национальное сознание или сознание на уровне гражданского общества. Разумеется, в формировании политической общности текущие варианты поведения политиков могут играть лишь небольшую роль. Если исключить ту анахроническую модель государственности, которую в Польше представлял, например, Юзеф Пилсудский, иными словами, модель сильного лидера и объединения общества вокруг общих задач, а также отказа от межпартийных споров (забавно, что Эдвард Герек пробовал — по меньшей мере, в языковом пласте — подражать поведению Пилсудского), то политики должны в какой-то степени служить политической общности, а не формировать ее. В парламентской демократии политики располагают для своих действий относительно коротким временем, так что они должны уже застать политическую общность и оставить ее после себя, насколько это удастся, в еще более прочном состоянии.

Коль скоро мы ждем построения политической общности не от политиков, то от кого? Можно сказать, что это процесс, который должен происходить самопроизвольно и которому содействуют или хотя бы не создают препятствий многие факторы, институты и люди. В первую очередь политики, СМИ и публицисты, а также политические философы должны хорошо отдавать себе отчет, в какой реальности либеральной демократии функционирует Польша. Существует весьма богатая и, наверно, легко поддающаяся описанию — хотя и не обязательно одобряемая анахронической политикой — сфера того, что очевидно и по поводу чего не должно быть споров. К этой сфере принадлежат

такие, например, факты, как участие Польши в международных структурах (безусловно, прежде всего в Евросоюзе), которые естественным образом ограничивают суверенитет государства, но это неизбежная цена. В деталях можно вести споры на эту тему, однако в принципе разговоры о полностью суверенном государстве означают в наше время разговоры о государстве, изолированном от международных договоренностей. Бесспорно, есть также некоторые неизбежные варианты поведения, скажем, вхождение Польши в зону евро или же — во внутренней политике — сохранение отчетливого разделения властей либо соблюдение прав человека.

Однако многие из фундаментальных проблем политической общности далеко не очевидны, и тут всё зависит от постепенно выстраиваемого политического сознания, а также от политических институтов. Здесь роль политиков несколько больше, но самыми важными должны быть результаты ведущихся напрямую и косвенно публичных размышлений.

Присмотримся к трем примерам: структуре и централизации (либо децентрализации) исполнительной власти, к системе образования и партийной системе.

Демократическое государство может быть как сильно централизованным, так и сильно децентрализованным. Огромное большинство теоретиков демократии, от Алексиса де Токвиля и до лорда Актона, а далее — в наше время — до Роберта А. Даля, высказывается в пользу радикальной (хотя и далекой от анархизма или либертарианства) децентрализации демократического государства, так как лишь децентрализация приводит, по их мнению, к тому, что демократия реально действует. С социологической точки зрения тоже нет никаких сомнений, что малые политические общности лучше складываются в крупную и обеспечивают ей более прочное существование, чем ее построение сверху. Однако это остается предметом продолжающихся политических споров, доказательством чего служит состояние органов самоуправления в Польше и их юридически-формальные права, а также финансовая оснащенность. В Польше никогда (кроме короткого периода неполных дебатов во времена премьерства Ежи Бузека) не велась серьезная публичная дискуссия ни на тему самоуправления, ни — в первую очередь — на тему децентрализации. А ведь это составной элемент государственного строя, и в действиях, касающихся данного вопроса, необходим выбор одного четко выраженного направления. Бесспорно, такую дискуссию тормозят политики, очень редко желающие отдать хоть бы часть власти на нижестоящий уровень, а также те политики, которые опасаются — совершенно безосновательно, как указывает польский и мировой опыт, — что гражданский контроль будет в случае децентрализации слабее, а значит, возрастет коррупция.

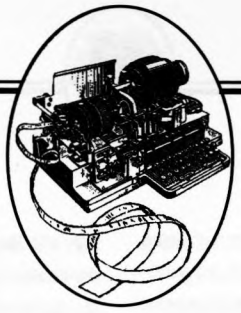
Как уже отмечалось, политическую общность характеризует установление и одобрение долгосрочных приоритетов. В Польше все знают и неустанно повторяют, что таким приоритетом является образование, а также наука. В принципе об этом известно всем на свете. Однако в Польше для реализации этого приоритета делается очень немногое. Ответ, что не хватает денег, не годится, потому что никогда не бывает, чтобы денег хватало на всё. Приоритет означает, что с согласия политической общности на образование и науку предназначается непропорционально много за счет других сфер жизни, но никакой политик и никакая политическая партия не сделает этого без согласия политической общности, тогда как последняя его не дает, потому что ее не существует. А даже если бы она и существовала, то понадобилось бы ее убедить, но за такую задачу никто не спешит браться.

Наконец, третий пример — политические партии. Так вот, польская партийная система — плохая, закостенелая, а идея представительства (как и во всем западном мире) переживает принципиальный кризис. Партии и не формируют политическую общность, и не содействуют ее построению, а лишь уничтожают ее остатки. Почему так происходит? Ответ сложен, но мы в состоянии указать один несомненный фактор, а именно: пропорциональную избирательную систему. Во времена серьезного кризиса принадлежащей XIX веку идеи представительства только смешанная избирательная система (необязательно мажоритарная, но почему бы и нет?) представляет собой до известной степени эффективное лекарство против партийности политической жизни, которая тождественна умерщвлению политической общности. Это лекарство не назовешь чрезвычайно эффективным, но оно необходимо, после него можно прописывать другие. Имеется так много неплохих смешанных избирательных систем

(хотя бы французская или немецкая), что трудно понять, почему в Польше методично на протяжении двадцати лет отказываются от принятия проверенных решений, которые, несомненно, способствуют построению политической общности.

Следовательно, мы имеем дело с заколдованным кругом. Действия с целью построения политической общности не предпринимаются, и это ведет к тому, что политика носит сиюминутный характер, а политики боятся принимать те решения, которые могли бы оказаться для них невыгодными на ближайших выборах. Можно ли разорвать этот порочный круг? Да, наверное да, может быть да, но это будет очень трудно. Перечисленные для примера проблемы — и многие другие — должны стать предметом публичного обсуждения или размышления, но такое невозможно, пока не удастся убедить в этом тех, кто их ведет и кто с них живет, иначе говоря, СМИ и публицистов. Поэтому гражданские инициативы должны быть направлены прежде всего на то, чтобы спасать то, что в СМИ публично. Другими словами, принуждать к той серьезности, которой, вне сомнения, ждут граждане, никем не трактуемые всерьез. Вот роль для гражданских инициатив, хотя почти всё зависит от их способности достучаться до средств информации и от того, принудят ли они политику не к другому тону, но к принципиально другим типам содержания, нежели те, для реализации которых достаточно администрации.

Из сборника «Jaka wspólnotowość Polaków w XXI wieku?» Instytut Badań nad Gospodarką Rynkową, Gdańsk 2010.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«Россия и Белоруссия начинают совместные учения «Запад-2013», при этом роль воображаемого противника их армий досталась Польше и странам Прибалтики. Это не столько гипотетическая установка, сколько главный элемент российской военной стратегии, которая как врага рассматривает НАТО, в особенности восточные рубежи северо-атлантического блока, то есть нас».** ***(Анджей Талага, «Жечпосполита», 19 сент.)***

» «До четверга продлятся в Калининградской области российско-белорусские учения, в которых участвует 22 тыс. военнослужащих, танки, самолеты, вертолеты, корабли и новейшие военные роботы. Когда учения происходят в непосредственной близости от нашей границы, одним из сценариев предусмотрен воображаемый ядерный удар по Варшаве. (...) Реакцией НАТО (...) могут стать запланированные на ноябрь учения, которые пройдут на территории Польши и Прибалтики (...). Участвовать в них будет несколько тысяч военных, в том числе французских, британских и американских». *(«Газета польска цодзенне», 25 сент.)*

» **«Россия уже не меньше года обучает свои вооруженные силы быстрым воздушно-десантным и ракетным ударам. Недавние большие маневры в Восточной Сибири доказали, что российская армия значительно усовершенствовала свои навыки в быстрой переброске соединений на большие расстояния. Российские войска уже в состоянии атаковать в ходе маршброска без предварительной подготовки».** ***(Анджей Талага, «Жечпосполита», 21-22 сент.)***

» «Когда в 120 км от нашей границы должна появиться российская авиабаза (...) не время уклоняться от ответов на неудобные вопросы», — Витольд Юраш, бывший генеральный консул Польши в Белоруссии. *(«Дзенник — Газета правна», 25 сент.)*

» **«Таких масштабных учений, как начинающиеся через месяц учения «Стедфаст джаз-2013», северо-атлантический альянс не проводил с 2006 г.; более того, это первые такие учения на территории новых членов ЕС — стран Центрально-Восточной Европы. (...) Военные из западных стран-участниц альянса впервые участвуют в учениях в такой непосредственной близости от границ России, которая полагает, что войска НАТО вообще не должны появляться в этом регионе. Натовские же самолеты смогут теперь долететь до российской границы за полминуты. (...) О своем участии в учениях заявили 20 из 28 членов ЕС, а также Украина. (...) В операции примут участие элитарные подразделения, способные отразить атаки такой мощной убойной силы, которой в Восточной Европе располагает только Москва».** ***(Енджей Белецкий, Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 1 окт.)***

» ««Отступать некуда, позади Москва», — эти слова процитировал в Ялте Александр Квасневский. Таким оригинальным образом бывший президент Польши подвел итоги трехдневного совещания Ялтинской европейской стратегии (YES), которое из года в год организует фонд Виктора Пинчука. (...) Слова Квасневского вызвали горячее одобрение присутствовавших. Москва делает всё, чтобы помешать подписанию Соглашения об ассоциированном членстве Украины в ЕС, запланированному на ноябрь 2013 г., когда в Вильнюсе начнет свою работу саммит «Восточного партнерства»». *(Мирослав Чех, «Газета выборча», 25 сент.)*

» **«В 1988 г. (...) я смотрел интервью, которое генерал Войцех Ярузельский дал советскому телевидению. (...) У него спросили: «Товарищ генерал, какой самый важный урок для себя вы извлекли во время пребывания в Советском Союзе?». В ответ Ярузельский неожиданно перешел на русский: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим!» (...) Два года назад я разговаривал с ушедшим недавно Асаром Эппелем, выдающимся переводчиком художественной литературы, большим знатоком польской ментальности. (...) Я спросил у**

него, почему поляки заставили Ярузельского предстать перед судом. Его ответ был странным и запутанным, но по сути справедливым: «Поляки судят Ярузельского за то, что он не позволил русским нанести им еще одну глубокую рану, бередить которую можно бы было потом очень долго»», — Петр Черемушкин. ***(«Газета выборча», 28-29 сент.)***

» «Президенты Бронислав Коморовский и Виктор Янукович подписали в понедельник в Кракове договор о сотрудничестве между Польшей и Украиной на 2013-2015 гг. Главы государств также обсудили Соглашение об ассоциации, которая должная сблизить Киев с ЕС. «Европейская интеграция чрезвычайно важна для нас», — подчеркнул Янукович. (...) «Вместе с президентом Коморовским мы немало сделали для подготовки к вильнюсскому саммиту. Полагаю, что совещание относительно европейской интеграции обязательно принесет свои плоды», — заявил украинский президент. (...) «Всегда было очевидно, что сотрудничество Польши и Украины, а также процесс сближения Украины и ЕС относятся к вопросам стратегического характера», — комментировал итоги встречи Коморовский. (...) Вечером он встретился с президентами Италии и Германии, Джорджо Наполитано и Йоахимом Гауком, позднее к ним присоединился Виктор Янукович. (...) Во вторник в Краков прибудут также главы Финляндии, Латвии, Эстонии, Болгарии и Португалии». *(Бартоломей Кутась, «Газета выборча», 8 окт.)*

» **«Ежегодно Польша выдает гражданам Белоруссии свыше 300 тыс. виз — это половина всех виз, выдаваемых странами Евросоюза вместе взятыми. Белорусские власти годами не соглашаются на увеличение количества польских консульских учреждений и сотрудников консульств, равно как и на заключение договора о малом приграничном движении. (...) В настоящее время польский консул в среднем выдает белорусам 110 виз в день, что можно назвать абсолютным рекордом».** ***(Наталья Радина, «Газета выборча», 10 сент.)***

» «Свящ. Владислав Лазарь (...) был арестован 27 мая, в настоящее время он находится в следственном изоляторе КГБ. (...) КГБ обвинило Лазаря, у которого, кроме белорусского гражданства, имеется еще и «карта поляка», в государственной измене». *(Из Гродно Анджей Почобут, «Газета выборча», 14-15 сент.)*

» **«В Вербковице Люблинского воеводства депутаты совета гмины не позволили православным монахиням построить на своем участке часовню и звонницу. (...) Барбара Крыщенко, бывший секретарь товарищества сельских школ: «Православные у нас однозначно ассоциируются в российским гнетом времен разделов Польши. Дома, в которых поселились монахини, были построены с целью русификации»».** ***(«Газета выборча», 30 сент.)***

» ««За мужество в утверждении ценностей гражданского общества, решительности в создании фундамента свободной экономики, а также за принципиальную позицию в борьбе за справедливость и человеческое достоинство», — так обосновало вручение премии им. Леха Валенсы Михаилу Ходорковскому. О том, что именно он станет лауреатом этой премии, заявил в Гданьске сам Валенса. 29 августа в гданьском Дворе Артуса диплом, статуэтку и чек на 100 тыс. долларов получит представляющий российского диссидента его сын Павел. Деньги будут перечислены указанной лауреатом организации». *(Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 27 сент.)*

» **«С 2010 года в бывшем концлагере Треблинка проходят встречи молодежи Польши и Израиля. Мероприятия в рамках проекта «Мы вместе» в этом году проходят в четвертый раз. В них принимают участие 600 школьников обеих стран. (...) Программой также предусмотрена дискуссионная платформа с участием ста работников органов самоуправления из местностей, в которых до войны жили евреи. (...) В Освенциме уничтожали евреев со всей Европы, в Треблинке же — польских евреев».** ***(Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 2 окт.)***

» «Исраэль Гутман (1923-2013). Родившийся в Польше израильский историк (...) скончался в Иерусалиме в возрасте 90 лет. «Он был тесно связан с Польшей, особенно с Варшавой, где родился и вырос, поэтому интересовался не только польским языком и культурой Польши, но даже погодой в польской столице», — рассказывает Тами Гутман, дочь историка. (...) Он участвовал в восстании в варшавском гетто в 1943 г., где был ранен, был узником немецких концлагерей, в том числе Освенцима». *(«Жечпосполита», 2 окт.)*

» **««Освенцим — ваш дом, вся Польша это знает!», «Евреи — вон!», «В газовую камеру!» — скандировали на стадионе футбольные**

фанаты познанского «Леха» во время матча с лодзинским «Видзевом». Стефан Антковяк, глава Великопольского футбольного союза, патронирующего «Лех»: «Я ничего не слышал. На стадионе слабая акустика»». *(«Газета выборча», 1 окт.)*

» «Полтора десятка мужчин с бейсбольными битами и горящими факелами напали в Лодзи на цыганскую семью. Хотели поджечь их дом, избили пожилую женщину. (...) Клаудия: «Спустя несколько часов двое других бандитов снова появились у нас во дворе. (...) Кричали, что поубивают нас, если мы обратимся в полицию»». *(«Газета выборча», 9 окт.)*

» **««В Польше есть проблема под названием «ксенофобия», которая часто толкает некоторых людей на совершение преступлений», — констатировал на вчерашней пресс-конференции генеральный прокурор Анджей Шеремет. Он также обязал руководителей апелляционных прокуратур назначить в каждом округе одну или две районные прокуратуры, ответственные за расследование преступлений, совершенных по мотивам ненависти». *(Малгожата Крышкевич, «Дзенник — Газета правна», 25 сент.)***

» «Первое место в варшавском марафоне занял представитель Польши Яред Схегумо, родившийся в Аддис-Абебе. Польское гражданство он получил десять лет назад. В марафоне приняло участие 8672 спортсмена, финишировало 8505». *(По материалам «Жечпосполитой» и «Газеты выборчей» от 30 сент.)*

» **«После «Диагноза» 2011 г. были все основания говорить о Польше как о стране, которая продолжает активно развиваться во всех направлениях. Сегодня же этот сладкий образ всё отчетливее горчит. (...) Большинство поляков в последние годы заявляют, что чувствуют себя счастливыми и довольными жизнью, однако наши реальные доходы снизились за эти самые годы на 5%. Несмотря на это, выросла доля людей со сбережениями, в 76% домашних хозяйств постоянные доходы позволяют удовлетворять все актуальные насущные потребности. (...) Ложкой дегтя в этой бочке меда выступает тот факт, что на 1% поднялся уровень нищеты. (...) А динамика перемен серьезно сбавила скорость. (...) В сфере экономики наступил застой, а цивилизационное развитие значительно притормозилось. Мы не относимся к странам с устойчивой экономической иерархией. (...) Половина тех, кто еще два года назад относился к беднейшим слоям населения, сегодня оказались среди людей с высокими доходами. В то же самое время половина зажиточных граждан переместились в группу людей с низкими доходами. (...) Эпоха преобразований подошла к концу. Поляки ожидают усовершенствования государственного аппарата, исправления ошибок и корректировки неудач, им нужны постепенные изменения к лучшему, а не новая революция. (...) Мы негативно оцениваем состояние нашей правовой системы, полагаем, что рынок труда плохо организован, но довольно часто можем предъявлять претензии и к самим себе. Ибо мы часто закрываем глаза на нечестную игру, пренебрежение общественным благом, не доверяем друг другу, не хотим объединяться и действовать сообща, не создаем механизмов общественного контроля за государственными институтами», — профессор Януш Чапинский *(«Газета выборча», 4 окт.)***

» «В конце 2012 г. 2,13 млн. поляков находилось за границей (это на 70 тыс. больше, чем в 2011 г. и на 130 тыс. больше, чем в 2010-м). Свыше 1,4 млн. из них — не старше 39 лет, среди них 226 тыс. детей в возрасте до 15 лет. Самую большую группу эмигрантов составляют люди в возрасте от 25 до 34 лет, их 726 тысяч. В Польше в 2013 г. число умерших может на 40 тысяч превысить численность новорожденных. Только в первом полугодии родилось 183 тыс. детей (на 9 тыс. меньше, чем год назад), а умерло 202 тыс. поляков (на 7,6 тыс. больше)». *(«Жечпосполита», 7 окт.)*

» **«В этом году 25 детей и подростков стали жертвами убийц. Это в два раза больше, чем в прошлом году. (...) В их числе есть как младенцы, так и дошкольники, замученные собственными родителями. (...) В течении восьми месяцев этого года зафиксировано 23 убийства малолетних. (...) В 2012 г. было совершено 13 убийств малолетних». *(Гражина Завадская, «Жечпосполита», 1 окт.)***

» «Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) каждые три года проверяет знания и умения 15-летних подростков со всего мира. (...) Впервые Польша приняла участие в

Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся в 2000 году. (...) Наши 15-летние школьники продемонстрировали тогда довольно средний уровень по сравнению с детьми из более развитых стран. Три года спустя, когда появилась возможность оценить результаты реформы образования, проведенной министром Мирославом Хандке, польские дети заняли 13-е место по чтению и 18-е по математике, незначительно опередив по обоим показателем подростков из США. А потом дела пошли еще лучше. В 2003-2006 гг. число учащихся, которые плохо читали и писали, снизилось на 30%. (...) «До 2009 г. Польша наглядно опережала США в математике и естественных науках, тратя при этом на каждого ученика менее половины того, что расходовали Штаты», — пишет Аманда Рипли в книге «The smart kids in the world: and how they got that way»». *(Роберт Севёрек, «Тыгодник повшехный», 15 сент.)*

» **«Уже десятый год подряд составляется рейтинг вузов всего мира — Academic Ranking of World Universities (так называемый шанхайский список). (...) Два польских университета, Ягеллонский и Варшавский, оказались в группе 301-400. (...) Примерно так же мы выглядим в классификации The Times Higher Education World University Ranking. (...) В свежем рейтинге оба этих польских университета оказались в последней группе между 351-м и 400-м местами. (...) В 2005 г. число поступивших в польские вузы составило почти два миллиона человек. (...) В прошлом году эта цифра оказалась на 236 тысяч меньше. (...) В начале сентября этого года в процессе ликвидации находились 26 негосударственных высших учебных заведений, в прошлом году — 27, два года назад — 22. (...) Очень часто в роли спасательного круга для терпящих бедствие вузов выступают иностранцы. В 2004-2011 гг. число иностранных студентов выросло почти в три раза, достигнув 24 тысяч. (...) Больше всего студентов приезжает из Украины (свыше 6 тыс.) и Белоруссии (почти 3 тыс.). В 2011 г. в Польше также обучалось 565 китайцев».** ***(Анна Гоц, «Тыгодник повшехный», 6 окт.)***

» «Растет число проблем в сфере высшего образования: снижаются как уровень обучения, так и стандарты функционирования вузов — ответственность, открытость, качество работы, вовлеченность в социальные взаимоотношения. И самое печальное — продолжает утрачиваться контакт между преподавателем и студентом. (...) Мы внезапно оказались в положении, когда высшее образование получают не 10, а 30% населения. (...) Мы превратили высшую школу в фабрику дипломов — высокопроизводительную, но довольно бестолковую, так как она ставит своей целью выдачу диплома, а не развитие личности и ее способностей», — Ежи Хауснер. *(«Тыгодник повшехный», 6 окт.)*

» **«Когда-то ученая степень вызывала доверие, особенно в сочетании с научными публикациями в той же области. Чтобы издать научную книгу, необходимо было сначала заручиться авторитетным мнением независимых и добросовестных рецензентов. Сегодня достаточно иметь деньги на издание книги. Положительную рецензию тоже можно купить. С помощью этих манипуляций создается псевдоавторитет, подкрепляемый так называемыми «научными достижениями»», — проф. Збигнев Шараварский, председатель Комитета по вопросам биоэтики при президиуме Польской Академии наук.** ***(«Газета выборча», 23 сент.)***

» «Чета Будайчиков решила не отправлять своих детей в школу, посчитав, что будет гораздо лучше, если они сами займутся образованием своих детей. Победив в борьбе с органами народного образования, Будайчики подали пример и развязали руки остальным — сегодня домашнее образование в Польше легально и действенно. В Варшаве и других городах объединения жителей совместно приобретают продукты непосредственно у производителей, чтобы избежать наценок, которые навязывают супермаркеты. Это и есть политика малых дел», — проф. Казимеж Фреске. *(«Пшеглёнд», 16-22 сент.)*

» **«В третьем квартале этого года польская экономика увеличила объем производства на 1,6%, следует из прогнозов газеты «Жечпосполита». Это намного лучше, чем во втором квартале, когда годовой рост ВВП составил лишь 0,8% (в первом квартале — 0,5%). (...) Объем розничной торговли за весь третий квартал вырос на 4%. (...) Улучшения заметны и в других отраслях экономики. (...) Уровень занятости снижается всё медленнее — 0,3% в сентябре против 1% в середине года. Статистические данные за третий квартал свидетельствуют,**

что экономика находятся на пути поэтапного оживления». ***(Анна Сесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 1 окт.)***

» «К сожалению, польская экономика (вопреки тому, что говорил премьер) переживает застой, о чем свидетельствует недавно зафиксированный рост ВВП (0,5 и 0,8%). Даже в очень развитых странах такой рост ВВП не считается достаточным. Для того чтобы положение на рынке труда улучшилось, польская экономика должна развиваться с интенсивностью не менее 4% ежегодно». *(Петр Кучинский, «Газета выборча», 5-6 окт.)*

» **«В представленном Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) свежем отчете о глобальной конкурентоспособности Польша в категории «эффективность рынка труда» опустилась с 57-го на 80-е место. (...) В большинстве категорий отчета у нас отмечается либо спад, либо крайне невысокие позиции: чрезмерно регулируемая практика приема на работу и увольнения обеспечивает нам 112-е место в мире (переместились вниз со 103-го), расходы при увольнении — 91-е место (переместились вниз с 38-го), взаимодействие издержек и производительности — 45-е место (переместились вниз с 39-го), способность страны сохранять и искать таланты — 119-е и 121-е места (переместились вниз со 108-го). Кроме того, отчет свидетельствует, что многие ключевые должности в Польше занимают непрофессионалы, так что в этой сфере у нас отмечено снижение с 74-го место на 79-е. (...) Установлено, что налоговая система в Польше негативно влияет на состояние трудоустройство, так что в этой категории мы занимаем 105-е место. (...) Рейтинг ВЭФ составляется на основе мнений 14 тыс. учредителей различных фирм со всего мира, среди которых 200 польских предпринимателей. (...) По данным Щецинского университета, в Польше свыше полумиллиона чиновников, в то время как в 1990 г. их численность едва достигала 160 тысяч», — проф. Кшиштоф Рыбинский** ***(«Жечпосполита», 14-15 сент.)***

» «В конце июня было зарегистрировано свыше 4 млн. предприятий, на 250 тысяч больше, чем в 2008 г., когда начался кризис. В среднем начиная с 1989 г. у нас ежегодно появлялось 174 тыс. новых предприятий, то есть каждый час около 20 поляков принимало решение попытать счастье в бизнесе. В большинстве своем — 99,8% — это малый и средний бизнес, то есть предприятия, на которых трудится менее 250 человек. (...) 18% работающих поляков зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, это значит, что сегодня их уже 2,7 млн., что составляет 14% в среднем по Евросоюзу. (...) 23% поляков, которые еще не ведут собственного бизнеса, заявляют, что хотели бы его открыть в течение ближайших трех лет, в то время как планы подобного рода вынашивают лишь 13% немцев, французов или англичан. Каждый второй злотый в польском ВВП (48%) — это вклад польских малых и средних предприятий». *(«Дзенник — Газета правна», 1 окт.)*

» **«После шести лет роста реальных (то есть за вычетом инфляции) доходов, 2012 г. оказался уже вторым по счету, когда эти доходы снижались. Так называемый располагаемый доход, то есть те деньги, которые остаются у нас на руках после уплаты налогов государству, составил в прошлом году 1278 злотых на человека [в месяц], и был на 0,1% ниже, чем годом ранее. Эта ситуация наверняка повторится и в этом году. Это следствие медленного роста экономики, высокого уровня безработицы и усиления налогового давления на бизнес со стороны государства».** ***(Бартош Марчук, «Жечпосполита», 1 окт.)***

» «Мы уже много лет наблюдаем интересную тенденцию: участие фонда заработной платы в формировании ВВП снижается, а в Польше и вовсе находится почти на самом низком уровне по сравнению с другими европейскими странами. Это означает, что пользу от роста экономики извлекают в основном крупные корпорации, а не сами работники». *(Кшиштоф Рыбинский, «Дзенник — Газета правна», 30 окт.)*

» **«В конце первого полугодия государственный долг составил свыше 888 млрд. злотых, сообщило министерство финансов. Тем самым задолженность превысила 55% ВВП, т.е. так называемый второй порог осторожности, предусмотренный законом о государственных финансах. (...) Если финансовый год будет закрыт с долгом такого объема, уровень бюджетного дефицита в будущем году должен будет обеспечить снижение долга по отношению к ВВП, а правительству придется разрабатывать программу санационных вмешательств. Валоризация пенсий в таком случае тоже будет ограничена».** ***(«Жечпосполита», 11 сент.)***

» «В действительности долг в Польше в три раза больше официального. Вчера в центре Варшавы Фонд гражданского развития (ФГР) запустил счетчик этого долга. Этот скрытый долг — сумма обязательств Управления социального страхования (УСС) перед нынешними и будущими пенсионерами. Сюда, согласно методике расчетов ФГР, не относятся обязательства, возникающие из признаваемых УСС рент, а также ренты и пенсии из Кассы социального сельскохозяйственного страхования, равно как и пенсионные обязательства перед силовиками. Всего, как посчитал ФГР, сумма этого долга составляет 3070 млрд. злотых, то есть 190,6% ВВП. В перерасчете на одного жителя Польши это составляет ни много ни мало 82,6 тыс. злотых. Для сравнения: сумма официального долга — 936 млрд. злотых (57,3% ВВП), т.е. около 25,2 тыс. злотых на человека». *(«Жечпосполита», 1 окт.)*

» **«49% пенсионеров негативно оценивают предложения правительства о реформировании Открытых пенсионных фондов (ОПФ). Вмешательство государства в деятельность ОПФ поддерживают 17,3%, а 33,3% не имеют на этот счет сформированной позиции. Опрос «Homo Homini» от 6 сентября»** ***(«Жечпосполита», 9 сент.)***

» ««В контексте интересов страны я не могу найти никаких объяснений этой реформе», — Лешек Бальцерович. «Явный государственный долг будет заменен скрытыми обязательствами государственного казначейства, что позволит государству делать новые долги и повысит риск превышения разумных пределов задолженности с обязательным последующим уменьшением пенсий», — недвусмысленно оценивают ситуацию эксперты Польской конфедерации частных предпринимателей «Левиафан»». *(«Газета польска цодзенне», 2 окт.)*

» **«Подрезая второй уровень пенсионной системы (то есть ОПФ), правительство связывает будущих пенсионеров по рукам и ногам. Теперь их материальная поддержка будет зависеть исключительно от государственного монополиста. Большевистские методы Туска и Ростовского по сути ставят крест на конкуренции между государственным и частным секторами. (...) За годы работы на Уолл-стрит мне приходилось иметь дело как с государственными инвесторами, так и с частными, и последние, как правило, гораздо эффективнее. (...) Правительство решило исключить настоящую конкуренцию. (...) Страховые фирмы, которые более десяти лет создавали целую бизнес-структуру вокруг польской пенсионной системы, оказались уничтожены. (...) Вам удалось создать что-то лучшее?! (...) Национализация пенсионной системы в ближайшие годы приведет к оттоку из Польши иностранного капитала, а также к снижению темпов экономического роста и непременному падению злотого. И, как следствие, к инфляции. Это неизбежно», — Мэтью Тырманд, экономист и инвестор.** ***(«Дзенник — Газета правна», 27-29 сент.)***

» «Я был сторонником ОПФ. (...) Но если бы сохранили порядок, существовавший в 1999-2010 гг., то через два-три десятка лет пришлось бы снизить государственные расходы на 1,7% ВВП. И в середине этого столетия в ОПФ было бы 90% ВВП. (...) Сторонники ОПФ винят правительство: оно, дескать, не повысило на время пенсионный возраст, не включило в пенсионную систему силовиков, не провело финансовую реформу. (...) Однако неизвестно, оказалось бы этого достаточно», — Марек Белька, директор Национального банка Польши. *(«Газета выборча», 28-29 сент.)*

» **«Возможно, мы руководим страной нечестно, зато правильно», — комментарий карикатуриста Анджея Краузе.** ***(«Жечпосполита», 30 сент.)***

» «Иногда человек идет по жизни, нацепив маску, и мы не знаем, что в нем сидит на самом деле. И вдруг обстоятельства вынуждают его показать свое истинное лицо. Это как раз пример Яцека Ростовского. И не только его», — Лешек Бальцерович *(«Газета выборча», 18 сент.)*

» **«69% поляков полагают, что ни одна из существующих политических партий не оправдывает их ожиданий и не заслуживает, чтобы за нее голосовали. При этом свыше половины опрошенных не хотели бы смены политического расклада. (...) ЦИОМ, 4-11 июля».** ***(«Газета выборча», 12 сент.)***

» Из интервью со знаменитым политиком, депутатом Сейма, пресс-секретарем партии «Право и справедливость» (ПиС), помещенного на страницах центральной газеты: «Роберт Мазурек: Скажите, размер — имеет значение? Депутат Адам Гофман: Поинтересуйтесь у подруг вашей

жены. (...) Р.М.: Но ведь это вы сказали вашей подчиненной, что показали бы ей ваш половой член, если бы не мешали папарацци. И эксперт фонда «Феминотека» квалифицировала это как сексуальное домогательство. Депутат А.Г.: Это характерный пример манипуляции, когда за комментарием обращаются к структуре, у которой с нами идеологический конфликт. (...) В Эльблонге из меня пытались сделать пьяницу. (...) Р.М.: Что значит «сделать пьяницу»? Вы мочились на улице или нет? Депутат А.Г.: Отрицать это глупо, все видели снимки. (...) Теперь-то я понимаю, что в любых обстоятельствах нужно вести себя так, словно ты всё время на публике. (...) Меня атакуют уже не столько с подтекстом, сколько с конкретной политической целью». *(«Жечпосполита», 14-15 сент.)*

» **«Партия ПиС приняла специальную резолюцию, обязав политиков вести себя достойно «на рабочем месте, во время парламентских заседаний и командировок». *(«Впрост», 16-22 сент.)***

» «Ты получаешь должность в госорганах, так как работаешь на благо партии и голосуешь за нее. (...) Партия награждает своих людей административными должностями, а они потом, в качестве функционеров-администраторов, подключаются к предвыборной кампании. (...) На политической сцене господствуют аппаратчики и оппортунисты. (...) Политики, независимо от партийной принадлежности, становятся профессиональными защитниками собственных кресел, боясь каких-либо перемен. (...) Они крайне редко расценивают свою профессию как государственную службу. (...) Изменился строй, но не изменилась ментальность тех, кто приходит во власть», — проф. Майкл Шпорер *(«Пшеглёнд», 23-29 сент.)*

» **«Скандалы с участием политиков из крестьянской партии ПСЛ отличает одно: никто не расстается с занимаемой должностью». *(«Дзенник — Газета правна», 13-15 сент.)***

» «Политики утратили понимание того, как управлять страной. Большинство из них не знает, чего они хотят, а некоторые даже не понимают, о чем они говорят. Они действуют исключительно в собственных интересах, а связь с общественностью сводится к неопасным общим фразам. (...) Общество не способно к рефлексии, не хочет понимать и анализировать то, что говорят политики. У него нет на это ни желания, ни сил, ни времени. А также образования, помогающего остро чувствовать фальшь», — проф. Войцех Цвалина, Высшая школа социальной психологии. *(«Дзенник — Газета правна», 13-15 сент.)*

» **«58% поляков негативно оценивают эффективность демократических процедур в стране. Количество скептиков за последние два года увеличилось на 11%. Тем не менее, 62% опрошенных по-прежнему считают, что «демократия лучше всех остальных форм правления». Противоположной точки зрения придерживается 21% опрошенных. Это самый высокий процент после 2001 года. На 5% (до 17%) возросло число людей, которые не определились с ответом. Опрос ЦИОМа от 4-11 июля». *(«Газета выборча», 17 сент.)***

» «72% поляков, опрошенных в сентябре агентством TNS Polska, неудовлетворительно оценивают работу правительства, поддерживают же правительство 20%. Премьера Дональда Туска критикует 68% опрошенных, хвалит — 24%. О президенте Бронславе Коморовском хорошо отзывается 51% опрошенных, негативно — 36%». *(«Жечпосполита», 20 сент.)*

» **«Худшими кандидатами на пост президента Польши, согласно опросу «Homo Homini» от 25-26 сентября, оказались Януш Паликот — 33,4%, Ярослав Качинский —33,4%, а также Дональд Туск — 17,6%. Меньше всего критических отзывов получил председатель крестьянской партии ПСЛ Януш Пехотинский (0,9%) и нынешний президент страны Бронислав Коморовский (1,4%). *(«Супер экспресс», 30 сент.)***

» «Премию «Global Citizen», присуждаемую американским Атлантическим советом, вручил вчера президенту Брониславу Коморовскому Збигнев Бжезинский». *(«Газета выборча», 28-29 сент.)*

» **«Поддержка партий: ПиС — 28%, «Гражданская платформа» (ГП) — 22%, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Движение Паликота» — 4%, «Конгресс новых правых» Януша Корвин-Микке —4%. Избирательный порог составляет 5%. Не определился с выбором 21%. Заявленная готовность пойти на выборы — 57%. Опрос ЦИОМа». *(«Газета выборча», 11 окт.).***

» «Разделение на крупные политические лагеря было характерно для Польши еще в XVIII веке. (...) Уже тогда было две Польши: традиционная, консервативная Польша патриотов и Польша официальная, которая, несмотря на реформаторские тенденции, была разъедаема коррупцией и обречена на сотрудничество с чужаками. В первой с честными людьми соседствовали глупцы, а во второй — стяжатели. (...) Сегодняшняя ситуация в Польше слегка напоминает конец XVIII века. (...) Окажутся ли последствия столь же печальными?», — Михал Войцеховский. *(«Жечпосполита», 12 сент.)*

» **«Из триады «Свобода, Равенство, Братство!» у нас всё хорошо сложилось только со свободой. Но без равенства и братства свобода явно находится под угрозой и может быть сведена до свободы денежных потоков. (...) Это будет работать. Мне так кажется. (...) Назвать даты? Этого я не знаю. (...) Сейчас выиграет Качинский и неожиданно найдет соратников по коалиции. Он не обратит карательный аппарат полицейского государства против разных там леваков, это уже немодно, но, к примеру, попытается разделаться с председателями фракций. (...) Придется защищать маленьких ублюдков от больших (...) от Центрального антикоррупционного бюро. Именно так и произойдет», — проф. Кароль Модзелевский.** ***(«Газета выборча», 14-15 сент.)***

» «В профсоюзной акции протеста участвовало 200 тыс. человек. «Долой Туска, долой Миллера, Ярека в премьеры!». Это должна была быть самая крупная акция протеста после 1989 г. — такой она и оказалась». *(«Газета польска цодзенне», 16 сент.)*

» **«Председатель «Солидарности» Петр Дуда, карикатура на Леха Валенсу 1980-х, прямо заявляет, что хочет свергнуть правительство. Борьба за свержение правительства — в этом, по его мнению, и заключается основная задача профсоюзов».** ***(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 16-22 сент.)***

» «Профсоюзы доказали, что они в состоянии мобилизовать сотни тысяч людей на манифестацию в защиту прав рабочих. В субботу по Варшаве прошло около ста тысяч участников акции (включая представителей трех центральных профсоюзных организаций — «Солидарности», Всепольского объединения профсоюзов и «Профсоюзного форума». Участников акции поддержал архиепископ Славой Глудзь, процитировавший слова кардинала Стефана Вышинского о том, что в конфликте между властью и народом всегда прав народ». *(«Жечпосполита», 16 сент.)*

» **«Лозунги были разные, от ультраправых «Нам нужна Четвертая Речь Посполитая!», «Долой смоленских!», «Это был теракт!», «Вон из Польши, предатели!» до «Вместе защитим права рабочих». (...) «Вчера перед вами захлопнули двери министерских кабинетов, а сегодня Пресвятая Дева открывает вам объятия», — заявил собравшимся в воскресенье гданьский митрополит архиепископ Славой Лешек Глудзь. На Ясной горе молилось 20 тыс. человек. Присутствовали также Петр Дуда, председатель «Солидарности», и Ярослав Качинский, председатель партии ПиС».** ***(Агата Кодзинская, «Газета выборча», 16 сент.)***

» «Паломничество трудящихся на Ясную гору состоялось в этом году после манифестаций против политики правительства, против невнимания власти к общественным проблемам. (...) В своей проповеди архиепископ Славой Лешек Глудзь раскритиковал законопроекты «об уничтожении профсоюзов». «Эти меры по духу своему сродни введению военного положения», — заявил митрополит». *(Агнешка Гроч, «Наш дзенник», 16 сент.)*

» **«После 1989 г. в Польше действовало либо действует около 2 тыс. СМИ, ссылающихся на свою связь с религией. Католическая Церковь располагает 19 радиостанциями — как собственно епархиальными, так и находящимися под непосредственным покровительством соответствующего епископа. В интернете функционируют не меньше шести порталов, которые объявляют себя польско-католическими».** ***(«Пшеглёнд», 7-13 окт.)***

» «В Бельске-Подлясском в приходе Милосердия Божия вчера был открыт и освящен катынско-смоленский памятник. (...) В торжественных мероприятиях приняли участие Эва Блащик и Кристина Квятковская, вдовы генералов, погибших в смоленской катастрофе. Они и открыли памятник. (...) Памятник призван напоминать обо всех погибших в Катыни, Медном, Харькове, Осташкове, Козельске, Быковне, Старобельске и Смоленске. Названия этих населенных пунктов выгравированы на памятнике, на цоколе же расположены

имена 96 человек, погибших под Смоленском, во главе с президентом Лехом Качинским». *(Катажина Гегельская, «Наш дзенник», 16 сент.)*

» **«Польская прокуратура, приняв во внимание письмо следственных органов Доминиканской республики, приступила к расследованию по делу бывшего нунция на Доминикане, архиепископа Юзефа Весоловского и также служившего на острове свящ. Войцеха Гиля из ордена михаилитов, подозреваемых в растлении малолетних. Почти одновременно телеканал TVN24 сообщил, что свящ. Гжегож К., осужденный за развратные действия в отношении малолетних (приговор условный), уже на этой неделе исполнял обязанности настоятеля, в том числе надзор за юными министрантами». *(«Тыгодник повшехный», 6 окт.)***

» «Многих случаев сексуальных домогательств удалось бы избежать, если бы отношения между родителями этих детей складывались нормально. (...) Очень часто подобные злоупотребления провоцирует сам ребенок, который ищет любви и, губя свою душу, втягивает в это еще и другого человека», — сказал архиепископ Юзеф Михалик, глава епископата Польши. В тот же день архиепископ отказался от своих слов, пояснив, что он неправильно выразил свою мысль, и извинился за допущенную ошибку. *(«Жечпосполита», 9 окт.)*

» **«Католическая Церковь начала подготовку экспертов, которые будут бороться с сексуальными домогательствами. В Кракове начали свою работу курсы для священников, а также «черных» и «белых» монахинь». *(«Жечпосполита», 24 сент.)***

» «Согласно результатам опроса «Homo Homini», 64% опрошенных считают, что католическая Церковь плохо борется с педофилией среди священников. 34% считают, что Церковь делает это из рук вон плохо. И только 24% респондентов полагают, что Церковь справляется с этой проблемой. Лишь 4% считают, что Церковь добилась на этом пути «очень хороших результатов». *(«Жечпосполита», 8 окт.)*

» **«Яцек Стасяк из Александрува-Лудзкого стал очередным польским священником, который открыто отказался повиноваться своему епископу. В качестве наказания ему запрещено выполнять обязанности настоятеля, служить мессы. (...) Прихожане не обращают на это внимания, и каждое воскресенье множество верующих приходит в храм свящ. Стасяка». *(Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 14-15 сент.)***

» «Непокорные священники у нас были всегда. (...) Их судьбы складываются по-разному. (...) Есть счастливчики, к примеру доминиканцы, это очень либеральный орден. Томаш Достатний спокойно публикуется в этой ужасной «Газете выборчей». (...) Доминиканец, замечательный о. Людвик Вишневский постоянно «гладит против шерстки». (...) Александр Хауке-Лиговский довольно оригинально прокомментировал проблему искусственного оплодотворения: «Убийство зародышей? Да ведь и при обычном зачатии их гибнет немало, а здесь, после заморозки и последующей имплантации, всем можно дать шанс». (...) Космолог с мировым именем о. Михал Хеллер (...) на этот же вопрос ответил, что он ничего в области искусственного зачатия не понимает», — Ян Турнань. *(«Газета выборча», 14-15 сент.)*

» **«Понтификат Франциска ознаменовал раскол в польской католической Церкви. (...) О глубине этих противоречий свидетельствует интерпретация идеи понтифика о «бедной Церкви для бедных». «Бедность — не синоним нищеты», — комментирует архиепископ Юзеф Михалик. (...) В итоге изменились только декорации. Золотые кресты епископы заменили на серебряные, новые туфли — на слегка поношенные. (...) Католическая Церковь в Польше быстро разделилась на собственно польскую и Церковь Франциска. Последняя перестала воспринимать первую — погрязшую в иерархичности и косности — как духовный авторитет и интересного собеседника. (...) Старый Папа отлично видит, что важно, а что нет. Автомобили, должности в курии, жесткие запреты и ограничения — всё это глупости по сравнению с проблемами голодных, разуверившихся или умирающих». *(Ярослав Миколаевский, «Газета выборча», 5-6 окт.)***

» «Контакты поляков с католической Церковью всё чаще сводятся к крестинам, венчанию и похоронам. В действительности католичество — это религия меньшинства. На практике только 40% поляков хотя бы раз в неделю бывают на мессе. В Варшаве же это делают лишь 20% жителей», — проф. Збигнев Миколейко. *(«Пшеглёнд», 23-29 сент.)*

» **«70,4% пар в Польше выбирают совместное проживание до свадьбы, следует из опроса, проведенного социологами Лодзинского уни-**

верситета. (...) Большинство этих пар решает зарегистрировать свои отношения только после рождения ребенка». ***(«Жечпосполита», 3 окт.)***

» Сотни тысяч поляков переехали на окраины. ««Всем хотелось жить ближе других к самому краю леса. Хозяин участка обещал каждому покупателю, что больше землю продавать не будет и лес останется на своем месте. Но пожить у самого леса ни у кого уже не получится, так как самого леса нет и в помине», — Катажина Кайданек». *(«Газета выборча», 14-15 сент.)*

» **«Самое большое в Европе (около 2 тыс. экземпляров) скопление монументальных дубов находится в великопольском Рогалине. (...) Им уже сотни лет (самому старому — около 700), большинство имеют девять метров в обхвате. (...) Во время работы над материалом о рогалинских дубах было сделано свыше 20 тыс. слайдов. Отбор 130 фотографий, которые составили альбом «Реквием», занял полгода».** ***(Мацей Фишер, «National Geographic Polska», сент.)***

» «Ситуация довольно трагическая, причем без каких-либо тенденций к улучшению. (...) Целей, связанных со сдерживанием [процесса] утраты биологического многообразия, достичь не удается. (...) Потому что для нас важнее экономика неустанного роста и безудержного потребления. Мы расходуем слишком много природных ресурсов», — проф. Гжегож Микусинский. *(«Тыгодник повшехный», 22 сент.)*

» **«Как раз прилетела бабочка Erateina, очень деликатно устроенная бабочка, которая летит легко, быстро и красиво, выполняя множество разворотов. (...) Летит она быстро, поэтому поймать ее довольно трудно, но мне удалось сделать это за пару минут. (...) При влажности 99% добычу необходимо немедленно убить, чтобы не сопрела, поэтому тут же раздавливаешь туловище, отрезаешь доступ воздуха...», — Изабелла Стахович, выпускница биофака Ягеллонского университета.** ***(«Политика», 25 сент. — 1 окт.)***

» «Мы — часть природы, и мы зависим от нее. Эти отношения никогда не были и не будут отношениями на равных. Поэтому нам необходимо снова найти свое место в этой иерархии зависимостей. А затем понять, что́ может нас спасти: охрана природы — это охрана нас самих, и, хотя это противоречит нашей цивилизации, но не направлено против нас. Охраняя природу, мы не только охраняем ее от нас — мы охраняем от нас самих себя». *(Рышард Кулик, «Дзике жыче», сент.)*

» **«В августе этого года в аэропорту Лейпцига сгорел украинский транспортный самолет АН-2. (...) Транспорт должен был лететь в Россию, на его борту находилось 49 тыс. живых цыплят. Заметка в газете кончается фразой: «Экипажу из семи человек удалось выбраться из горящего самолета. Никто не пострадал». Никто? В самом деле?».** ***(Игнаций Карпович, «Политика», 9-15 окт.)***

Томаш Ружицкий

О ПАГУБНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекция, прочитанная на открытии учебного года в Опольском университете 3 октября 2012 года

(...) Для меня великая честь выступать здесь, хотя, конечно, и стресс: те, кто меня знает, имеют представление, что последовательное изложение своих мыслей всегда было мне чуждо, поэтому я ловко решил сделаться поэтом, а не ученым, но, как видно, недостаточно ловко, раз должен здесь перед вами выступать, — фатум настигает и поэтов, и когда-то наконец они должны выступать перед учеными. Меня немного утешает тот факт, что некоторые из сидящих в этом зале одеты в замечательные разноцветные наряды, некоторые даже в костюмы грызунов, так что есть надежда, что не всё будет воспринято слишком серьезно.

Я назвал свое выступление «Мои университеты: о пагубных последствиях просвещения» и постараюсь прежде всего объяснить, как мне пришло в голову это название. Это не отсылка к известному произведению Максима Горького «Мои университеты», в котором русский писатель рассказывает историю своего классового роста, становления революционного сознания среди угнетенных капитализмом представителей рабочих масс. Это название не оттуда, хотя неожиданно сегодня имя Горького могло бы стать снова актуальным. Это также не отсылка к прекрасному стихотворению Мартина Светлицкого под названием «Университеты», герой которого, мальчик, тайно на крыше изучает науки, предварительно раздевшись там догола. (Нет, это не оттуда, хотя признаю, что именно эта идея изучения наук верна, то есть чтобы что-то усвоить, нужно прежде всего раздеться, но не где попало и не перед чем попало.)

Однако не оттуда это название. Я взял его из одной из самых известных в мире книг. В первой части этого произведения главный герой, доктор Фауст, говорит такие слова:

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — и вот
Тому пошёл десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу всё ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истину ищу,

Зато, когда людей учу,
Их научить, исправить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пёс не стал бы жить! Погибли годы!
(Пер. Н.Холодковского)

Если верить книгам, а в особенности книге Ласло Фельдени под названием «Меланхолия», именно так говорит типичный меланхолик. Это состояние было диагностировано как болезнь уже в древности, а один из первых, кто страдал ею, Беллерофонт, познал чувство метафизического одиночества. Одареннее других, восприимчивее других, обладавший особой силой и талантом, Беллерофонт, как пишет Еврипид, считался человеком, возвышающимся над другими, будучи полубогом, постоянно преступая действующие нормы и законы и чувствуя всё большее желание преступать новые, недоступные для остальных границы. Он поднялся на своем коне Пегасе в небо, но завистливые боги сбросили его на землю. Беллерофонт говорит: «И еще утверждают, что на небе живут боги? Нет там никаких, никаких богов».

С тех пор меланхолик, человек просвещенный, обладающий особым знанием о мире, будет в то же время несчастен, так как знание это будет горьким, а чувство отличия, отверженности, постоянного пребывания между этим и тем светом (меланхолик лучше других смертных, но не настолько хорош, чтобы быть богом) приведет к тому, что он будет страдать, не видя смысла в своей жизни, повторяя вновь и вновь за Беллерофонтом: «Блажен, кто не родился». Аристотель говорит так: «Почему все выдающиеся люди, отличившиеся в философии, в государственных делах, в поэзии или изобразительном искусстве, — меланхолики?»

Описание меланхолии как болезни развивается со временем, хотя уже Аристотель считал ее психической болезнью с соматическими истоками (она возникает от избытка так называемой черной желчи, консистенция которой напоминает, согласно ему, консистенцию красного вина). В свою очередь Константин Африканский в 1080 г. добавляет: «Каждый, кто читает чрезмерно много книг по философии, медицине и логике, либо таких, которые позволяют войти в Универсум, а также книг, толкующих о происхождении чисел, что арабы назвали наукой о линиях, а греки геометрией, становится меланхоликом». (Знаменательно, что «черную желчь» называли также дьявольской купелью, а меланхолики в Средневековье считались необыкновенно податливыми к дьявольскому нашептыванию, что, безусловно, как-то объясняет появление Мефистофеля у Фауста.)

Оставим, однако, сейчас меланхолию и ее причины, подумаем лучше о том, что главное то, что Фауст — академик. Он принадлежит к университетскому сообществу, даже, вероятно, был когда-то студентом в Кракове. А его меланхолия типична для представителя этой среды. Блаженный Августин в своем трактате «Против академиков» приводит, например, такие аргументы их сумасшествия: «Академики полагают, что человек не может достигнуть познания (...) а тем не менее утверждали, что человек может быть мудрым, и всё дело мудрого они видели в изыскании истины (...). Отсюда следовало, что мудрый не доверяет ничему: ибо он необходимо заблуждался бы (что со стороны мудрого преступно), если бы доверял вещам сомнительным. А что всё сомнительно, они не только говорили, но и подтверждали многочисленными доказательствами (...). Истина может быть познаваема по тем признакам, каковых не может иметь то, что ложно. Они употребили все свои усилия, чтобы доказать, что распознать это решительно невозможно. Отсюда и выдвинуты были в защиту подобного учения разногласия философов, обманы чувств, сны и галлюцинации, всевозможные софизмы. А так как от того же Зенона они узнали, что нет ничего более недостойного, чем мнение, то и построили весьма лукаво такое положение: если-де познать ничего нельзя, а мнение весьма недостойно, то мудрый ничего никогда не станет утверждать».

Значит ли это, что науки, просвещение, новые книги приводят к сумасшествию? К состоянию скуки, опустошенности, к ацедии, то есть духовной лени, печали, отчаянию, суицидальным мыслям? Приводят ли науки прямиком к неизлечимой меланхолии? Значит ли это, что мы, все здесь

присутствующие, имеем шанс впасть в меланхолию или, может, уже впали? Глядя на некоторых из присутствующих, я почти уверен в этом. Снова Фельдени, который цитирует Петрарку: «Никто меня не убедит в том, что думать начинаешь от избытка здоровья». Меланхолик — это, наверное, тот тип людей, который особенно часто появляется в темных вузовских коридорах, в аудиториях и кабинетах. Однако мне кажется, что встреча с меланхоликом — это еще не самая плохая встреча, какая может случиться в вузе. Бывает и хуже.

Во всех мнениях по поводу университета и идеи академии приходится слышать суждения о благотворном влиянии встречи и диалога, свободном обмене взглядами, а иконой академии становится между прочим фигура наставника, того, у кого можно учиться поведению и черпать знания, с кем можно дискутировать, кто поучает. Это позитивная идея, идея учителя-проводника и отношений наставник — ученик. Идея прекрасная, может, именно потому, что так редко осуществимая.

Хотелось бы вспомнить о другом феномене, на мой взгляд столь же важном в случае академии. О встрече с антипроводником, об антинаставнике, об антиучителе, которого мы можем встретить, будучи теми, кто пришел черпать знания из источника мудрости, из университета. Не приходилось ли вам встречать на своем пути какого-нибудь монстра, зануду, мегаломана, ворчливую каргу, фанфарона, пьяницу? Не правда ли, что шанс встречи с кем-нибудь таким в академическом корпусе в сто раз выше, чем шанс встречи с наставником? Скажу больше: насколько встреча с наставником — шанс, настолько встреча с сумасшедшим и занудой — закономерность. Не правда ли, что даже если мы встретимся уже с наставником, то он состоит на 99% из сумасшедшего, зануды, монстра, мегаломана и чудака и только на один процент из истинного наставника, то есть содержание наставника в наставнике не превышает порой одного процента, и в самом деле те счастливцы, кому удалось открыть в ком-то этот один процент, не будут поняты теми, кто пострадал от остальных 99% ликов того же человека.

Как быть с тем, кто занудствует? С тем, кто принимает экзамен по несуществующему предмету? С тем, кто, читая по памяти классика перед полной аудиторией студентов, бессознательно бурчит себе под нос, уставившись в окно? С той, что не любит ярко накрашенных студенток и на каждом шагу дает им почувствовать свою нелюбовь? С тем, кто приходит на занятие неподготовленным и свою неподготовленность пытается замять очередным коллоквиумом? С той, кого считают грозой студентов, но не по причине ее безграничных знаний, а по причине ее безграничной грубости и злобы? С тем, кто рассказывает шовинистские анекдоты? Или еще хуже, с тем, кто рассказывает откровенно неприличные анекдоты и сам потом над ними смеется? С той, что не умеет преподавать и простейшую тему превращает в кошмарную череду сложных отступлений, совершенно не относящихся к делу? С тем, кто принимает экзамен в пижаме, в постели, у себя на дому, вечером, хотя вовсе не тяжело болен и еще днем бегал по университету? С той, что унижает только потому, что может унижать? С тем, кто пользуется своей властью, чтобы приставать к студенткам? С той, что спрашивает на экзамене, как звали кошку у одной из второстепенных героинь второстепенного рассказика второстепенного писателя, чтобы потом вовсе не на полях, а на первой странице зачетки написать большими буквами «неудовлетворительно»? Как быть с тем, кто настолько самовлюблен, что не слушает никого, пользуясь каждой минутой, чтобы что-нибудь рассказать о себе? Как быть с той, которая очень любит подарки от студентов и даже сама подсказывает, что ей подойдет в кухню, а что в зал? С тем, кого почти никогда нет на занятиях? Я бы мог перечислять так долго. Что делать с тысячью людей, которых мы встречаем в наших вузах и которые не становятся наставниками — совсем наоборот, они скучны, претенциозны, ужасны, временами отвратительны?

Сейчас не время и не место, чтобы анализировать влияние негативных примеров и опыта на нашу жизнь, тем более что с такими антипримерами мы имеем дело с самого начала: в детском саду (и, наверное, чаще всего там — у каждого была какая-нибудь история с воспитательницей), в школе, в армии, на работе и на улице, всюду, в любое время, в том числе и во время нашей учебы. Это иногда люди, умеющие действительно обидеть, полностью осознающие свои поступки, действующие с преднамеренностью и выказывающие в этом настоящее, я бы даже сказал, на удивление садистское пристрастие. Эти люди очень часто знают, что делают, по меньшей мере думают, что знают. Но и

благодаря им мы учимся. Эти антипримеры определенно вызывают нашу реакцию, влияют на наше развитие, решения, мировоззрение, накладываются на наш опыт. Мы таковы как есть — благодаря им; кто знает, может, даже больше, чем благодаря нашим наставникам.

Но вернемся к меланхоликам, вернемся к Фаусту: меланхолики вовсе не самые плохие среди вузовских грешников, их, правда, постигло состояние опустошения, их охватил голод, они совершают грех ацедии, они унылы. Но это не самый страшный из грехов. Они унылы, стоят на краю, но все-таки еще не упали в пропасть, в пучину. Меланхолики не могут, вероятно, обидеть так сильно, потому что они сомневаются. Сомневаются в себе, будучи наставниками других, в себе, будучи примером для других. Они не питают заблуждений, но не уверены в собственной правоте — совсем наоборот, они знают, что ошибаются, хотя продолжают водить за нос своих студентов. Они пример антинаставника, антиучителя в том смысле, что отдают себе отчет в собственной неспособности к познанию всего, ведь их меланхолия происходит именно от этой вечной ненасытности: чем больше они читают, знают, тем больше отдают себе отчет, сколько еще ими не прочитано и как далеко им до того, чтобы они приобрели все знания, чтобы в самом деле знали, о чем говорят. «Пусть не страдаю от пустых сомнений, — говорит Фауст, — зато я радостей не знаю». Тот, кто так сомневается, — не просто монстр. Сомневающейся монстр — уже не монстр, монстр не может сомневаться. Или это другая, сомневающаяся категория монстра. Такой монстр, который задумывается о том, как он может быть «наставником и учителем», когда сам не знает, что лучше. Так чему же, чему мы можем научиться у меланхоликов? Какой из них толк, из людей, повторяющих: «Я знаю, что ничего не знаю»? Но не гораздо ли хуже их те, кто знает все ***наверняка***? Таким место, может быть, в армии (меланхолик в армии — это еще одна трагическая ошибка), в тюрьме, в школе (не говоря уже о детском саде), среди разного рода религиозных фанатиков, активистов, всех этих усердных, горячих и горящих Максимов Горьких.

Иосиф Бродский сказал, что в любой тоталитарной системе труднее сломать того, кто читает стихи, чем того, кто их не читает. Какая польза от тех, кто считает, что полученные знания — это их проклятие, что лучше бы было вообще не родиться или остаться несведущим, так как знание — это горький источник? Они тоже в горячке, тоже в вечном разладе с собой, вечном противоречии, драме. Горячка эта всё же съедает их самих — это не огонь, который сожжет мир и на костре сожжет все вредные книги вместе с неблагонадежными их приверженцами. Это огонь, направленный в центр, какой-то внутренний костер, на котором горят потихоньку они сами, костер сложенный из книг, которые они сами прочитали. Фауст говорит: «Что за блаженство вновь в груди моей зажглось...». Может, именно этому может научиться студент у меланхолика: смирению, сочувствию, самоограничению, приятию невзгод, умению терпеть поражение, способности признавать ошибки, умению сказать самому себе, что не знаешь самого главного — не можешь допустить такой возможности просвещения, что если оно кончится экстазом (то есть, согласно этимологии этого слова, выходом из себя, нахождением вне себя, вне своего нормального состояния, полетом куда-то высоко), то можно уже никогда не вернуться из него в нормальное состояние и остаться где-то там, в вечном изгнании из себя, в вечной бездомности.

Последствия просвещения кажутся пагубными для меланхолика: цитируемый выше Петрарка, отвечая в письме к другу, откуда берется его депрессия, охваченный ужасом, пишет: «С привычным равнодушием вы говорите, что смерти не избежать никому, и повторяете это в сотнях ежедневных разговоров». Меланхолик знает, что умрет, и знает, что ничего с этим не поделать. Единственным его утешением, единственным лекарством от меланхолии было бы известие, что это не неизбежно, было бы мгновение, когда он мог бы перестать этим терзаться, вечное мгновение, момент экстаза.

И здесь я возвращаюсь к Фаусту: его мечта — это вечная молодость, то состояние, когда он мог бы прокричать: «Остановись, мгновенье!», момент возвращения радости бытия, не отравленного течением времени, и чувство смысла своего существования, ощущения, что живешь действительно для других. И именно здесь наконец стоит сказать, какой подвох, какой сюрприз приготовил для нас Гёте. Вечность — это состояние, когда останавливается время, время не существует, не имеет на нас влияния, мы не подчиняемся его воле, неподвластны силам законов этого мира. Не испытываем ли

мы что-то подобное, когда, к примеру, читаем книгу? Не поднимаемся ли мы иногда куда-то над действительностью, в иной, нереальный мир, в мир миража, иллюзии, фикции — не похищены ли мы тогда, не зачарованы ли, не существующие на мгновение для окружающих, погруженные в самих себя, или по-другому — вынутые из себя, в экстазе, где-то вне себя? Посмотрите на читающих, как они выглядят. Это вечный момент. Чтение — это (простите весь пафос этого утверждения) переживание вечности, упражнение в ней. Или иначе: это диверсия против смерти. Шутка, минутное зависание законов и зависание оружия. Поэтому кажется, что меланхолик перестает быть меланхоликом, когда читает. В это время он экстатик. Меланхолия начинается тогда, когда он закрывает книгу.

Иоганн Вольфганг Гёте написал поэму о человеке, который мечтал о бессмертии, и первая часть этой поэмы-драмы была опубликована в 1808 году. С той поры Фауст не умер, он бессмертен. И мы, читающие о нем, бессмертны в момент чтения: наша кровь замедляется либо ускоряется, мозг работает по-другому, воображение действует по-другому: на миг мы оказываемся в Лейпциге, в Комбре или в горах Гарца, во временах отдаленных, мы становимся кем-то другим, нет нас здесь и сейчас, а может, мы и ***здесь***, и ***там***, и ***сейчас***, и ***всегда***, где-то ***вне*** всего, в экстазе. Остановись, мгновенье!

И, наверное, не так уж плохо меланхоликам, так как для них это мгновенье всё же длится, может, иногда они сами об этом не знают. Как быть, например, с тем известным краковским профессором, о котором рассказал ксендз Юзеф Тишнер. Он настолько был погружен в свои размышления, что, выходя на прогулку и оставляя записку для возможных гостей: «Скоро вернусь», — по возвращении, всё такой же задумчивый, видя на дверях своей квартиры эту записку, садился на ступеньки и ждал, читая какую-то книгу, до тех пор, пока соседи, к счастью, нормальные люди, такие, которые читают в рамках среднестатистического (то есть не слишком много, но ***ровно столько, сколько нужно***), не объясняли ему, что он ждет самого себя? Как долго он ждал? Час, два? Пять минут? Десять? До сумерек? Он не знал, это было не важно, он был где-то в другом месте. Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

ZESZYTY LITERACKIE

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Время от времени Польша и поляки предпринимают попытки познать самих себя, в чем особенно помогают социологи. Ежегодные опросы, направленные на постановку диагноза обществу уже не первый раз проводятся группой под руководством проф. Януша Чапинского. В нынешнем году получилось так, что результаты были представлены в популярной форме, то есть в переводе «на человеческий язык», в статье Михала Выберальского «Сладко-горькая Польша» на страницах «Газеты выборчей» (2013, №232). Почитаем:

«В Польше не видно крупных проявлений кризиса — таков главный тезис, выдвинутый авторами крупномасштабного опроса польского общества. Тезис этот поддерживается нашими субъективными ощущениями: 81% поляков считают себя очень или в достаточной мере счастливыми, а 79 — хорошо оценивают свою жизнь. Ощущение депрессии — на самом низком уровне за всю историю этого опроса, то есть с 2000 г., ощущение счастья и желания жить — на самом высоком, 80%. Минувший год оценивается как удачный, хотя в незначительной степени снизилась удовлетворенность такими аспектами бытия, как работа и половая жизнь. Мы чувствуем себя всё здоровее, реже всего за всю историю опроса жалуемся на недомогания, связанные с постоянной болью. Хотя реальные доходы снизились в течение последних двух лет на 5%, но, по мнению опрошенных, они позволяют удовлетворить текущие потребности в 76% хозяйств. Снижается доля обремененных долгами, растет число имеющих сбережения».

Прервем на минутку этот отчет. Может показаться, что всё хорошо. Но куда там! Откуда? Ведь опрос можно прочесть и так: целых 24%, то есть четверть общества, оказались в ситуации, когда не могут удовлетворить текущие потребности. И это драма, кошмар: четверть народа живет ниже уровня, который отвечает элементарным требованиям. Данная власть — попробую реконструировать возможные пропагандистские тезисы оппозиции — своей некомпетентностью довела до того, что 19%, то есть пятая часть нашего общества, не чувствует себя счастливой и оценивает свою жизнь как плохую. Это ли не свидетельство коллапса и отсутствия заботы об общем благе! И в самом деле, при таком прочтении картина уже не радует. Тем более что имеет смысл познакомиться с отчетом дальше: «Всё не столь лучезарно. Ниже грани крайней бедности живут в 5% семей, ниже границ нехватки — в 45%. В 35% семей ощущают, что им трудновато сводить концы с концами, в 19% трудности заметнее, а в 17% серьезная проблема — дожить до первого числа». Но все-таки «ситуация из года в год улучшается: первый «Диагноз» выявил большие трудности в 31% семей».

Еще интереснее дальнейшие результаты: «Авторы «Диагноза» пишут напрямую: мы не отвечаем никаким критериям гражданского общества, всё хуже люди оценивают и демократию. До 45% опрошенных не может однозначно оценить реформы, осуществленные в Польше после 1989 года. А те, кто решается дать оценку, по преимуществу полагают, что реформы не удались (так считают 45% опрошенных, противоположное мнение всего лишь у 12%). Это пессимистическое отношение к переменам в Польше отмечается во всех социальных категориях, независимо от образования, доходов, возраста или места проживания». И здесь приходится добавить грустный комментарий: при таком состоянии сознания, особенно при снижающейся оценке демократии, может очень скоро усилиться склонность поддержать антидемократический, даже авторитарный выбор. В повседневной жизни отсутствия демократии и даже некоего ограничения свободы не ощущается, но более широкая сфера свободы означает и необходимость принять на себя любой риск за собственные решения и выбор. Конечно, в рамках Евросоюза опасность отхода от демократии относительно невысока, но не исключено, что перспектива потерять через несколько лет финансовую поддержку национальной экономики может пробудить антиевросоюзовские настроения — тем более, что евроскептиков у нас в стране немало, хотя на эту группу не обращают внимания.

Как этому противостоять? В помещенном возле цитированной статьи интервью профессор Чапинский (не в первый уже раз) указывает возможность противодействия: «Я призываю к подлинной реформе образования, которая могла бы произойти без особых затрат. Следует изменить философию обучения

и перенять ряд скандинавских решений. Пусть дети перестанут зубрить дефиниции, давайте ставить перед ними проблемы для решения, при этом учить их сотрудничеству. (...) Мы ничего не делаем, чтобы пробудить новую общественную энергию, повернуть поляков к самим себе, усилить привлекательность институтов государства. Без этого я не вижу шансов преодолеть очередной порог развития, которым станет строительство инновационной экономики».

По вопросу строительства инновационной экономики на тех же страницах высказывается экономист и политолог Павел Свебода в статье «Страх может быть ловушкой». Среди условий, необходимых для дальнейшего развития реформ и изменений в Польше, он указывает, на что следует обратить внимание: «Прежде всего на смену поколений в политике и в бизнесе. Следствием того, что нами правит поколение борьбы за свободу 1980-х, стало «пограничное обострение» между государством и экономикой. По мысли одного крыла, имеет ценность только либерализм и экономическая свобода. У других доминирует уверенность, что движущей силой может быть только государство. Так мы и барахтаемся между двумя крайностями. (...) В бизнесе же именно смена поколений может отвечать изменившимся системам ожиданий. В трансформирующихся экономиках, таких как наша, первое поколение людей бизнеса хочет прежде всего позаботиться о себе и своей семье. О том, чтобы шире развернуть крылья, об экспансии за границу думают немногие. (...) Второе большое изменение, которое необходимо, — это проект действительного превращения поляков в субъектов — как потребителей, предпринимателей и граждан. Мы пока всё еще страдаем от патриархальной системы отношений, особенно заметной в секторе здравоохранения. (...) Третье — это необходимость изменения парадигмы, касающейся роли государства в экономике. Государство уже не может «создавать условия» для экономической деятельности, заботиться о безопасности и инфраструктуре. Если оно не станет крупнейшим модератором социальных перемен, то станет играть всё более тормозящую роль в нашем развитии. В этом отношении европейский и мировой центр тяжести давно уже переместился. Мы должны это как можно скорее осознать. Все это означает, что модернизация ради самой модернизации уже не может быть в Польше достаточной целью. Уровень нашего развития приличный, но недостаточный, чтобы позаботиться о непосредственных потребностях. Возможностей в такой ситуации четыре. Самое простое — продолжать поддерживать то, что имеет смысл, но без радикального продвижения. В условиях растущего давления извне результатом может оказаться только медленное увядание. Во втором сценарии нас может охватить парализующий страх перед будущим, логическим следствием чего станет только углубляющийся застой. В-третьих, мы можем стать площадкой для политико-экономического эксперимента, которому подвергается сейчас Венгрия. Его можно пережить, но он может принести и большой вред. Наконец, есть «наступательный» выбор: пробуждение новых ожиданий у поляков — как во власти, так и в обществе, — что даст возможность более быстрого развития. «Пессимизм — это привилегия», — говорил политолог Иван Крастев. Бедняки не знают пессимизма, им ведома лишь фрустрация. Наша обязанность — это желание бороться. В период нехваток мы обязаны выбраться из самой опасной ловушки. Правительство Дональда Туска говорит: сегодня важна не конечная цель, а направление движения; а если дорога будет по возможности ровной, без ухабов, то и этого достаточно. Таким мышлением руководит страх перед последствиями смелости. Однако во времена, которые сейчас наступают, страх может быть только ловушкой».

С этим трудно не согласиться. Но снова вырисовывается парадокс, состоящий в том, что возрастание свободы, в том числе в области экономики, означает снижение чувства безопасности. Риск в том случае, если предпринять настоящие, радикальные реформы, будет возрастать. Это правило без исключений. Но нет ни одной области человеческой активности, которая развивалась бы без принятия более или менее рискованных решений, без ломки готовых схем, без инновационного мышления. А в том, что такое мышление возможно, убеждает статья Шимона Кравеца «Визионеры с берегов Вислы», опубликованная в еженедельнике «Впрост» (2013, №41):

«У нас какая-то проблема с ментальностью. Несколько десятков лет мышления о том, что «они» на Западе лучше, а «мы» хуже, принесли плоды. В то время как всё наоборот. То, что есть у нас и чего нет в других странах Западной Европы, — это много молодых людей, которые многого хотят. На Западе распространено мышление: если у отца не было высшего образования, то и мне не надо. Поляки более мотивированы к деятельности, они лучше образованы, им — хочется. Достаточно указать важную цель,

дать средства, и они будут бороться до победы. Рано или поздно мы сделаем прорыв в косном мире западного бизнеса, — приводится в статье мнение профессора Януша Филипяка, создателя информационной группы «Comarch» из Кракова, выдвинутой на премию «Инноваторы 2013», присуждаемую наиболее инновационным фирмам (...) Филипяк уже несколько лет назад вошел в приоткрывшиеся двери западных технологических концернов. Его последними разработками в области информатики пользуются BMW, «Кока-Кола», «T-Mobile». «Мы бы не заработали в нашей фирме даже пол-евро, если бы наши продукты не были инновационными, этапными, если бы мы не опережали конкурентов. Поэтому я ничуть не задумывался, действительно ли следует направить в минувшем году свыше 100 тыс. злотых на исследования и развитие», — добавляет профессор Филипяк».

Статья Кравеца — это своего рода каталог новаторских и инновационных технологий, разработанных в Польше и получивших успех за границей. И всё-таки... «Перечисляя примеры польских технологий, мы гордо надуваем щеки, но в рейтингах инновационности из года в год выглядим все слабее. В шестом издании авторитетного доклада «Global Innovation Index» (начиная с 2007 г. оценивает уровень инновационности в 142 странах) Польша заняла 49-е место и опустилась на пять позиций по сравнению с предыдущим годом. Мы оказались сразу за Румынией и прилично отстали от Болгарии. По мнению многих экономистов, в этом сыграло свою роль плохое использование средств Евросоюза, которые, вместо того чтобы попасть к настоящим инноваторам, были проедены малыми предприятиями. Профессор Тадеуш Бачко из Института экономики Польской Академии наук полагает, что в Польше имеется достаточный потенциал, чтобы мы располагали фирмами глобального масштаба. Чтобы этот потенциал не растратить, следует создать систему поддержки инновационности, поощряющую лучших, хотя бы налоговыми стимулами. «Наше преимущество — это рвущиеся к успеху талантливые молодые люди. У нас нет класса старых белых воротничков, 60-летних при власти, как, например, в Германии. Немец хочет зарабатывать 4 тыс. евро и выходить с работы в 17.00. А поляки хотят большего», — подводит итог профессор Филипяк».

И в заключение всех этих веселых рассуждений — еще несколько слов из «Газеты выборчей» (2013, №231), из статьи «А в Польше старикам скверно» Павла Гавлика и Юстины Сухецкой: «Пожилым людям лучше всего живется в Швеции, Норвегии, Германии, Голландии и Канаде. США оказались на восьмом месте. Китай — на 31-м. Польша опередила африканские и южноазиатские страны и некоторые государства Центральной Америки. Среди европейских стран за нами оказались только Черногория, Молдавия, Россия, Сербия, Турция и Украина. При формировании совокупного индекса жизни пожилых людей (Global Age Watch Index) сравниваются покупательная способность их доходов, ситуация со здоровьем, образование, возможность трудоустройства. Базу данных составили доклады и отчеты, в частности Всемирного банка, Всемирной организации экономического сотрудничества и развития, Евростата, Всемирной организации здравоохранения. Использовались также данные Института Гэллапа, касающиеся самоощущения жителей разных стран. «Наше место в рейтинге показывает, что мы — страна ужасная и жестокая, где отношение к пожилым фатально», — так комментирует ситуацию Ежи Овсяк. (...) Хуже всех в мире мы выглядим в категории психического самочувствия людей старше пятидесяти по сравнению с 35-49-летними. Вопрос звучал: имеет ли смысл ваша жизнь? В Польше его видят 60,4%, а в Германии — все 100, что означает, что пожилые там себя ощущают столь же хорошо, как молодые. Плохо обстоит в Польше дело с образованием и работой для лиц в возрасте 55-64 года. Работает едва ли 34% из них, а среднее или высшее образование имеет 60,7% (...) Как оценивает доктор Бондыра, образованность — это производная того, что делалось в ПНР. Взрослых людей, которые прервали формальное образование, не имеет всё же смысла уговаривать окончить школу, а лучше направлять в систему непрерывного образования. Для них лучше двухмесячный курс по профессии, потому что у них нет возможности два года ходить в школу. В Польше нам еще предстоит вырабатывать такую модель».

Так что хорошо бы перед политикам, куда они ни бросят взгляд, повсюду расклеить табличку: «Учись, глупышка!» А пока что я радуюсь куплетам из старого доброго «Кабаре пожилых господ» — может быть, самого лучшего в своем роде представления тех времен, причем не только в ПНР: «Как весела жизнь старичка!»

Витольд Гадомский

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ДОЛЛАРОВ

Сначала «народная власть» запрещала иметь доллары и другую твердую валюту, а за торговлю ими даже грозила смертной казнью. Потом она изо всех сил старалась затруднить доступ к валюте. С другой стороны, она закрывала глаза на всевозможные валютные операции поляков, пытаясь присвоить что-нибудь из их запасов.

«Точно установить количественные показатели валютно-контрабандной преступности и сопутствующих ей явлений невозможно, так как они относятся к теории «темной цифры»», — писал в сентябре 1971 г. автор анализа, подготовленного для МВД в Бюро по борьбе с экономическими преступлениями Главного командования гражданской милиции.

Затем он манипулировал цифрами, из которых следовало, что в 1945-1971 гг. в неподконтрольную государству сферу поступило из-за границы не менее 273 млн. долларов и около 40 тонн золота. Среди прочего он упоминал:

— 7 млн. долл., сохраненных во время войны;
— 17 млн. из денег, переведенных в Польшу в 1945-1971 гг.;
— 185 млн., привезенных в 1945-1971 гг. западными туристами;
— 37 млн. из кошельков моряков капиталистических флотов;
— 17 млн., переведенных в 1945-1971 гг. польским гражданам в виде подарков;
— 80 млн., которые в 1945-1971 гг. привезли поляки из-за границы.

Дальше милицейский аналитик писал, что из этих 273 млн. долл. государственные учреждения закупили 124, а остальные, то есть 149, остались в частных руках, «став предметом нелегального вывоза за границу, накопления либо спекулятивного внутреннего оборота».

Эти 149 млн. долл., остававшиеся в частных руках после 25 лет господства коммунизма в Польше, были свидетельством триумфа предприимчивости граждан над репрессивным государством. Но они представляли собой и большое искушение для властей: в то время иностранный долг ПНР составлял 987 млн. долл., а валютные резервы немногим превышали объем долларов, спрятанных в матрацах.

■ Доллар, пахнущий смертью

20 июня 1945 г. министр финансов в своем уведомлении напомнил о декретах президента от 26 апреля 1936 г. и от 2 сентября 1939 г., запрещавших оборот валюты и вывоз ее за границу. За нарушение правил грозило пятилетнее тюремное заключение и штраф в размере 200 тыс. злотых, а профессиональные торговцы валютой могли получить даже пожизненный срок.

Хотя торговля валютой была запрещена до начала 1989 г., государство уже в 1945 г. принялось пополнять скромные валютные резервы, скупая ее на черном рынке.

С середины 1947 г., вместе с началом битвы за торговлю (так коммунисты назвали расправу не только с частными магазинами, но и с частным сектором в целом), «народная власть» крепко взялась за спекулянтов. Валютчиков отправляли в трудовой лагерь на срок от 3 до 6 месяцев.

28 октября 1950 г. поляки узнали об обмене старых денег на новые — те, кто держал сбережения не в банке, а дома, лишились двух третей от их суммы. Люди хорошо запомнили это надувательство: раз в несколько лет появлялись слухи о подготовке к очередной денежной реформе.

По случаю обмена денег власти установили новый официальный курс доллара, который с тех пор должен был стоить 4 злотых. До смешного мало, но обладателям долларов было не до смеха. Новый закон запретил уже не только торговлю, но даже владение валютой и золотом. Владельцы теперь должны были продать их по официальному курсу, отдать в депозит либо получить в Польском

национальном банке согласие на дальнейшее хранение. Получить согласие означало раскрыть свои запасы с риском их конфискации.

С этого момента за владение золотыми монетами и слитками золота грозило до 15 лет тюрьмы, а за торговлю ими — даже смертная казнь (и такие приговоры выносились, хотя обычно их заменяли пожизненным заключением). Несмотря на драконовские ужесточения, мало кто соблюдал закон: люди закапывали золото и доллары, храня их, как тогда говорилось, в «земляных банках».

2 ноября 1950 г. министр госбезопасности Станислав Радкевич распорядился подготовить показательные процессы валютчиков.

Уголовно-валютный закон от 28 марта 1952 г. смягчал ситуацию, предусматривая сроки всего лишь от 2 до 15 лет за торговлю валютой и пожизненное заключение для профессиональных торговцев.

■ Можете держать ее, но...

С оттепелью 1956 г. коммунисты стали мягче и в золотовалютных вопросах — 7 ноября 1956 г. министр финансов сообщил, что владение валютой и золотом уже не составляет преступления. Власть подмигивала гражданам: мол, нам известно, что в матрацах и огородах вы держите миллионы, которые утаили.

Но за торговлю валютой она по-прежнему наказывала: с середины 1960 г. за «валютное преступление» грозило до 3 лет тюрьмы, а также предусматривались большие штрафы. 26 июля 1960 г. одного спекулянта, купившего 100 долларов, оштрафовали на 40 тыс. злотых, что равнялось заработной плате более чем за два года.

Значительно опаснее была контрабанда валюты или золота — за такие преступления судили в чрезвычайном режиме, и за них всё еще грозила высшая мера наказания, то есть виселица.

■ В путанице курсов

Среди бесчисленных анекдотов времен ПНР был и такой: в Москву, на встречу в верхах Совета экономической взаимопомощи приезжает премьер-министр Петр Ярошевич с великолепной овчаркой на поводке. Удивленному делегату из Монголии, страны, где стаи собак бродят сами по себе, он объясняет, что намерен продать овчарку за 100 тыс. переводных рублей. Через несколько дней Ярошевич, уже без собаки, встречает монгола и сообщает ему, что сделка состоялась. — Кто же столько дал? — не скрывает изумления азиат. — Советские товарищи. За собаку я получил двух кошек. Каждая стоит 50 тыс. переводных рублей.

В ПНР цены и курсы устанавливал не рынок, а чиновники. Переводной рубль, применявшийся в торговых расчетах в рамках СЭВа, был одной из таких химер.

Столь же нелепым был валютный злотый, курс которого теоретически был обеспечен золотом, а стоимость составляла 0,222168 г этого металла.

Базовый курс злотого составлял 4 зл. за доллар, а после девальвации американской валюты в 1972 г. — 3,32 зл. Но это был бумажный курс, применявшийся плановиками для калькуляции цен товаров, покупавшихся и продававшихся за границей. Гораздо важнее были другие:

— специальный курс 24 зл., а с 1972 г. — 19,92 зл. за доллар. В основном он служил для расчета стоимости содержания иностранных дипломатических представительств в Польше;

— курс 29,88 зл. за доллар, применявшийся при выплате иностранных пенсий через Управление социального страхования (УСС). Когда кто-нибудь получал пенсию, заработанную за границей (она, например, причиталась Эдварду Гереку, который до войны работал на шахтах Франции и Бельгии), ее пересчитывали по этому курсу, а УСС доплачивало еще 50% (посольство США выплачивало пенсии по особым принципам);

— курс 33,20 зл. за доллар при обмене денег иностранными туристами;

— курс 49,80 зл. за доллар для поляков, выезжающих за границу;

— курс 60 зл. за доллар применял банк ПКО* при скупке валюты у лиц, имевших право пользоваться магазинами «Певекс» [польская «Березка] (об этом мы еще поговорим).

* Банк ПКО (полное название: Powszechna Kasa Oszczędności — Всеобщая сберегательная касса) во времена ПНР был государственным. — *Пер.*

Для миллионов поляков самым главным курсом был свободный или, если угодно, курс черного рынка, на котором доллар стоил значительно больше.

■ Сколько стоил злотый?

Когда в 70-е годы Бюро статистическо-экономических исследований сравнило цены в Польше и во Франции, оказалось, что за 4 зл. можно было купить примерно столько, сколько за один франк. Так как доллар стоил пять франков, можно принять, что в 70-е годы правильным был бы курс приблизительно 1 долл. = 20 зл. С одним примечанием: за доллары или франки можно было купить товары высокого качества без всяких ограничений. За злотые — те, которые только что «выбросили» в магазин.

■ Рыночный курс

До самого конца 1970-х курс черного рынка был достаточно стабильным, колеблясь между 80 и 120 зл. за доллар, и зависел, естественно, от спроса и предложения. Зачем же поляки покупали доллары?

По нескольким причинам. Одни рассматривали их как своего рода вложение и обеспечение на случай денежной реформы или инфляции. С 1980 по 1988 г. цены выросли в 9,4 раза, а доллар — в 12 раз.

Другим доллары были нужны, чтобы покупать вещи, недоступные за злотые и продававшиеся в магазинах «Певекс» (60-70% этих товаров производилось в Польше). В 60-е годы наибольшим спросом пользовались плащи из ортальона, обувной крем «Киви» и ткани. В 70-е —джинсы, автомобили и польские спиртные напитки. Привлекательным был также кримплен, который покупали портные.

Власти учитывали курс доллара на черном рынке при калькуляции цен, стараясь, чтобы они были выгодны для покупателя: например, пол-литра хлебной водки стоили около доллара, а иногда и меньше.

Когда в начале 80-х доллар на черном рынке начал сильно дорожать, цена «Фиата-125р» была снижена до 2500 долл., «Фиата-126р» — до 1500 долл., «Полонеза» — до 3000 долл., а «Заставы-1100р» — до 2500 долл. Эти цены приближались к ценам новых машин, продававшихся на авторынках. Другое дело, что автомобили, купленные в «Певексе», были несколько лучшего качества — во всяком случае, так считалось.

■ Когда доллар дорожал

В истории ПНР случались моменты, когда курс черного рынка вырывался за стандартные границы. Например, в конце 1956 г. доллар начал сильно дорожать, дойдя в 1957 г. до уровня 200-220 зл. На это влияли два фактора. Во-первых, легализация факта владения валютой увеличила спрос на нее у ремесленников и земледельцев, рассчитывавших на то, что власть позволит им развивать частную экономическую деятельность. Во-вторых, в середине 1956 г. началась волна эмиграции польских евреев — в то время из ПНР выехало более 47 тыс. человек, многие из которых распродавали имущество, обменивая злотые на доллары.

Цену на доллары подняла также волна эмиграции после марта 1968 г. и международные кризисы, такие как берлинский в августе 1961 и кубинский в октябре 1962 года.

В свою очередь, в 80-е годы доллар резко пошел вверх по причинам инфляции, недоверия к властям и всё менее герметичных границ, через которые в страну текли недоступные в государственных магазинах товары.

■ Валютчики и валютчицы

Торговцы валютой в течение 40 лет составляли в городах ПНР неизменный элемент пейзажа. Многих из них контролировала госбезопасность либо валютные отделы милиции.

Круг валютчиков был узок, и, будучи под покровительством некоторых чиновников, они не слишком опасались обычных милицейских патрулей. Рядовые торговцы полушепотом произносили свою мантру: «Куплю боны». Обычно речь шла не о бонах, принимавшихся в кассах «Певекса», а о «зеленых».

Покупавшие не употребляли слова «доллар», а спрашивали о «бумаге». Важную роль играли гардеробщики престижных ресторанов и портье в отелях, которые получали долю за информацию об иностранцах, желавших продать твердую валюту.

По милицейским оценкам, в 70-е годы профессиональный валютчик скупал в день около 600 долл., зарабатывая в месяц 14-20 тыс. зл., то есть в пять раз больше средней зарплаты. Хорошо организованному торговцу, особенно со знанием языка, удавалось заработать в месяц более 100 тыс. зл. Доходы руководителей организованных групп были во много раз выше. Женщины составляли лишь 27% валютчиков. В большинстве своем это были люди в возрасте от 40 до 49 лет, так что молодые спекулянты, которых так охотно показывают в фильмах, снятых после 1989 г., составляли лишь менее 20% этой среды.

Валютчиков добило валютное законодательство от 15 марта 1989 г. (при правительстве Мечислава Раковского), легализовавшее оборот валюты, а окончательный удар нанес им план Бальцеровича, который ввел единый курс злотого к доллару — с 1 января 1990 г. доллар официально стоил 9500 старых злотых; рыночный курс в течение нескольких месяцев был ниже.

Валютчики и владельцы обменных пунктов (например, знаменитый Лех Гробельный, основатель «Безопасной сберегательной кассы»), которые не поверили в план стабилизации и держали крупные сбережения в долларах, обанкротились.

■ ПКО, или Как урвать доллары поляков?

Власти прекрасно знали, что значительная часть имевшейся у поляков валюты ведет свое происхождение от нелегальной торговли, контрабанды либо скрытых переводов из-за границы. И они решили добраться до этих денег.

В 1952 г. банку ПКО было поручено организовать внутренний экспорт. Хранилища банка превратились в склады, и появилась шутка, что ПКО — единственный в мире банк, торгующий трусами. Польские эмигранты могли поддерживать семьи за железным занавесом, внося на их счета в ПКО валюту, за которую те могли покупать дефицитные товары.

Кроме того, в страну попадали доллары, зашитые в одежду или спрятанные в каблуках, а с 1956 г. клиенты банка могли получать из-за границы в валюте пенсии, наследство или возмещение ущерба.

Валюту нужно было обменивать на злотые по установленному государством курсу, но частично ее можно было тратить на покупку товаров во внутреннем экспорте.

Очередной революцией стало введение в 1960 г. товарных бонов, выдававшихся вместо долларов. Боны выдавались на предъявителя, так что вскоре появился черный рынок. Благодаря бонам, доступ к внутреннему экспорту получили те, кто не получал легальных долларовых переводов из-за границы, и с 1961 по 1973 г. продажа товаров во внутреннем экспорте выросла с 18 до 126 млн. долларов.

Бон был аналогом доллара, только напечатанным в Польше. При покупке в магазинах ПКО, а потом в «Певексах» сдачу в кассах всегда выдавали в бонах.

Свои боны имела и «Балтона», государственное предприятие, возникшее в 1946 году. В ее магазинах могли отовариваться моряки и рыбаки, а в 1970-х они стали доступны всем — конечно, обладавшим конвертируемой валютой либо бонами.

■ Боны куплю

Торговля бонами была легализована в 1971 г., что отлично помогло функционированию черного рынка. В газетах появлялись объявления: «Выезжающий за границу купит боны» — и все понимали, о чем речь. За границей боны были ничего не стоившей бумажкой, так что подателю объявления нужна была валюта.

В 1968 г. министр финансов разрешил открывать в ПКО валютные счета; вначале это могли делать лица, работавшие и зарабатывавшие за границей.

В 70-е годы счета были разделены на типы А, В и С. Первые — для тех, у кого было документировано получение валюты (например, работавшие за границей), вторые — для тех, кто не мог его документировать, а С — для иностранцев. Те, кто держал деньги на счетах А, могли вывозить их за границу. В 1976 г. права владельцев счетов А и В были уравнены — это означало, что власти без шума легализовали валюту, незаконно провезенную в страну либо купленную на черном рынке.

В 1973 г. из структур ПКО было выделено предприятие внутреннего экспорта «Певекс», а в конце 80-х его директором стал Мариан Захарский, пээнэровский шпион, который несколько лет просидел в тюрьме в США. В отличие от «Балтоны», руководимый им «Певекс» не выдержал преобразований и в 90-е годы обанкротился.

В 1974 г. в ПКО была 91 тыс. валютных счетов на общую сумму 52,5 млн. долл., в 1979 г. — почти миллион счетов на сумму 437,7 млн. долларов.

При военном положении власти заблокировали валютные счета, а когда блокада была снята, люди стали массово изымать вклады. Однако постепенно доверие возвращалось. Привлекал очень высокий процент — 9% годовых на валютные вклады.

В конце 80-х годов на счетах ПКО было 3.3 миллиарда долларов, а еще несколько миллиардов находилось в банке ПКО-БП.

■ Государственный заем

В середине 80-х правительство, не сообщив об этом, «заняло» у банков валюту их клиентов, о чем стало известно в январе 1992 г. благодаря «Газете выборчей». Государственное казначейство Третьей Речи Посполитой вернуло банкам долг в виде облигаций на сумму 5,5 млрд. долл., т.е. более 60 трлн. тогдашних злотых. Эта сумма была включена в государственный долг, и ее выплата в течение многих лет лежала на плечах налогоплательщиков.

Курс доллара и товарных бонов на черном рынке
Котировки на 30 июня (в злотых)

Год	Доллары	Боны
1980	125	122
1981	216	216
1982	375	371
1983	576	566
1984	596	586
1985	632	622
1986	750	730
1987	980	952
1988	1500	1450
1989	5400	5230

Сбережения поляков в последние годы ПНР

Год	Вклады в млн. USD	Вклады в млрд. зл.	Доля сбережений в долларах, %
1976	142	332,0	7,2
1980	134	492,9	14,2
1981	498	664,7	14,7
1982	430	866,8	23,5
1983	699	1058,2	31,1
1984	656	1237,2	32,0
1985	664	1667,2	35,9
1986	862	2099,3	44,0
1987	1245	2482,3	57,8
1988	3350	3827,6	76,2

gazeta WYBORCZA

Михал Дущик

МЕСТОРОЖДЕНИЯ МЕДИ ТОЖЕ БОГАТЫ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ

Разведка нетрадиционных источников сырья привела в Любушское воеводство и Нижнюю Силезию

Это области, лежащие вне полосы присутствия сланцевых нефти и газа, считавшейся до сих пор наиболее перспективной. Ведь большинство фирм ищет их в Поморье, Мазовии и на Люблинщине. Тем временем — по оценке Яна Красоня, геолога, работавшего, в частности, на американские концерны — их следует искать и в других местах.

Залежи этого сырья могут находиться в непосредственном окружении месторождений меди, — утверждает эксперт. А они сосредоточены в Нижней Силезии и на западе Польши. Скважина, пробуренная компанией «Медь Коппер» на территории концессии «Нова-Суль» неподалеку от Зеленой-Гуры (Любушское воеводство), подтвердила эти предположения. Фирма, разведывая месторождения металла, случайно наткнулась на сланцы, насыщенные нефтью. Ирландская компания «Сан Леон» (принадлежащая к числу лидеров в разведке сланцев в нашей стране), которую пригласили к сотрудничеству канадцы, не скрывает, что предварительные результаты исследований весьма многообещающие. Настолько, что обе фирмы уже делят шкуру неубитого медведя. Достигнуто соглашение о том, что «Сан Леон» станет оператором скважины «Яны С1», которая попала в нефтяное месторождение. В свою очередь, медная компания получит 10% будущей прибыли от производства. Фирмы собираются сотрудничать и в ходе дальнейшей разведки в окрестностях Зеленой-Гуры: они будут обмениваться результатами исследований и анализов.

Эксперты считают, что этот регион имеет неплохие шансы на успех со сланцами. «Сан Леон» еще в прошлом году и в первой половине этого года проводил исследования на пробуренных скважинах «Чеслав-1» и «Лелехув-1» (удаленных на несколько километров от скважины «Яны С1»), которые подтвердили существование нефтеносных сланцевых месторождений.

Эксплуатация сланцевой нефти более привлекательна, чем поиски газа

Ян Красонь указывает еще на одну перспективную местность, на этот раз в Нижней Силезии. По его мнению, там под месторождениями меди, принадлежащими KGHM*, находятся пласты сланцевого газа. Речь идет об окрестностях Полковице и Глогова. «Сланцевые образования там очень насыщены газом», — утверждает специалист. В KGHM уже заинтересовались добычей, и в новой стратегии концерна должны появиться соответствующие записи.

«Сан Леон» ищет сланцевую нефть не только в Любушском воеводстве, но и в Вармии. На территории концессии «Бранево» он сотрудничает с фирмой «Уайзент Ойл», связанной с «Петролинвестом»**. При бурении скважины на глубине почти 3000 м, помимо газа, обнаружили и нефть. Компании провели операцию по гидравлическому разрыву пласта, а теперь готовятся к пуску тестового потока и следующим разрывам.

Исследования должны подтвердить присутствие сланцевой нефти в количестве, обеспечивающем рентабельность ее добычи. Представители «Уайзент Ойл» утверждают: если обычные месторождения нефти встречаются в не слишком далекой Калининградской области, то можно ожидать, что сланцы в Варминско-Мазурском воеводстве также содержат ее.

---

* KGHM Polska Miedź — один из крупнеших мировых производителей меди и серебра. Эта добывающая и металлургическая компания расположена в польском городе Любин. — *Здесь и далее прим. пер.*

** Petrolinvest S.A. — топливно-энергетическое предприятие из Гдыни. Занимается разведкой и добычей нефти, преимущественно в Казахстане.

Аналитики считают, что добыча нефти из сланцев может стать для ведущих разведку фирм более привлекательной, чем поиски газа. «В обоих случаях следует применять технологию гидроразрыва, однако нефть можно транспортировать цистернами, тогда как в случае газа необходимо строить трубопроводы. Кроме того, цены на нефть не регулируются», — объясняет нам представитель одного из концернов, ведущих бурение.

С точки зрения Государственного геологического института, запасы сланцевой нефти достигают 267,8 млн.т, хотя при оптимистическом сценарии они могут составить даже 535,5 млн.т (это около 45% сланцевых нефтяных запасов Канады).

Мировой лидер по добыче нетрадиционной нефти — США. Суточное производство там достигает 1,5 млн.баррелей, что покрывает около 10% потребности. По мнению аналитиков PwC*, если добыча сланцевой нефти продвинется и в других частях света, рост предложения сырья приведет к тому, что цены на него снизятся. В течение 20 лет снижение может составить до 40%.

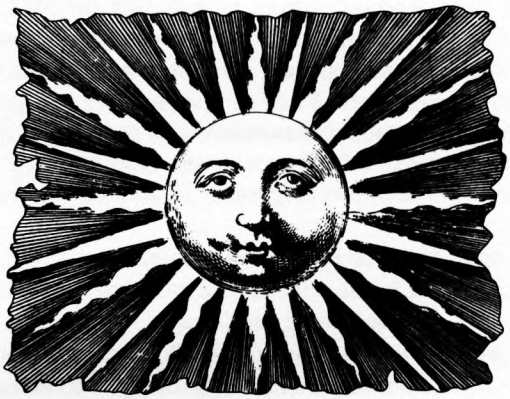
DZIENNIK GAZETA PRAWNA

* PwC (PricewaterhouseCoopers) — крупнейшая в мире международная сеть компаний в области консалтинга и аудита.

Мартин Светлицкий

Перевел Игорь Белов

Из сборника «ОДИН» (2013)

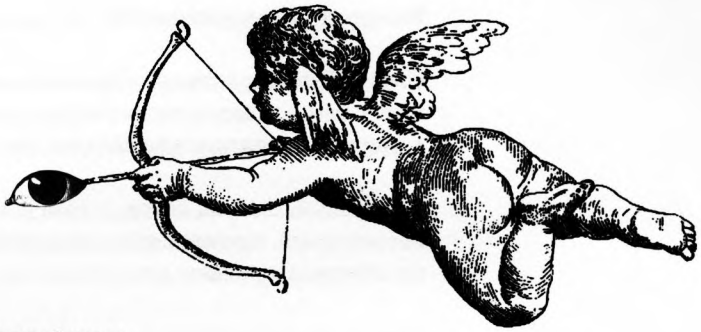


Сюрприз

Снег сойдет, зима растает,
оживет весной река.
И покойник, дорогая,
выйдет из снеговика.

Что досель укрыто было,
повсплывает налегке.
К нам весна придет. Как мило —
труп в снеговике!

Paulina Zielona



Проблемы с любовью

Проблемы с любовью. Я умею сказать *любовь*.
Я освоил все эти жесты. Я знаю все эти трюки.
Проблемы с любовью. За сноровкой
сквозит неуверенность. Просвечивает одиночество.
Оно-то и сделает этот день вместе с этой неделей.
Сгорит ужин на сковородке, оборвутся дверные ручки.
И щетина моя уж больно колюча, я не знаю лекарств,
знаю страх.

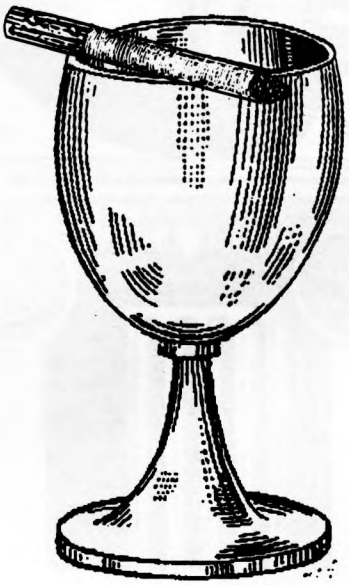
Вычеркнутое посвящение

Славный денек, хотя всё обратилось в руины,
и те, с кем я говорю, окопались в прошлом,
а вчерашнее солнце освещает всё это,

но славный, однако, денек, ясный и абсолютно
несуетливый, прошлое явно не настроено
на забвение, прошлое ярко тлеет,

тлеет с неслабым блеском, земля, погруженная
в радость последнего света, закусон, запивон,
затяжка, и всё время входят-выходят

герои этой жизнерадостной драмы.



3 июля, где-то в открытом космосе

Она идет передо мной по лестнице.
Ее ноги блестят от дождя.
Мы вышли из бури и холодного ливня.

Это особенный блеск.
Это особенные минуты,
чтобы мне было о чем тосковать.

Она ведет меня
к себе, там ненадолго
укроюсь, а после вернусь

в эту бурю. Но сейчас
я поднимаюсь за ней по лестнице.
Ее ноги блестят.

9 сентября

Прекрасное воскресенье! Восприятие обострено,
солнце по-сентябрьски теплое, женщины красивее,
чем в другие дни недели. Брожу и поглощаю истории,
звуки и образы. Изысканная беседа с
Антонием и Игнацием Таргошами о
бешенстве у лис и белок, куча вопросов,
например, бывают ли бешеными обезьяны, станет ли
бешеная белка на безлюдном и безживотном острове
кусать себя за хвост? Прекрасное воскресенье.

Безумная, что сидит рядом со мной на скамейке на Плантах,
вдруг спрашивает: «Чего ты хочешь от меня, Боже?»,
а потом отвечает измененным голосом:
«Ничего я от вас не хочу».

И Мартину спокойной ночи

Есть у меня ну разве что домофон.
Правда, выключенный.
И ношу я его в кармане.
Так что со мной можно связаться.

И это не ты исчезла. Это я потерялся.
Не задирай нос.
Наступила зима. По-быстрому прячусь
внутри снеговика.

Игорь Белов

БОЛЕЗНЕННАЯ НЕХВАТКА НЕПОНИМАНИЯ

Легендарного краковского поэта Мартина Светлицкого (р.1961) критики иногда именуют последним польским поэтом, строчки которого становятся частью языка улицы. И, как мне кажется, не без оснований. Во многом такому раскладу способствует постпанковский «имидж» поэта, причудливый сплав его элегантной мизантропии с довольно устойчивой медийностью, да и, что греха таить, совершенно замечательные долгоиграющие альбомы, записанные Светлицким с рок-группой «Светлячки», их совместные безумные концерты, проходящие при диком скоплении молодежи, с мелодекламацией и камланием. Любой поэтический вечер с участием Мартина Светлицкого стремительно набирает градус, потому что поэт прекрасно владеет искусством того, что принято называть непереводимым на русский язык словом «драйв».

Все это, конечно, внешнее — рок-н-ролл, дым коромыслом, кочующие из текста в текст, из книги в книгу краковские маргиналы с их водкой и забитыми никотином и тяжелым воздухом подворотен легкими (не зря один из самых знаменитых сборников поэта называется «37 стихотворений о водке и сигаретах», и, как показала жизнь, на цифре 37 Светлицкий ни в прямом, ни в переносном смысле слова не остановился)... Но ведь известно, что только поверхностные люди не судят по внешности. Правда, в случае со Светлицким тут почти нет никакой рисовки, и его лирический герой действительно имеет немало общего с автором — так про некоторых гениальных живописцев иногда пышно говорят, что у них расстояние от сердца до холста не шире барной стойки. Кроме того, Мартин Светлицкий — нонконформист со стажем. Он дебютировал в конце 80-х, вместе с другими «плохими хорошими ребятами», сплотившимися тогда вокруг первого в Кракове самиздатовского журнала «бруЛьон» («черНовик»), да и все последующие годы оставался и остается верен себе, поражая прессу и публику непосредственностью и бескомпромиссностью.

Лирический герой Светлицкого — анархист, едко высмеивающий систему, которая пытается «не разрешать ничего, запретить всё» (*«Господин Трактор»*). Ему даже доставляет удовольствие тот факт, что стихописание само по себе «наносит ущерб государству» (*«К»*) — раскачивает, так сказать, лодку. Именно потому лирическое Я этих стихов с его «ментальностью гостиничного постояльца» выбирает полуанонимное существование. Да что там «полу», вся его жизнь — «абсолютно анонимная история» (*«Просыпаясь и чувствуя руку...»*). В этом мире, где всё на учете, всё рационально просчитано, а у каждого есть ярлык и, как следствие, ценник, лирическому герою как раз и не хватает зыбкости существования, экзистенциального зависания над бездной. Не хватает недосказанности, двусмысленности, непонимания, в конце концов. Одно из стихотворений в сборнике «Музыка сердцевины» так и называется — «Болезненная нехватка непонимания». Кто-то в точку заметил, что мы от нашего вездесущего электричества стали попрямолинейнее, попроще, разучились различать полутона. В то время как весь Светлицкий — сплошная неуверенность, отсутствие какой-либо почвы под ногами. Более того, о самом лирическом субъекте ничего определенного сказать решительно невозможно. Неизвестно даже, существует ли он. Такой себе краковский дзен-буддизм:

Свет прямо в глаза. На моём теле ни одной наколки.
Поди пойми, кто я на самом деле. Ни пароли,
ни инициалы, ни символические ассоциации
ко мне не подходят, так что поди разберись,
кто я на самом деле.
(«Ночь с августа на сентябрь»)

Человеческое бытие, по Светлицкому — это «разновидность стихийных поминок, на которые попадают случайно (...) и не помнят, что именно оплакивают» (*«Смертельные песни»*), на которых царит жуткая беспробудная ночь с пятницы на понедельник. Герой стихотворений Светлицкого сознательно выбирает жить в мире, где, по словам Пастернака, «никто не помнит ничего». Ибо только стерев личную историю, можно вспомнить, кто же ты на самом деле.

Но и беспамятства ему мало. Словно мантру, лирический субъект этих текстов повторяет на все лады: я умер, меня нет, а мертвые сраму не имут, какой с них спрос. Действительно, нет более надежного средства, «чтобы мир наконец заснул, / замолчал, / потерял сознание / и больше не причинял боль» (*«Ресторанный декаданс»*). И оживить этот хулиганствующий полутруп способно только настоящее, глубокое чувство — пусть даже Светлицкий и бросает мимоходом, словно кокетничая: «Очевидно, что любви нет» (*«79»*). Только любовное переживание и помогает герою за компанию с автором замереть на секунду (которая в стихах Светлицкого всё длится и длится — оттого его тексты так похожи на бесконечно проявляемые и до конца не проявленные негативы) в восхищении перед неизбывной красотой и, увы, конечностью нашего бытия:

Никогда сигарета не будет такой вкусной,
а водка холодной и целебной.
(...)
Никогда
не будет
такого телевидения, таких ярких газет,
никогда
ты не будешь со мной так нежна (...)
(«Filandia»)

В новом поэтическом сборнике «Один», вышедшем в этом году, Светлицкий, казалось бы, продолжает развивать оба важных для себя лейтмотива: не столько физическое, сколько ментальное угасание лирического Я, сопряженное с ярко выраженным эротическим подтекстом. В одном тексте герой, повздорив с любимой, прячется внутри стоящего во дворе снеговика, чтобы весной, когда всё растает, попытаться возродиться для новой жизни, заранее, правда, расписываясь в возможной неудаче: «К нам весна придет. Как мило — труп в снеговике!» *(«Сюрприз»)*. И хотя критики уже опрометчиво пообещали читателю, что, дескать, революций ждать не стоит, перед нами всё тот же старый добрый Светлицкий, постромантик с его самоиронией и повествовательностью, — эта книга всё-таки стоит в библиографии поэта особняком. Главным образом, за счет удивительно мягкой и совершенно обезоруживающей интонации — впечатление такое, словно перед вами очень близорукий человек, который вдруг снял очки. И в этой интонации — глубокая, настоящая, пусть и маскируемая, любовь ко всем «героям *(и антигероям — И.Б.)* этой жизнерадостной драмы».

Беата Джон

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ УБИЛ НЕМЦА

Молодой интересный учитель, выпускник учительской семинарии — таким был Юлиан Осенковский в 1934 году. Юлиан Осенковский всегда подчеркивал, что никого не убил на войне. Его история, начавшаяся под «польскими Фермопилами», стала шагом к примирению Польши и Германии.

Мать учила его: «Не убивай со спины, даже врага». А ведь именно так он мог поступить сразу же после проигранной под Мокрой первой трагической битвы сентябрьской кампании 1939 года. 3 сентября 26-летний подхорунжий Юлиан Осенковский пробирался в направлении Варшавы. С ним был молодой солдат, деревенский парень. Они оказались в окрестностях Радомска. Когда вышли из леса на поляну, увидели немецкого солдата, радиотелеграфиста, занятого отправкой сообщения. Цель как на ладони! Можно было стрелять, убить со спины, не глядя в лицо.

Но было наставление матери. А еще филолог Юлиан вспомнил «Песнь о Роланде». Честь не разрешала рыцарям убивать врага сзади. Что делать? Он подходил с оружием, готовым к выстрелу, но так, чтобы немец смог его увидеть. Испуганный телеграфист поднял голову. Не пробовал даже дотянуться до винтовки, лежавшей на траве, не пытался защищаться. Он поднял руки. Лицо, как запомнилось Юлиану, было добрым. Они смотрели друг другу в глаза всего лишь несколько секунд, но тогда это показалось очень долго. Поляк всё не стрелял. Растерянный немец отдал честь. Юлиан спокойно повернулся и пошел своим путем. Командирам он не рассказал о враге, у которого не отнял жизнь, а молодой подчиненный Юлиана ни о чем не спрашивал.

«Папа с годами все чаще нам рассказывал об этом. Вся эта история настолько невероятна, что если бы я не слышала ее от отца, то не знаю, поверила ли бы», — говорит Анна Осенковская-Послушная из Катовице, старшая дочь Юлиана. Но на этом история не окончилась...

■ История с букварем

У Осенковского, учителя по профессии, была отличная память. Она хранила немало похожих воспоминаний. «Война оставила на нем страшную печать. Мы с сестрами стали это понимать, только когда повзрослели. Иногда папа кричал во сне. Ему снилась война», — рассказывает Анна. И ему снилась не только битва под Мокрой.

Юлиан Осенковский, из шляхетской семьи герба Орла, был родом из Небещан в околицах Санока. Он родился 15 сентября 1913 г., через семь лет в этот день случилось «чудо на Висле».

В сентябре 1918 г. Юлиан пошел в школу, еще в габсбургской империи. Наступление независимости 11 ноября он отметил соответствующим образом: «Это событие я почтил торжественным сожжением австрийского букваря в саду», — написал Осенковский в воспоминаниях.

Уже выпускником учительской семинарии в Кросно его призвали в армию. Он попал в школу подхорунжих при 19-м полку, в составе которого потом в Варшаве прощался с маршалом Юзефом Пилсудским. А в 1937 г. в Пониковице на восточной окраине принял участие в параде 3 Мая, который принимал генерал Андерс, а еще позже встретился с генералом Халлером в находившемся неподалеку Халлерчине. И уже перед самой войной пошел преподавать в харцерскую школу, организованную в Силезии Александром Каминским, будущим автором «Камней на шанец».

Когда объявили мобилизацию, молодой учитель, идеалист и поэт, явился в 42-й пехотный полк в Бродах, приписанный к Волынской кавалерийской бригаде. Под Мокрой он командовал отделением гранатометчиков, по другую сторону наступала гитлеровская 4-я танковая дивизия. Вернувшись домой, Осенковский тут же принял присягу в подпольном Союзе вооруженной борьбы. Он переправлял оружие и почту из Венгрии в Польшу. Потом преподавал в тайной школе, нужно было также уворачиваться от лап гестапо. А в 1943 г. пришлось бежать от смертного приговора, вынесенного бандеровцами.

■ Я силезец

В 1944 г. Юлиан женился на Текле, учительствовал в подпольной школе под Львовом. От знакомого узнал, что бандеровцы будут в деревне «rezat'». Осенковские бежали в Небещаны, к брату. Там и увидели страшные сцены, которые потом возвращались в снах. В местечке был убит немецкий солдат, а за это должна была быть расстреляна целая деревня. «Человек сто вывели на картофельное поле, построили в два ряда, перед нами встали солдаты с автоматами. Вдруг на поле прискакал на коне немецкий офицер, уселся неподалеку на грядке. Я робко подошел к нему, стал по-немецки просить и объяснять, что мы ни в чем не виноваты. Он ничего не сказал, но всё-таки отменил казнь. Наверное, по просьбе ксендза, у которого он жил», — вспоминал Осенковский.

Солдаты согнали всех на тропинку, ведущую в лес. Дочь Осенковского рассказывает: «Никто не знал, куда нас ведут, папа решил, что надо что-то делать. Он обратился по-немецки к одному из солдат, а тот ответил на характерном диалекте: «Не говори со мной по-немецки, я силезец. Когда я скомандую: «Nach links», прячьтесь в кусты и сидите тихо». Папа хотел дать ему часы, тот не взял. Отец жалел, что не запомнил лица человека, который их спас». Благодаря ему семья выжила.

■ Уничтожение людей, уничтожение вещей

После войны Юлиан Осенковский занялся в Небещанах строительством общеобразовательной школы, которой потом стал руководить. «Приходили посылки из UNRRA (Администрация помощи и восстановления ООН. — Прим. авт.). Мама пекла булочки и выдавала их ребятам через окошко. Папа сшивал тетради из серой упаковочной бумаги, которую зимой таскал на себе из Санока. Сшивал по ночам при свете керосиновой лампы, мама просыпалась... Папа страдал от страшных болей из-за седалищного нерва, но не жаловался, а благодарил Бога за боль», — рассказывают дочери. Его как директора школы больше занимало здоровье деревенских детей, особенно их зрение. Он наладил связи с военным врачом, который в случае чего мог поместить ребенка в госпиталь.

Но вскоре власти перевели педагога в Бодову под Горицами, где он стал преподавать польский и немецкий языки. Работал среди старой интеллигенции, «в почтенном окружении тамошних педагогов Казимира Венявы-Длугошевского, Стана Пенкося, Яна Зарембы, Сволинского, Рудольфи», — так написано в его воспоминаниях. Школа размещалась в конфискованной у Длугошевских семейной усадьбе, в которой когда-то бывали Болеслав Венява-Длугошевский и Юзеф Пилсудский. Наследнику имения, прекрасно образованному Казимежу, было разрешено остаться в усадьбе, но в качестве секретаря директора школы, а жить в избе неподалеку, в одной комнате с курами, — чтобы еще больше унизить представителя славного рода.

«Папа вспоминал его как солидного господина с седой бородой, длинными волосами... Это очень печальная история. Жена Длугошевского не смогла пережить унижения, сошла с ума. «Преступления творились не только над людьми, но и над вещами», — говорил отец, вспоминая о разбитом рояле, о предметах старины, избитых ступеньках дворца», — рассказывает Анна, также полонистка. А одним из тогдашних директоров школы был назначен по политическим соображениям сын кузнеца из-под Жешува.

Всё это время Осенковский не забывал о Небещанах, постоянно туда возвращался. «Помню, как-то поехали мы туда, я тогда еще училась в лицее. Юная девушка, я чувствовала себя неловко, потому что, завидев папу и маму, люди выходили на улицу, женщины целовали папе руки...» — говорит Анна. Много лет спустя Юлиан издал сборник стихов и очерков под названием «Небещаны».

■ Силезскими следами

В 1962 г. семья Осенковских оказалась под Ополе, в «маленьком Берлине», как называли Глогувек. «Ты немецкий знаешь, так что справишься», — заявило Юлиану начальство. А он полюбил старинный красивый городок, где когда-то укрывался король Ян Казимир, бежавший от шведского нашествия. Городок знаменит прекрасным дворцом фон Опперсдорфов. Одному из членов семьи, Вацлаву Франтишеку, посвятил свою Четвертую симфонию Людвиг ван Бетховен; похоже, в Глогувеке он написал и свое знаменитое вступление к Пятой...

В школе, где преподавал Осенковский, большинство детей говорило по-немецки, а не по-польски. В автобиографии он написал: «Силезцы встретили нас ласково, никто нас не обижал». А в Глогувеке по сей день тепло вспоминают старого учителя, которому жители обязаны основанием городского музея.

Была в Глогувеке такая пивная — точнее, забегаловка с хорошим пивом. Как-то Юлиан вернулся из школы и сказал, что туда заходил какой-то мужчина, вроде бы очень знакомый. ««Он тоже на меня смотрел», — говорил папа. Он решил вернуться, я побежала за ним. Хозяин сказал, что заходил кто-то чужой, но побыл недолго. У меня осталось в памяти, что папа как-то странно себя вел, что-то припоминал», — рассказывает младшая дочь Барбара Герхофер-Осенковская, художница и дизайнер тканей, живущая в Австрии.

Кем был таинственный незнакомец? Тот самый немецкий солдат-силезец, который их спас? Какой-то другой знакомый Осенковского? Можно только догадываться...

■ Чудо в Лейпциге

«В 1976 году, через год после окончания школы, прогуливались мы с сестрой Иреной (уже ушедшая из жизни художник и терапевт. — Прим. авт.) по центру Кракова. Две немки спросили, как пройти к общежитию, а через некоторое время мы снова с ними столкнулись, а потом еще раз — около студенческого городка. Я немного говорила по-английски, так что мы перекинулись парой слов. А когда вечером возвращались домой, снова в центре увидели этих двух немок, Ингрид и Сабину, заплаканных. У них украли деньги, документы, а была пятница. До понедельника, понятно, ничего нельзя было сделать. Они были гражданками ГДР. Одна обвиняла другую в невнимательности. Мы с сестрой их успокоили и в один голос сказали: «Не расстраивайтесь, пойдемте к нам», — рассказывает Барбара. — Когда оказались в доме, хозяйка на нас налетела: «Это вы немцев привели?!» Мы были шокированы. Сабина (инженер) и Ингрид (медсестра) пять дней ждали документов. Потом мы стали ездить друг к другу в гости, они к нам приезжали на выпускные. Ингрид Хельд жила в Берлине, Сабина Май — в Лейпциге».

«У папы не было неприязни к немцам. Он часто задумывался, выжил ли тот «неприятельский» солдат, с которым он лицом к лицу столкнулся на незабываемой лесной поляне», — рассказывает Барбара. И добавляет, что мечтою отца было увидеть Дрезденскую галерею. Он знал ее по книгам, альбомам.

«Был 1978 год. Мы поехали с папой в Лейпциг поездом, у нас никогда не было машины; ни папе, ни маме на это не хватало. Семья Май приняла нас очень сердечно. Кроме Сабины, у них был еще сын, который пытался бежать из ГДР через стену, его поймали, он сидел в тюрьме. Мы говорили о жизни, о работе, родители Сабины были здорово навеселе.

Томас Май был, наверное, года на два младше Осенковского. Как-то вечером Юлиан спросил, есть ли у него карта, чтобы показать, где он воевал. Томас развернул карту на столе. Поляк показал, где воевал, а Май сказал:

— Я тоже там...

— А кем ты был?

— Связистом.

Папа даже не закончил свою историю, а Томас со слезами на глазах вышел, услышав что-то от папы. Из смежной комнаты принес свои старые фотографии, говоря: «Это был я. Я помню, что поляк меня не убил, только похлопал по плечу»», — рассказывает Барбара, свидетельница этой сцены.

Прошло почти сорок лет после той военной встречи. Полились слезы. Немец никогда никому об этом не рассказывал. «Боялся? Коммунизм, страшное время!..» — рассуждает дочка Осенковского. Май потом взял отпуск, поехал с Юлианом в Дрезден и Мейсен, водил по Лейпцигу. Вскоре он умер. «С Ингрид у нас прервалась связь, а Сабина уехала в США...» — заканчивает рассказ Барбара Герхофен-Осенковская.

■ Героизм античного масштаба

Историю Юлиана и Томаса узнал ксендз в Мокрой. Осенковский вспоминал о ней, когда посетил город битвы 1939 года. Ксендз эту историю рассказывал, передал немецким ветеранским организаци-

ям. Сюжет попал в газеты — как в испорченном телефоне, с искаженными деталями. Но эта история послужила польско-немецкому примирению, а также помогла найти средства на постройку костела в Мокрой. За год до смерти Юлиана Осенковского, в 1999 г., состоялось большое торжество единения в связи с 60-й годовщиной сражения — одного из крупнейших в сентябрьской кампании. В связи с его ожесточенностью и значением сражение стали называть польскими Фермопилами. На встречу польских и немецких ветеранов приехал президент Квасневский.

Один из инициаторов встречи и единения был Вальтер Коминек из Вены, ветеран 4-й танковой дивизии. «Я участвовал в этой битве, был артиллеристом, с хронометром в руках ждал времени 4:45, чтобы скомандовать первый залп. Сегодня я хочу протянуть руку польским ветеранам», — сказал он под Мокрой.

«Как один из немногих уже ветеранов Волынской кавалерийской бригады выступил отец, по-польски и по-немецки», — вспоминают дочери. Юлиан Осенковский получил от австрийских и немецких ветеранов почетный диплом и бронзовую статуэтку спартанского гоплита из-под Фермопил как выражение признания его христианского понимания человечности. «Мы бы хотели, чтобы поступок господина Осенковского навсегда сохранился в памяти. Во время военных действий он, без сомнения, повел себя как герой античного масштаба. За это ему наше уважение и самое высокое признание», — сказал Коминек под шумные аплодисменты в адрес исполненного скромности поляка.

Поступок Осенковского замечателен. Он не хвастался этой историей. Даже не упомянул ее в собственноручных воспоминаниях, которые хранят его дочери. Но несколько молодых жителей Глогувека слышали об этой военной истории и постарались, чтобы она не была забыта. Мне ее рассказали путешественник Рафал Серецкий и поэтесса Эва Отремба. Дочери пана Юлиана рассказали ее со всеми деталями впервые.

Focus Historia

Беата Джон, журналистка и переводчица, печатается в частности, в «Пшеглёнде» и «Газете выборчей». Сотрудничает с Польским телевидением. Специалист по германской тематике.

Войцех Мазярский

БУНТ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОЛЕМОВ

В сентябре французский министр внутренних дел Мануэль Валльс заявил, что стиль жизни цыган несовместим со стилем жизни французов и что их, по сути дела, следует изгнать из страны. Это высказывание никого бы особенно не удивило, будь Валльс политиком из право-популистского Национального фронта, возглавляемого Мариной Ле Пен. Враждебность к иммигрантам и инородцам эта партия превратила в знамя, которым размахивает направо и налево, запугивая французов видениями нашествия чуждой культуры. Однако Валльс — представитель правящих социалистов, и подобные взгляды не слишком уместны в его лагере. Поэтому неудивительно, что его высказывание вызвало критику членов его собственной партии.

Мы, конечно, знаем, почему Валльс говорит такие вещи: он борется за голоса избирателей. Опросы показывают, что перед майскими выборами в Европарламент антииммигрантская партия Марины Ле Пен вышла в лидеры — за нее хочет голосовать каждый четвертый француз. Электорат дрейфует направо, в воды национализма и ксенофобии, вот и политики поплыли туда же. И, как мы видим, не только радикалам и экстремистам, но и представителям политического мейнстрима хочется поймать эту волну.

Вопрос звучит так: полезным ли делом заняты умеренные партии политического центра, когда участвуют в торгах наряду с популистами, используя их риторику, и заслуживают ли они оправдания? Они ведь привлекают электорат и выталкивают экстремистов на обочину. А может быть, совсем наоборот: легитимизируют идеологию безумцев, откровенно вредят общественной дискуссии и способствуют эрозии демократических стандартов?

Сами заинтересованные лица, естественно, утверждают, что действуют ради общественного блага, подобно тому, как пожарные, чтобы остановить бушующий пожар, иногда используют огонь. Они поджигают траву и кустарник, преграждая путь стихии. Да только любой поджигатель охотно обращается к подобной аргументации. Подливая бензин в огонь, он будет рассказывать нам, насколько важную и спасительную миссию выполняет, служа демократическим ценностям.

Эта дилемма касается не только Франции. Сегодня по всей Европе — и не только Европе — поднимается волна ксенофобии и национализма. Голоса крайне правых и антилиберальных популистов все громче слышны в Голландии, Греции, Польше, России и многих других странах. Голландская партия Герта Вилдерса рвется к успеху на ближайших выборах в Европарламент, как и Национальный фронт во Франции. «Мы стоим перед угрозой самого антиевропейского Европейского парламента в истории», — предостерегал в октябре итальянский премьер Энрико Летта.

В Польше уже несколько лет правые националисты, при поддержке хулиганских кругов футбольных болельщиков, организуют марши в День независимости 11 ноября. Вначале эти марши пользовались симпатией и поддержкой «Права и справедливости» - крупнейшей оппозиционной правой партии. Только в прошлом году до лидера ПиС Ярослава Качинского дошло, что рост значимости националистов угрожает положению его собственного лагеря, и он отказался их поддерживать. Слишком поздно. Националистический голем, выращенный под прикрытием писовского зонтика, зажил собственной жизнью. Он стал самостоятельным, окреп, подрос и сегодня уже бросает вызов своим отцам — национальным лидерам традиционных правых. Глядя на многотысячные шеренги националистов, марширующих в День независимости, Ярослав Качинский, вероятно, проклинает собственные решения прошлых лет, когда он оказывал помощь т.н. «патриотической молодежи» и защищал стадионных хулиганов от полиции и правосудия.

Он не единственный, кто совершил эту ошибку, с опозданием убедившись, что флирт с антидемократическими идеями, расизмом, ксенофобией, популизмом, антисемитизмом — самоубийственный шаг. Голема относительно легко вызвать к жизни, но управлять им невозможно. Рано или поздно он выйдет из-под контроля и будет угрожать своему создателю. Интересно, задумался ли над всем этим Владимир Путин, посылая полицию для усмирения антимигрантских погромов в Бирюлёво?

Кшиштоф Варга

Перевела Ольга Лободзинская

ОПИЛКИ

(Записки коммивояжера[1])*

Сижу я сейчас в вагоне второго класса поезда Интерсити посреди неприглядного, будто прикрытого армейской камуфляжной сеткой поля, где-то на полпути между Познанью и Вроцлавом, и думаю, что, пожалуй, не постель, а поезд станет тем местом, где придется мне испустить последний жалкий стон, где начнется изнурительный процесс превращения моего тела в человеческую падаль, которая изойдет тошнотворной вонью путресцина и кадаверина, возникающих при гнилостном разложении трупа, а позднее разведутся в нем омерзительные личинки, черви и вся эта ползающая сопроводиловка.

Ненавижу, когда поезд останавливается, особенно в поле, в пустом пространстве, в пустой, плоской Польше. Когда поезд останавливается в пустоте, кажется, что через минуту остановится и мое сердце, унизительно сдохнув в остановившемся поезде, в пустом, как незаполненные клетки Excel, поле, что из-за меня состав будет стоять еще дольше, пока не придет скорая и катафалк, пока компетентный врач официально не подтвердит мою смерть, а что самое смешное, это будет мой первый контакт с врачом за много-много лет, с тем что он не попросит меня спустить трусы, откашляться, не воткнет своего пальца мне под ребра, ни тем более в задний проход, не будет ощупывать голову и надавливать на лимфатические железы, чтоб проверить, не увеличены ли они, и не скажет напоследок: одевайтесь. Я буду избавлен ото всех этих жалких манипуляций, не задам классического вопроса хлюпиков: доктор, я чем-то болен, да? Нет, уже ничем, ответит врач скорой, а гробокопатели, прибывшие на своем черном катафалке, смахивающим на миниатюрную бронемашину, упакуют меня в мешок и вынесут из вагона под любопытствующими взглядами пассажиров, озверевших из-за того, что приходится стоять дольше, с одной стороны, а с другой — возбужденных видом трупа, ведь вид трупа всегда возбуждает чернь, на том и зиждится нынешняя культура, именуемая массовой, хотя подобное словосочетание звучит, естественно, как довольно-таки странный оксюморон[2]. У меня такое впечатление, что сидящая напротив женщина, выглядящая как старая раскрашенная черно-белая фотокарточка, какие еще увидишь в некоторых приходящих в упадок фотоателье, и внимательно присматривающаяся ко мне (думает, я не вижу) была бы не прочь, если б я сейчас внезапно схватился за сердце, вытаращил глаза и скатился с сидения, было бы о чем рассказывать в ближайшие дни и даже недели: просто ни с того, ни с сего стал задыхаться, глаза полезли на лоб, и загремел на пол, вот сюда — она бы показала на пол в кухне

* Примечания переводчика см. в конце текста.

или на ковер в большой комнате, — прямо возле моих ног, я тут же с криком: человек умер! выскочила в коридор и потянула за стоп-кран, хотя там написано, что использование его без уважительной причины карается по закону! Но когда человек внезапно помирает в поезде — это же причина уважительная. Хотя в ту же секунду до меня дошло, что поезд ведь стоит, и тянуть за стоп-кран не обязательно, но кто ж в такую минуту думает, стоит поезд или едет, — тут ведь человек помирает.

Смерть для людей — развлечение забойное, я, понятное дело, не имею в виду их собственную смерть, но смерть других, лучше всего кого-нибудь известного из телевизора, на худой конец кого-нибудь из семейного круга (вот уж потеха не на один месяц!), хотя и внезапный трындец незнакомого, если к тому же сам при нем присутствуешь, тоже вещь заслуживающая внимания. Люди мечтают о настоящей смерти, потому что слегка притомились от смерти ненастоящей, которую им изо дня в день преподносят в ящике, сколько раз на дню можно смотреть на якобы убитых, якобы застреленных и якобы зарезанных, это уже становится нудным, да и те богато иллюстрированные тексты в бульварной прессе о детях, растерзанных собаками, об отцах, лишающих жизни собственных дочерей, о сыновьях, убивающих матерей, они тоже становятся несколько однообразными, хотя, конечно, только на первый взгляд, ибо если сей взгляд жаждет крови и всяческого несчастья, то народ набрасывается на подобные статьи и расплывчатые снимки, и за уши их, как говорится, не оттащишь. А происходит так потому, что людей возбуждает — в эротическом смысле, как мне думается, — чужой позор, свое возбуждение они прикрывают лицемерным сочувствием, чем-то таким, что на голубом глазу называют эмпатией, а на поверку стоит за ней schadenfreude, *злорадство*, столь типичное для народа, населяющего нашу страну, балдеж от чужого несчастья и унижения — вот что прячется за их интересом и возбуждением и вымазывает из их рассудка мысль, что и сами-то они когда-нибудь наедятся подобного унижения, когда в болях и страхе дадут дубаря или когда внезапно с осознанием позора как сноп рухнут наземь, на улице ли, в магазине возле кассы, сбитые машиной, когда сумки с их продуктами отпустят на волю спрятанные сокровища: картошечку, редисочку, молочко, колбаску и хлебушек, и пахнущую еще печатной краской газетенку, — вот картинка, которую обожают фоторепортеры, она для них символизирует хрупкость человеческого бытия, является иллюстраций к словам: не знаете ни дня, ни часа[3]; вот, мол, пожалуйста: еще минуту назад кто-то стоял возле кассы и скрупулезно отсчитывал деньги, еще пару минут назад подумывал, что будет сегодня на обед, то есть планировал продолжение своей экзистенции, а тут один божеский жест и всё — экзистенция обрывается, и этот кто-то в ту же минуту погружается в вечный сон.

Эх, если б смерть действительно была вечным сном в чистой постели, если б умерший человек мог ворочаться в ней с боку на бок, проснуться, пойти в ванную опорожнить пузырь, а потом вернуться и снова блаженно заснуть, даже храпеть и вертеться, с тем что — храпеть, вертеться и ворочаться с боку на бок — длилось бы целую вечность, — вот такая смерть по мне.

Я смотрю на женщину с раскрашенной черно-белой фотокарточки, ей наверно приблизительно столько же, сколько и мне, может, чуть больше, на ее лицо, из-под толстого слоя пудры вылезают годы однообразной жизни, скуки смертельной, годы прозябания, не оправданные никакой высшей необходимостью, годы выстаивания у конвейера, именуемого экзистенцией, и убивает она свое однообразие и скуку, интересуясь жизнью других, так как ее существование не представляет ни малейшего интереса, в чем она вполне отдает себе отчет, столько у нее еще осталось ума, чтоб знать, что жизнь ее лишена всяческой надобности, хотя сама она себя убеждает, что всё еще нужна мужу, взрослым детям, которые, само собой, без нее ничегошеньки бы не сделали, а может, и внукам, которые не выросли бы без бабушкиной заботы, и одурачивает она себя убеждением, мир-де без нее обойтись не может, тогда как ситуация обратная, дети ее ненавидят, когда она, бодрая и веселая, навещает их и устраивает проверку, полон ли холодильник, нет ли на мебели пыли, убежденная, что, не заботься она, они бы умерли с голоду и в запущенности. Мужу она надоела лет двадцать назад, и когда он из-за ее храпа не может заснуть, не раз задается мыслью, а не положить ли подушку на ее лицо, чтоб

Dymitr Kismielow

перестала храпеть навеки. А когда просыпается и смотрит на нее, думает о своей жизни, что могла бы выглядеть иначе, впрочем, так думает каждый, тут никакой сенсации. А потом живут они по-прежнему вместе, вместе едят и вместе храпят.

Однако она понимает, что всё это неинтересно, не блещет оригинальностью, потому-то и следит за судьбой людей, которых ежедневно видит по ящику, читает о них в дешевых газетенках, вижу ведь рядом с ней помятый экземпляр «Из жизни звезд», шмотье, какое за гроши купишь в любом киоске и у которого, поди, тираж в несколько миллионов. Экземпляр зачитан чуть ли не до дыр, так как она не предвидела, впрочем как и я, что придется не один час торчать в стоящем посреди чистого поля поезде Интерсити, который уже давным-давно мог бы прибыть на вокзал во Вроцлаве.

Поезд стоит себе преспокойненько уже три часа, я успел прочесть от корки до корки все газеты, что забрал с собой в дорогу, даже статьи, что меня не интересовали, и, побуждаемый необходимостью убить время, сижу теперь и пишу на своем служебном ноутбуке как раз то, что пишу. То бишь пишу-то я по внутренней потребности, а не только по необходимости убить время, поэтому назовем-ка это внутренней необходимостью, так, пожалуй, будет точнее.

Польские поля тянутся до самого горизонта, одинаковые везде, и даже если в качестве разнообразия появляются кое-где стыдливые пригорочки, всё равно они обязательно засажены картошкой, капустой и свеклой. Преодолевая польские километры на поезде, мне порой кажется, что у меня на родине выращивают только картошку, капусту и свеклу, зерно на хлеб и водку, конечно, не в счет, но после страды, когда стерня становится бурой, остаются уже только поля с картошкой, капустой и свеклой, святая троица польской национальной кухни. Преодолеваю я польские километры на поезде не первый год и всё никак не могу преодолеть Польшу, вечно она от меня защищается, вечно возрождается, возрождается той же самой, с теми же полями, рощами, со страшненькими домишками страшненьких, злых людей, тут они проживают свои гнусные дни, без тени самоанализа, даже когда в воскресенье надевают чистые рубахи и выходные платья, чтоб пойти в костел помолиться, попеть традиционные песни и послушать проповедь глупых ксендзов, в их головах, где вместо мозгов картошка, капуста и свекла, не появляется ни проблеска размышлений, ни искорки свободной мысли, а когда ксендз кладет им облатку на язык, ни к чему это их не побуждает, разве что в какой-то мере побуждает слюнные железы, зато они сами настороженно разглядываются по храму, смахивающему зачастую на огромный бетонный бункер, ей-богу, сакральная архитектура в нашей богобоязненной стране заслуживает особого разговора, я, увы, редко посещаю костел, мне костелами служат железнодорожные вокзалы, часовнями — залы ожидания, а исповедальнями — окошки информации, там я, как на исповеди, отчитываюсь, куда бы мне хотелось поехать, и обычно узнаю, что поезд опаздывает или отменяется — вот оно покаяние, какое мне назначают.

Позднее эти люди возвращаются к себе домой, хлебают свой воскресный бульон и рассаживаются перед телевизором, празднуя выходной день, мужчины вытаскивают из холодильника, из того места, где хранятся святые дары, освященную водку и вместе с шуринами и свояками кропят ею горло, поперваначалу строят планы по улучшению своего житья-бытья, а потом в поддатии планируют крестовые походы, которые, еще не успев начаться, терпят поражение, а понедельничный рассвет частенько застает их в воскресных доспехах, храпящих во всё горло на диване под портретом Иоанна-Павла II или под плакатом с Робертом Кубицей[4], а над полями поднимается докучливый туман, встает будничный день, очередной необязательный день в их жизни, и небритые выходят они на эти огромные поля битвы с житейской прозой.

Лицезрею я эти поля не только сегодня, я вижу их почти ежедневно, когда преодолеваю польские километры в вагоне второго класса, поля, убивающие своим унынием, безнадегой и неизменчивостью, вечно с каким-то из последних сил ползущим по ним одиноким трактором, разбрасывающим навоз или спрыскивающим хилые растеньица белой гадостью против сорняков, с разваливающейся хатой с просевшей крышей или сероватым, как бы сложенным из кубиков домом, напоминающим то ли сторожевую вышку, то ли наблюдательный пост, то ли небольшую тюрьму, где в своем предназначении замкнуты люди, тупые и ожесточившиеся, измученные и несчастные, с помощью телевизора защищающие себя от любой свободной мысли как от какого-то оккупанта. В прессе часто помещают снимки спутниковых антенн, установленных на зачуханных, одиноко стоящих домах, похожих скорее на сараи и хлевы, все мы их видели и ржали над ними, их позднее за милую душу перепечатывала иностранная пресса, ну а что эти люди должны были установить? Они ведь хотели купить себе по сходной цене пропуск в мир, в корне отличающийся от их мирка, границы которого устанавливают продажа овощей и свиней, да еще гминное управление, мирка диаметром в несколько десятков, а то и меньше километров. Вид польских полей вечно угнетал меня, я и по сию пору считаю его одним из самых непривлекательных видов на свете, отнюдь не навевающих меланхолию, как бы хотели некоторые, особенно когда на невспаханных землях оседает осенний туман или тянется над ними ленивый дым от сжигаемых листьев. Ведь меланхолия предполагает красоту, пусть даже не совсем красивую, польские же поля никакой красоты в себе не несут, они несут в себе лишь неоскудевающую, тоскливую неказистость, они неказисты и тоскливы как люди, что на них работают, как, с позволенья сказать, женщина, сидящая напротив и обшаривающая меня подозрительным взглядом, и большинство пассажиров поезда, а замечу, это ведь поезд Интерсити, курсирующий между самыми крупными городами страны, а не какой-нибудь потасканный пассажирский, до полна набитый потасканными людьми с огромными узлами, извергающими алкогольный перегар, от которых несет потом из немытых подмышек и немытых промежностей, в одежке с русского или вьетнамского базара, с порчеными зубами и испорченными сердцами, взращивающими в себе агрессию ко всему миру, который всё же остается для них не более музыкальной шкатулки, вечно играющей ту же самую мелодию.

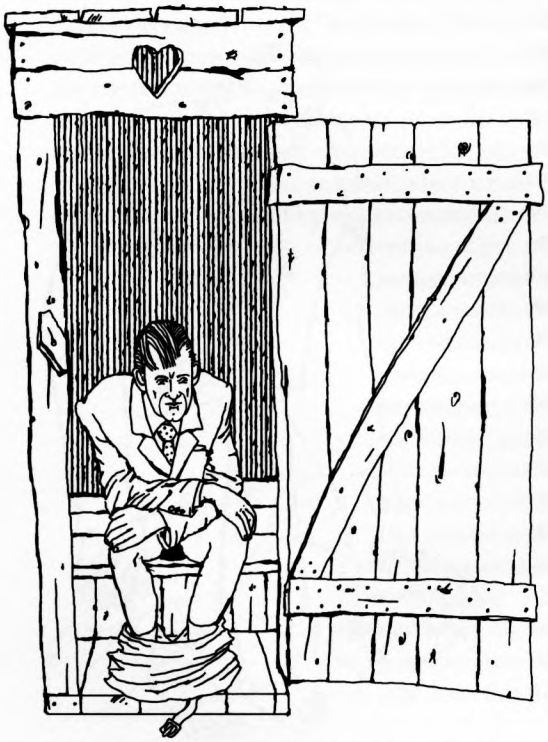
◆◆◆

Семейка моя, как и у большинства жителей Варшавы, родом из мазовецкой деревни, правда, большинство варшавян — выходцы не только из Мазовии, но и небольших городков и деревень Подлясья или Полесья, и даже если сами они родились в столице, корни их, которые они с таким отчаянием пытаются вогнать в варшавскую мостовую, глубоко сидят в запущенных городках и деревнях. Корни всех, с кем я познакомился в Варшаве, с кем мне случилось жить, учиться, работать и даже любить друг друга, глубоко уходили в польское деревенское сознание, из каждого, кого ни возьми, вылезало, попахивая, нечто свое, родное, исходящее из подмышек, промежностей или изо рта. Все мы деревенщина, особенно варшавяне, и обижаться тут нечего, мы — народ мужицкий, который выстоял, ибо его не так-то легко уничтожить, он прошел через все уготованные жителям этой страны междоусобицы и войны, ибо народ мужицкий как тараканы, а они переживут даже ядерную бойню, ибо народ мужицкий — генетический мутант, который приобрел иммунитет против всего на свете, подозреваю, что даже болезни цивилизации его не берут. Мне кажется, что, когда наконец-то разразится настоящая эпидемия, та, которую время от времени пророчат газеты и телевизоры, впадая в

истерику от любой информации о массовом пищевом отравлении со смертельным исходом, когда наконец-то нагрянет какой-нибудь мутированный свиной, коровий, лошадиный или собачий грипп, когда кишечная палочка coli подвергнется чудовищному перерождению и весь цивилизованный мир исчезнет с лица земли — если не от современной чумы, так от страха, в результате атаки коллективной паники — в мазовецкой деревне будет царить спокойствие, разве что народ в ватниках пожмет плечами. А всё потому, что к мужицкому народу если и пристает, то только хворь из-за отсутствия гигиены, наверняка какие-то кариесы, тут всегда были трудности, а сверх того, грибковое паскудство, это, по-видимому, профзаболевание мужицкого народа, ну и, наконец, перхоть, одним словом, всё то, с чем можно спокойно жить и от чего народ сей, как мне кажется, закаляется еще больше, потому что гигиена всегда для него была чем-то подозрительным, покушением на воображаемую свободу, и даже если он перебрался из отхожего места за хлевом в городскую ванную, то умом-таки остался в своих нужниках с вырезанным ромбом или сердечком.

Говорю я всё это потому, что и сам я от мазовецкой сохи, сам видел всё своими глазами и, к своему великому сожалению, оставил в памяти, а предпочел бы оставлять в ней совсем иное, я — достойный сын той грязной земли, кишащей толстыми червями, пропитанной отнюдь не кровью героических защитников, а мокротой отхарканных плевков, рвотой возвращающихся с попойки мужчин, дерьмом их бездумного существования, мочой, которую они, позевывая, сливают. А потом в мокрой глине они, как и велит им традиция, бездумно складывают свои жалкие тела и унаваживают ими родную землю, костями своими поддерживая фундамент, на котором, покачиваясь от шаткости, держится страна, ибо в земле, может, конечно, и лежат кости каких-то героев, но, прежде всего, там лежат кости тех, что если и воевали, то скорее со своими соседями из-за межи, если и сопротивлялись оккупантам, то не для того, чтоб освободить отчизну, а чтоб иметь кровяную колбасу и зельц собственного убоя.

Родился я в Варшаве — самой большой деревне нашей страны, как считают все, кто живет за ее пределами, и, хотя у них самих деревенские корни, они ненавидят Варшаву за ее деревенский дух и одновременно тоскуют по ней, как бы они хотели жить в ней, вырваться туда, а как вырвутся, так потом оторваться не могут, а ненависть придает им еще больше решимости жить в Варшаве, работать там, делать карьеру, основать семью и откладывать на отпуск в Египте.



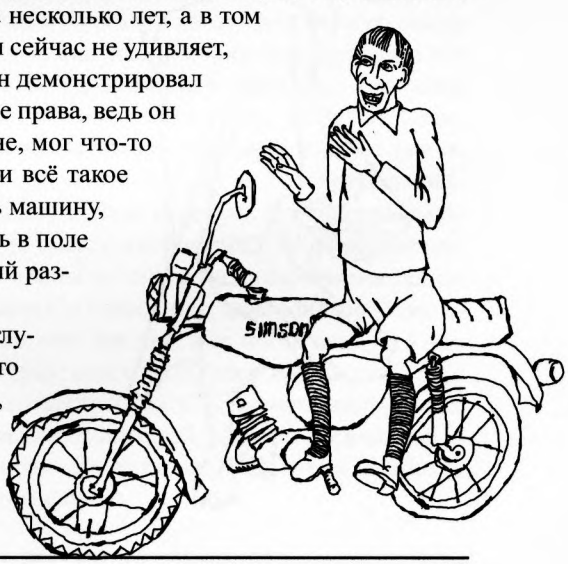
Корни мои сплетаются в мазовецкой земле с корнями плакучих ив, а ива — этническое дерево поляков, приземистое, кряжистое, с тонкими светлыми прутьями на взъерошенной макушке, издалека выглядящее как пошатывающийся мужик, что возвращается домой после получки. Нет в том дереве ни капли меланхолии, как считают наивные песнопевцы родной земли, а есть безмозглость строптивого существования, мужицкая задиристость, крестьянская ненависть ко всему чужому, то бишь к тому, что находится за плетнем своей деревни. Вот она, независимость невспаханной земли.

Меня всё еще преследует запах сжигаемой травы, ноги мои увязают в осеннем поле с уже выкопанной картошкой, во рту у меня устойчивый муторный привкус перезрелой антоновки из мазовецких садов, жирного молока, оставляющего на нёбе неприятную пленку, и толстого ломтя хлеба с маслом или вытопленным салом. А осенью, прославленной золотой польской осенью, какой не усмотришь на всем белом свете, — привкус подгнивающих диких груш и червивых слив. Это отнюдь не вкус фляков по-варшавски или пыз[5], принесенных с базара Ружицкого, не цукатов, которыми торгуют на Всех Святых[6] у входа на кладбище, и не липкой сахарной

ваты, которую крутят возле тира в парках с аттракционами. Мои пейзажи, от вида которых я не могу избавиться, это не варшавские Аллеи Иерусалимские и Старый город, а бескрайние поля, стелющиеся под вечной попоной низкой облачности, со стаями каркающих ворон, пейзажи попросту уродливые, может, конечно, для кого-то, отягощенного некой странной манией, они и привлекательны, но только не для меня, может, они привлекательны для горстки истинных городских, что из поколения в поколение гниют в своих приходящих в запустение каменных домах, и им кажется, что вид польских полей привлекательней и изящней пейзажей Тосканы и Прованса, но ведь я-то уже много лет путешествую исключительно по Польше и через вагонное стекло лицезрею эти якобы меланхолические, а по сути дела гадкие, грязные и отвратные картины.

Проклятьем моего детства были постоянные поездки в деревню к родственникам, хотя этих людей я родственниками не считал, они казались мне инопланетянами, совершенно неизвестной, враждебной расой, что хочет уничтожить всякую иную жизнь, хоть, пожалуй, такое сравнение хромает, потому как мы свыклись с тем, что инопланетяне стоят выше нас на ступенях цивилизации, а тем временем родственнички казались мне окаменелостью из XIX века, и только одежда выдавала их принадлежность к социалистической действительности. Будучи в ладах со школьной программой по литературе, я видел в них персонажей рассказа «Расклюет нас вороньё»[7] и опасался, как бы они меня не прикончили или не загнали вывозить навоз из хлева. Родители возили меня в деревню силой, потому как я предпочитал, что вполне понятно, проводить субботу и воскресенье во дворе, гоняя в футбол, играя в расшибалочку или в войну. Но мне приходилось туда ездить, ведь там, как считала моя мать, был свежий воздух и здоровая, настоящая еда, а не какая-то покупная из городского магазина. Этим свежим воздухом и здоровой едой они отравляли меня каждый выходной, с весны до поздней осени, накачивали в мои легкие смрад, исходящий от гниющих отходов, химических удобрений и дыма, поднимающегося из дымовой трубы электростанции в Козеницах[8], которую отлично видно с противопаводкового вала на Висле под Варшавой. Эх, Висла — матерь польских рек, старая, расхлябанная и несобранная, по весне расползающаяся от сходящих с гор тающих снегов, летом истощавшая, выставляющая всему миру на показ песчаные отмели, будто синяки, понаставленные пьяницей-мужем, а позднее, после проливных дождей, внезапно вспухшая, отрыгивающая из чрева своего излишки воды на прибрежные поля, затопляющая мужицкие хозяйства, выползающая из-под земли, как покойник, которому захотелось вернуться на этот свет.

В деревне мне не с кем было играть, мой скудоумный старший двоюродный брат из Мямлишева интересовался исключительно машинами и мотоциклами, пределом его мечтаний был автотракторный техникум, а в будущем — собственная ремонтная мастерская, но он был глуп даже для техникума, хотя, естественно, не отдавал себе отчета в безбрежности своего дебилизма, разливающегося как Висла по весне, я видел его кретинизм, когда он садился на старый развалившийся трактор и, оглушительно тарахтя, выезжал со двора в поле. Он был старше меня на несколько лет, а в том возрасте несколько лет — целое поколение, поэтому меня и сейчас не удивляет, что ему не хотелось кантоваться с городским сородичем. Он демонстрировал превосходство надо мной, ведь у него же были водительские права, ведь он же умел ездить на мотоцикле и тракторе, и даже на машине, мог что-то в них починить, карбюратор, ремень газораспределителя и всё такое прочее, будто миллионы мужчин в стране не умели водить машину, будто сотни тысяч похожих на него тупиц не умели выехать в поле на тракторе, чтоб с гордостью и безо всяких предубеждений разбрасывать вонючий навоз.



Он уже начинал приударять за деревенскими девками, глупыми и вульгарными, которые даже если и были в каком-то смысле смазливыми, а скорее всего здоровыми и свежими, как молодая картошка, то в скором времени их ждало превращение в массивные, серые бульбы, что выпустят сине-зеленые глистоподобные ростки. Его родители, а

мои родственники Полаянцы (мне дурно становилось, когда я думал о них как о сородичах) уже потирали руки, мол, не далек час и найдет себе здоровую картофельную девку, что родит им, помалу выдыхающимся, сильных, дородных внуков, годящихся, когда подрастут, для работы в поле. Ибо в их тупую, вредную черепушку не приходила мысль, что, может, когда-нибудь они захотят вырваться из Мямлишева, из их повета, из Мазовии, ну, хотя бы в ту же Варшаву. Мямлишевский повет был их вселенной, их воображение не охватывало мира за пределами своего повета или, скажем, за пределами нескольких поветов, ведь бывали же они и в Козеницах, и в Варке, посещали Гору Кальварию[9], даже хо-хо-хо! в Груец заглядывали! А вообще-то интересно: они как-то сроду не хотели смешать свою деревенскую кровь с деревенской кровью Варшавы, придать ей таким образом еще больше силы, для них Мямлишев с его окрестностями был космосом, а Варшава — каким-то далеким и злым Мордором, хоть, ясно, такого слова они не знали, они по большому счету знали очень мало слов, только самые необходимые, у них был сильнейший иммунитет против мира культуры. Потому-то они и молились, чтоб сын их привел в хозяйство здоровую деваху из соседней деревни и чтоб она, деваха, родила их сыну здоровых, сильных карапузов, чтоб их картофельная монархия продолжала свое существование, вдали от остального мира, в мазовецком микрокосмосе, хоть я совсем не уверен, догадывались ли они, что их земля называлась Мазовия, а если догадывались, волновал ли их сей факт, ведь для них Мямлишево означал «здесь», а где находилось какое-то «там» и каким оно было, особой охоты узнать они не проявляли.

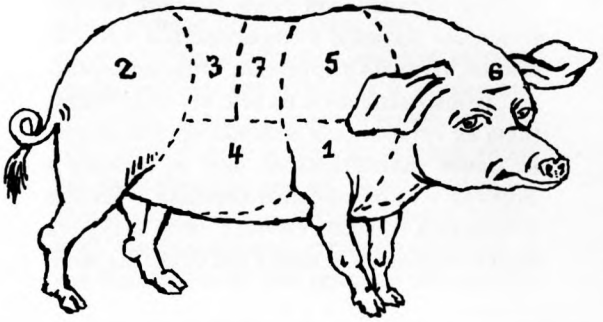
Интересно: когда родители рассчитывают, что у их сынка будут дети, представляют ли они себе, как сыночек ихний под стоны девахи впрыскивает в нее, как палка его, сначала твердая, после извержения превращается в тряпку? А когда они говорят: «Бог дал нам внука», — видят ли они эту самую палку?

Звали его, понятное дело, Стасёк, а как же иначе, большие кривые зубы и выдающаяся челюсть, он постоянно скалил эти свои зубы, будто над чем-то кретински посмеивался, из-за чего еще больше походил на недоразвитого, и сейчас, когда я его вспоминаю, задаюсь вопросом, как выглядит его обглоданная червями черепушка, потому как брат мой уже на том свете, разбился на мопеде, возвращаясь по пьянке с дискотеки, жалкая смерть на гэдээрошном «Симсоне», он получил его в подарок от отца на день рождения, банальная история, масса таких случалась тогда в польских деревнях, теперь сельская молодежь, возвращаясь бухими с дискотеки, разбивается на двадцатилетних «ауди» и «бээмвэшках», купленных на немецких Schrott'ах[10] — определенный качественный скачок, так сказать. Думаю, черепушка моего двоюродного выглядит презабавно, хотя, возможно, и не сохранилась полностью, другое дело, что мой сильно назюзюкавшийся брат свернул себе шею, что и явилось непосредственной причиной смерти, но случилось сие после впечатляющего, как мне думается, сальто, когда он на мосту через Пилицу потерял управление «Симсоном», и вот тогда-то мог заработать себе по кумполу, так что вполне вероятно, что череп сей треснул или в нем возникла дырка, на лбу, к примеру, или на затылке, как от выстрела из пистолета, вот я и хотел бы увидеть его черепушку, выкопать ее, позабавиться как черепом Йорика. Вглядеться в черноту глазниц, а потом подбросить этот пустой черепок и зафутболить его далеко-далеко, в

свекольное поле, пусть полежит там до Судного дня, а когда брат мой безмозглый притопает в своих замогильных чунях и предстанет перед очи Господа Бога, Господь Бог, глядя на него, расхохочется, ибо верится мне, что у Бога есть чувство юмора и всё, что он с нами делает, делает ради потехи, ведь весь мир построен им из кубиков Лего, дома, зверюшки, человечки; у Бога наверняка очень скверный характер, из-за чего я проникаюсь к нему симпатией, все несчастья, которые он насылает на нас, он придумывает исключительно для того, чтоб разогнать свою непреходящую, беспредельную тоску. Ибо Вечная Сущность должна безумно скучать, помирать со скуки и не иметь возможности помереть.

Пока Стасёк был жив, он постоянно глупо лыбился, практически не переставая, даже держа в своих потрескавшихся губах дешевую сигарету из помятой пачки. Но больше всего лыбился после убоя свиньи, выходя из хлева, скалящаяся рожа в забрызганном кровью фартуке, момент, когда он перерезал свинье горло, должно быть, забавлял его больше всего, а потеха, по-видимому, начиналась раньше, когда они вместе с папашей за уши и хвост волокли визжащую свинью. Животное предчувствовало, к чему идет дело, ведь свинья — неглупое создание, она отчаянно визжала, упиралась копытцами в навозе, но ее ведь тащили за уши и пинали в большой розовый зад, и она поддавалась, впадая в предсмертный ступор и позволяя перерезать себе жирное горло, а потом лежала на боку, вся в навозе и своей крови, и еще какое-то время тряслась, интересное дело: больше всего дрожали у нее сосцы, которыми она выкормила шестерых поросят, теперь они беспомощно топтались в выгородке и глядели своими маленькими поросячьими глазками на смертоубийство матери. Их время еще придет, им надо подрасти, обзавестись жирком, я этого не понимаю, разве не лучше заколоть одного поросенка, потом другого и третьего и запечь их целиком, молодое мясо, пожалуй, вкуснее. Но они, скорее всего, ценили жир, свинина должна быть жирной, чтобы дать силу всей семье.

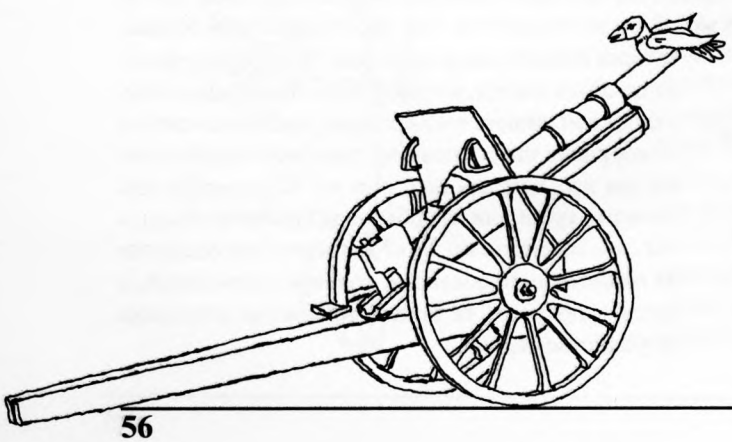
Помню, что, когда утих последний прощальный визг, они перевернули коченеющую свиноматку на спину, выглядела она довольно смешно: большущее бледнорозовое туловище с короткими торчащими вверх ножками, впрочем, отец Стаська тут же их отрезал и бросил в ведро. Одним ловким движением длинного ножа Стасёк отхватил ей голову, я видел, как нож легко и сноровисто входил в толстую, но мягкую шкуру животного, когда голова уже отделилась от туловища, отец Стаська окатил кровоточащую шею холодной водой из ведра, а Стасёк поднял голову обеими руками над своей башкой, как спортсмен, показывающий всему миру завоеванный кубок, и на его дебильной роже рисовалась радость, вот первая свинячья голова, которую ему разрешили отрезать, свершилась инициация, он произведен в мужчины, Стасёк стал Станиславом, взрослым человеком, мог бы уже пойти в армию или к партизанам, ибо всем им, по-видимому, казалось, что война всё еще продолжается, что всё еще длится оккупация, немецкая, советская, польская, без разницы. Впрочем, они могли быть оккупированы и без оккупанта, у них это неплохо получалось. Именно поэтому они и зарезали свинью нелегально, не отвезли ее в пункт закупки, где бы им заплатили по соответствующей цене и зарезали как положено на мясокомбинате, наверняка в более стерильных условиях, так нет же, зарезали ее в плюгавом хлеву, где навоза по самые щиколотки, на глазах у другой скотины, сделали из этого маленький спектакль, то есть: вроде бы как зарезали втихаря, а в то же время демонстративно, на радость всем домашним, а также нам — дальним родственничкам из самой Варшавы, будто хотели показать: вот она настоящая жизнь, убийство свиньи — настоящая жизнь, а не то, что там у вас, в городе, где вы жрете магазинное мясо, которое уже не выглядит как от живой скотины, и когда вы его жрете, то не чувствуете, что оно от заколотой свиньи, которая визжала, когда ее резали. Тут, конечно, имелся какой-то смысл, в городе мясо было редкостью, в польской нищете того времени зарезанная свинья — всё равно что сокровище, даже в большей степени для нас, чем для них, они могли подарить нам четверть туши или хотя бы пару кругов колбасы, а мы? что мы могли им дать? да ничего, мы были там на положении просителей, ходоков за свининой, и могли заполучить ее за цену просмотра спектакля об убийстве свиньи.



Да, в такого рода убийствах всегда присутствовала демонстративность, если отрубали голову курице, то не где-нибудь за домом, а во дворе, у всех на виду, при открытых воротах. Впрочем, ворота всегда были открыты, чтоб было видно всё их богатое хозяйство, что стоит там трактор и какой-нибудь культиватор или что-нибудь подобное, а посему кур убивали средь бела дня, при открытых воротах, на самую середину двора выносили деревянный пенек-плаху, папаша Стаська клал на нее шею трепыхающейся птицы и одним взмахом топора срубал ей голову, фонтаном брызгала кровь, он отпускал курицу, а та, уже без головы, махая крыльями, на которых сроду не летала, пускалась по всему двору в пляс и бегала так еще некоторое время, интересное дело: человек с отрубленной головой пожалуй что падает сразу замертво, а курица еще живет и бегает, я тогда размышлял, думает ли она о чем-то и где эти мысли возникают, в отрубленной голове, валяющейся в пыли двора, или в том теле, которое отчаянно пытается обратиться в бегство, но не знает, куда бежать, ведь глаз-то у нее нет, они тем временем стекленеют в песке?

А как-то зарезали корову — привязали ее веревкой к дереву и сперва всей семьей осмотрели, хорошая, упитанная корова, а она водила вокруг своими большими влажными глазами, изредка издавая мычание, но не в рамках протеста, а будто желая обозначить свое присутствие. Потом подошел папаша Стаська и как бы нехотя шарахнул ее по лбу какой-то дубиной, которую приволок из сарая, корова глухо мукнула и пала на передние копыта, тогда отец Стаська поправил дело вторым ударом, задние ноги коровы подкосились, а Стасёк, наторелый при свиньях, перерезал ей горло. Раздался глубокий рык подыхающей скотины, аж мороз пробирал по коже, а скотина, видимо, не понимала, что происходит, что на сей раз она брызжет в ведро не своим жирным молоком, а кровью из располосованного горла. Полаянцы, естественно, не сознавали, что они — самая настоящая скотина, и, глядя тогда на их довольные, вредные рожи, я представлял себе, что это им кто-то перерезает горло, что к дереву привязывают Стаська, он тупо оглядывается вокруг, на его лошадиной морде улыбочка придурка, он ведь ничего не понимает, кто-то подходит, точнее подхожу я и шарахаю его по башке тяжеленной дубиной, Стасёк ойкает и падает на колени, я второй раз шарахаю, а потом большим ножом прохожусь ему по горлу. То же самое проделываю и со старшим Полаянцем и вижу, как он еще брыкается, разбрызгивая вокруг себя грязь, вот такие картинки появлялись у меня в голове, когда я смотрел на этих двух отвратительных, ненавистных мазовецких мужиков, заслуживающих самого брезгливого презрения.

Единственно из-за чего я соглашался ездить в Мямлишев, был расположенный неподалеку, в Мнишеве, военный скансен[11], где стояли танки, противотанковые орудия, гаубицы, минометы, даже катюши и амфибии, а вся территория была разрыта окопами, траншеями, землянками, эту землю орошала солдатская кровь, хотя не знаю, там ли конкретно она ее орошала или, может, в другом месте, а туда ее привезли позднее? Так вот, по этим окопам я как-то бегал полдня. Я пришел в неописуемый восторг, когда наконец-то уговорил отца и он в одну из июльских суббот отвез меня туда, я проедал ему плешь своим хныканьем и мольбами, а он отбивался от меня как от назойливой переносящей заразу мухи, но насилу поддался, и я, в конце концов, мог заняться чем-то увлекательным, а не умирать со скуки на участке и во дворе наших отвратительных родственников. Отец стоял у входа в скансен, нетерпеливо поджидая меня обратно, внутрь войти не захотел, его по непонятным для меня причинам не интересовало военное снаряжение, будто он им брезговал, а может, он боялся его, мне это было странно, ибо в моем возрасте каждый нормальный пацан считает, что все мужчины должны интересоваться армией, войной, танками и орудиями. Отцу моему было глубоко наплевать на всю эту красотищу, меня же тут ожидали военные приключения, не менее увлекательные, чем те, о каких я помнил из кретинского сериала «Четыре танкиста и собака», снятого, чтоб задурить мозги молодежи, и хоть я как будто бы знал,



что война — не майские гуляния, как в том фильме, где четверо развеселых идиотов и симпатичная овчарка ездят себе на танке куда только захотят и делают всё, что только захотят, то, конечно же, не знал, что война — это прежде всего вываливающиеся из распоротого живота кишки, оторванные руки и ноги, хрипы умирающих, что всё это очень похоже на убиение свиньи и отрубание головы курице в Мямлишеве, с той лишь разницей, что в большом масштабе и в патриотическом оформлении.

Скансен был тогда еще совсем новым, открыли его только лишь в 1977 году, спустя тридцать три года (символическое число, Польша — Христос народов[12]) после победы поляков и солдат Красной Армии, сражающихся плечом к плечу здесь, на Мангушевском плацдарме, и победу сию скансену предстояло прославить. Поздненько же его решили открыть, а может, тогда надо было укрепять патриотизм, возрождать панславянскую гордость за совместную борьбу с Германией, ибо в тот момент Германия стала для поляков райской мечтой, не символом свастики, а пацификом[13], смахивающим на логотип «мерседеса», страной, которую двигал вперед не лозунг: «Один народ, одна империя, один вождь»[14], а всего три буквы: *bmw*? Она уже не была империей Зла, она была Аркадией, куда паломничали не только силезцы, но и простой мазовецкий люд, прирожденные автомеханики, ленивые работнички в Польше и героические поденщики в Германии. Тогда, в 1977 году, открытие скансена прошло, наверно, с большой помпой, неважно, что это не была одна из самых важных битв Второй Мировой войны, но ведь открывал-то его сам генерал Берлинг[15], он был еще жив, как оказалось, а кто бы мог подумать. В тот июльский день я был юным берлинговцем, сыном полка, в восторге шныряющим в окопах, песок набивался мне в кеды, а из меня наверняка, вырывались какие-нибудь тра-та-та-та-та или нечто похожее на взрывы бомб, хотя на самом деле никто в меня не стрелял, я слышал лишь голос отца, который стоял у входа и орал благим матом, мол, надо ехать на обед, драл глотку вместо того, чтобы пойти по моим следам и найти меня в покрытой ржавчиной амфибии или в окопе возле минометной точки, а он боялся так, будто там было настоящее минное поле, боялся, что угодит ногой в неразорвавшийся снаряд и подорвется, а его конечности разлетятся на все четыре стороны, обо мне он не беспокоился, а только лишь о себе как настоящий трус, казалось бы, благодаря своим деревенским генам он должен быть смельчаком, но он был слабак, хоть сам себя, пожалуй, считал здравомыслящим.

Мой отец пережил войну, не пострадав здоровьем, как, впрочем, и все в их деревне, война сохранилась у них памяти, даже все эти бои сохранились в памяти, они ведь велись у них под боком, но они как-то об этом не спешили рассказывать, хотя я, как любой пацан, жаждал всяческих историй о геройстве, да какое там, сынок, геройство, переправлялись они какими-то лодками через Вислу[16], и потопили их столько, что не сочтешь, немцы сидели на валу и косили их из автоматов, а когда у них кончились боеприпасы, сели по машинам, смешным каким-то, похожим на маленькие амфибии, и отвалили, и больше мы их тут не видели, а потом пришли русские и *wsio*. Но ведь наши тоже пришли, убеждал я, я ведь располагал на сей счет соответствующими знаниями, ведь поляки тоже форсировали тут Вислу[17]. Ага, наши тоже пришли, да уж больно на русских смахивали, а там кто их разберет, в деревне поговаривали, что это не наши, а только переодетые в наши мундиры русские, да ну их всех, не о чем говорить, взяли да приплыли с другой стороны, вышли из воды, постреляли немного и пошли гнать немца дальше, по дороге кое-чего наворовали, но кое-что и осталось, мы еще раньше знали, что русские идут, так и успели всё попрятать, коров и свиней отвели в лес, вон туда, подальше, а когда уже всё это через нас прокатилось, мы их назад пригнали, только страх был — когда стреляли и рвались бомбы, коровы страшно мычали, и мы боялись, а ну как русские обнаружат,

что мы от них коров и свиней прячем, ведь заберут скотину, а потом еще и нас расстреляют, но они не заметили, только пошли себе дальше, мы ведь что? маленькая, никудышняя деревушка, а они в Варшаву торопились, там хотели искать настоящие сокровища.

Примечания переводчика

[1] Подзаголовок отрывку из романа дан переводчиком.

[2] Сочетание слов с противоположным значением, например, зияющие вершины, сладостные мучения, Старый Новый Год.

[3] «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, когда придет Сын Человеческий». Мф, 25:13.

[4] Роберт Кубица (р. 1984)- первый польский пилот в истории Формулы-1 и первый победитель Гран-При «Формулы-1» родом из Восточной Европы.

[5] Фляки (требуха) и пызы (галушки из тертого картофеля) — блюда национальной кухни.

[6] День памяти Всех Святых. В этот день (1 ноября) и предыдущий (День поминовения усопших, Задушки) поляки массово посещают кладбища.

[7] Рассказ классика польской литературы Стефана Жеромского (1864-1925), рисующий мрачную картину неудачного восстания 1863 г. и равнодушное отношение польского крестьянства к национальным мятежам. Обедневший шляхтич везет на телеге оружие для последнего из еще сопротивляющихся отрядов повстанцев. Его останавливает царский патруль. Шляхтича убивают, испуганный конь, вырываясь из упряжи, ломает себе ногу. Русские, обыскав карманы убитого, отъезжают. На дороге показывается мужик, он пристреливает коня, еще раз обыскивает мертвое тело, забирая всё, что не взяли русские, засыпает оба трупа землей. И продолжает свой путь. Оборачиваясь, видит, как на холмик слетается вороньё.

[8] Электростанция на каменном угле с одной их самых высоких в Польше труб (300 м), расположенная в 83 км к юго-востоку от Варшавы.

[9] Гура Кальвария (Кальварийская гора) — город в 47 км к югу от Варшавы, архитектурно-парковый комплекс, центр религиозной жизни. Своим положением напоминает Иеусалим. Латинское слово «кальвария» соответствует древнееврейскому слову «голгофа» (череп).

[10] Schrott (*нем.*) — металлолом.

[11] Музей под открытым небом.

[12] Мистическое видение, представленное Адамом Мицкевичем в III части «Дзядов», где польский народ, народ-мученик, изображен как мессия, как Христос страждущих. Поэма написана после подавления восстания 1830 года.

[13] Международный символ мира, разоружения, антивоенного движения.

[14] Лозунг Третьего Рейха.

[15] Зигмунт Берлинг (1895-1980), арестованный в конце 1939 г. Красной Армией и помещенный в лагерь для военнопленных в Старобельске, избежал участи расстрелянных благодаря сотрудничеству с НКВД. Впоследствии сражался в Армии Людовой, сформированной на территории СССР. После войны занимал высокие посты в армии и государстве.

[16] Речь о форсировании Вислы советскими и польскими войсками в августе 1944 г. и кровопролитных боях за Мангушевский плацдарм на левом берегу Вислы в 60 км к югу от Варшавы. Переправа осуществлялась на понтонах.

[17] В сентябре 1944 г. ген. Берлинг, тогда уже назначенный Сталиным командующим польской 1-й армией, предпринял попытку форсирования Вислы в районе Варшавы. Соединения, участвовавшие в операции, понесли огромные потери. Участники операции думали, что идут на помощь Варшавскому восстанию, в действительности выполняли приказ Сталина создать плацдармы на левом берегу Вислы.

Чеслав Милош

Перевод Натальи Горбаневской

ПРЕДИСЛОВИЕ

к книге стихотворений Иосифа Бродского*

Обычно мы уделяем слишком мало внимания тому, с каким трудом доходит до нас голос поэта в конце XX века. Ему приходится пробиваться сквозь невероятные толщи гула и шума, нарастающие что ни день как вследствие самого прироста числа людей, так и вследствие увеличивающейся доли публичных ораторов, говорят ли они стихами или прозой. «Голос» я понимаю в буквальном смысле, ибо каждое стихотворение сохраняет неповторимую интонацию, порожденную тем, а не иным горлом-инструментом, подобно тому как в музыкальной партитуре дремлют звуки, дожидаясь, что их разбудят. Лучше, чем когда бы то ни было, это можно осознать, слушая, как читает свои стихи Иосиф Бродский. Это поразительная мелопея, пение-плач, которое бежит через рифмы, расплавляя их в почти постоянных анжамбеманах, чтобы в начале каждой следующей строфы энергично взвиться и повторять тот же ритмический образец в несколько иной тональности. Слушатели не могут устоять перед мыслью о той нематериальной стране, без времени и пространства, в которой живут сочинения Гайдна или Моцарта, узнаваемые по нескольким тактам на фоне шума радиостанций. В поэзии Бродского есть похожая черта, позволяющая ей сопротивляться избытку фоновых слов, как бы мы эту черту ни назвали: аскезой, дисциплиной или еще как-нибудь.

Русская литература в своей генеалогии, а может, и духе — петербургская, то есть выводится из поэзии, как Гоголь и Достоевский выводятся из Пушкина. Фантасмагорический город именно в образах поэзии, казалось, обретал свою призрачность. Ближе к нам по времени его поэты — Блок и Белый, но не менее их, благодаря немногочисленным, зато проникновенным стихам, — Иннокентий Анненский, его-то и следует назвать, потому что Бродский, на мой взгляд, принадлежит к линии Анненский — Анна Ахматова — Осип Мандельштам. Он вполне сознаёт это наследие и в своих эссе о родном городе задается вопросом: что объединяет петербургских поэтов? Ответа он ищет, описывая архитектуру, ибо в ней заключена и безжалостная воля Петра Великого, воздвигающего свой град на костях подданных, и идея «окна в Европу», и восхищение творениями человеческого ума и рук, то есть цивилизацией. Архитектура Петербурга как бы конденсирует один период истории Европы, и под пером Бродского является слово «классицизм». Хотя его трудно применить к поэзии нового времени, это слово полезно, указывая на привязанность к пропорции и мере. По существу Бродский, хорошо знакомый с переворотами в искусстве нашего столетия, весьма выборочен в пользовании свободой, предоставленной эти искусством.

Родившийся 24 мая в Ленинграде, Бродский рос и формировался там же, хотя школе мало чем обязан. Лет в пятнадцать он просто встал посреди урока, вышел и больше никогда не вернулся. Подобная внезапность импульса была ему свойственна и многими годами позже, когда без аттестата зрелости и дипломов он вел семинары по поэзии в американских университетах. Если студент говорил что-то, выходящее за дозволенные рамки глупости и невежества, Бродский выбрасывал его за дверь. Он имел право: работая на заводе, затем берясь за самые разные профессии, он сам в молодости обзавелся обширными знаниями, читая не только по-русски, но и по-польски, чтобы иметь доступ к польской поэзии и польским переводам западной литературы, а позже и по-английски. Как он рассказывает,

* В издательстве журнала «Зешиты литерацке» вышло новое издание книги Иосифа Бродского «82 стихотворения и поэмы» (с предисловием Милоша впервые была выпущена в Париже в 1988; до того этот сборник несколько раз издавался и переиздавался в польских подпольных издательствах, а всего между 1979 и 1989 в подполье вышло около десяти сборников стихов и эссе Бродского). Книга открывает серию «Иосиф Бродский в «Зешитах литерацких»», в которой выйдут также сборник стихов «Урания» и сборники эссе «Песнь маятника» и «Набережная неисцелимых» («Watermark»).

в школе английский давался ему плохо, потому что он не понимал, на что ему этот язык может пригодиться, забросил его изучение и вернулся к нему не скоро; в совхозе под Архангельском, куда он был выслан, мы видим его с толстым английским словарем. Ему предстояло в совершенстве овладеть этим языком, так что он научился переводить на английский свои стихи и писать по-английски эссе. Сборник его эссе «Less than One» («Меньше, чем единица», 1986) не имеет себе, утверждаю, равных в сегодняшней Америке с точки зрения выразительности образов и цельности стиля. Оттуда можно узнать и о его поколении интеллигенции, выраставшем в 1950-е. Это было поколение жадно читавшее и поэтому жившее, можно сказать, в подполье. Круг друзей Бродского не был «диссидентским». Они попросту отворачивались от государства, живя внутри его махины, но стараясь не иметь с ней дела, то есть отвергая соблазны карьеры, в том числе литературной карьеры.

Среди таких людей кружили перепечатывавшиеся на машинке стихи Бродского и даже росла его легенда. Анна Ахматова признала его своим наследником, что значило больше любой официальной похвалы. Через нее Бродский познакомился и с Надеждой Мандельштам, вдовой поэта, которая тогда писала свои ныне знаменитые воспоминания, и оказался в кругу ее самых близких, часто бывавших у нее друзей. Однако имеет ли в тоталитарном государстве право на существование незарегистрированный, а значит, не подлежащий контролю поэт? Арестовав его, обвинив в тунеядстве, власти постановили, что не имеет. В 1964 г. в Ленинграде прошел его процесс, который останется в летописях русской литературы. Между судьей Савельевой и подсудимым развернулся следующий диалог:

Судья: А вообще какая ваша специальность?
Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.
Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?
Бродский: Никто. (Без вызова). А кто причислил меня к роду человеческому?
Судья: А вы учились этому?
Бродский: Чему?
Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...
Бродский: Я не думал, что это дается образованием.
Судья: А чем же?
Бродский: Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Он был приговорен за «тунеядство» к пяти годам высылки. Из-за шума, поднявшегося за границей, его освободили через полтора года. Прошло немного лет, и в 1972 г. у него не было иного выхода, нежели эмигрировать в Америку.

Поэзия его — личная и философская, затрагивающая политику, только если там найдется тема, согласующаяся с его постоянным размышлением о человеке. Мы находим в ней сознательное стремление к очищению языка от официальной болтовни, направленной на то, чтобы заслонять правду. Если в ней появляются вопросы государства, то они показаны как часть печального и гротескного опыта человечества, с частыми отсылками к истории Греции, Персии, Китая, Рима. Вместо новой лексики возвращаются испытанные, недвусмысленные слова: империя, тиран, раб. Примером того, как справляется воображение Бродского с т.н. жизнью общества, может служить издевательская повесть-фантазия о неназванной античной империи — «Post aetatem nostram», несколько напоминающая «Quidam» Норвида, или стихотворение «Бюст» — о Тиберии.

Польский читатель наверное несколько удивляется, что международное признание выпало поэту, использующему традиционный стих, с рифмами и разделением на строфы, то есть не только не «авангардному», но еще и чрезвычайно трудному для перевода на иностранные языки. Изысканность Бродского в рифмовке, почти ужасающая, как бы игра в воздвижение себе препятствий, чтобы затем их преодолевать, составляла существенную черту этой поэзии-игры. В то же время ошибочно было бы называть его старомодным поэтом. На мой взгляд, следует принять во внимание два фактора. Польский язык не слишком хорошо себя чувствует в метрическом корсете, что связано с его постоянным ударением, поэтому переворот в версификации, совершившийся еще в межвоенное двадцатилетие,

можно сказать, отвечал его природе. Да и рифмы (не будем говорить о поэтах с исключительной изобретательностью в этом отношении, таких как Станислав Баранчак) часто производят в нем впечатление монотонности или сигнализируют, что поэт занимается стилизацией под стихи иной эпохи. Зато русский язык с изменчивым и притом сильным, по преимуществу ямбическим ударением, кажется, по своей природе стремится к метрическому стихосложению. Выдающиеся русские модернисты не писали «свободным стихом» — наоборот, избыток зачастую смелых метафор они затягивали в корсет строфы.

В Польше после Второй Мировой войны произошел почти полный разрыв с поэтикой «Скамандра», и даже безупречно традиционный Леопольд Стафф выбрал в старости новую поэтику, как говорят, под влиянием Тадеуша Ружевича и nota bene написал некоторые из лучших стихотворений своего обширного наследия. Этот формальный переворот шел рука об руку с отходом от некоторого рода риторики, т.е. польская поэзия после войны продолжает спор со «Скамандром», начатый в межвоенное двадцатилетие. Иначе было в России. Как говорил мне сам Бродский, опустошение времен сталинизма было таким фундаментальным, что прежде всего следовало обрести непрерывность, то есть начинать там, где закончили Ахматова, Мандельштам, Цветаева. Открывалась новая область исследования, у Бродского — путем введения драматических форм, то есть голосов отчетливо самосущего лица, монологов и диалогов. Во многих своих стихах Бродский остается автобиографическим лириком подобно своим предшественникам, в других отстраняется от себя — например «К Ликомеду, на Скирос» («По дороге на Скирос»), «Одиссей Телемаку» или «Письма династии Минь» — либо превращает поэму в комедию-драму двух действующих лиц (в «Горбунове и Горчакове» — двух пациентов психиатрической больницы). Видное место приходится на стихи, субъект которых — путешественник-наблюдатель, скорее пилигрим XX века, чем турист: ссыльный под Архангельском, изгнанник и иммигрант в Америке, искатель своих европейских коней в Венеции, Риме, Лондоне, в парижском Люксембургском саду. Тон его, всегда узнаваемый, торжественен и одновременно насмешлив, с постоянными скачками от элегии и оды к сатире, с почти постоянным наличием сочувственной иронии.

В 1963 г. Бродский написал «Большую элегию Джону Донну»; в 1965-м — «На смерть Т.С.Элиота», заимствуя у Одена форму, использованную им в стихотворении на смерть Йейтса (1939). Эти стихи указывают на его родство по выбору с поэтами, пишущими по-английски. Джон Донн и другие «метафизические поэты» близки ему по причинам, изучение которых наверное открыло бы какое-то сходство положения сегодняшнего поэта и поэта эпохи барокко, когда «время вывихнуло сустав» (досл. пер. А.Аникста), как сказал Гамлет. Элиот, учитель нескольких поколений в Англии и Америке, перед концом своей жизни познал отлив славы. Никто, насколько мне известно, не написал стихов на его смерть, за исключением русского поэта, о чем следует задуматься. Что же касается У.Х.Одена, Бродский преклонялся перед ним как поэтом и человеком. В своем эссе «To Please a Shadow» («Поклониться тени», 1983) он прямо говорит, что научился писать по-английски, чтобы доставить удовольствие тени Одена. Из американских поэтов Бродский, пожалуй, выше всего ставит Роберта Фроста — за его умение маскировки: за добродушием этого якобы идиллика стоит отчаянный пессимизм.

Пишу это предисловие к книге друга и могу себе позволить некоторые весьма личные наблюдения. Важной чертой его характера — важной для его творческого пути — я считаю дерзость, ту самую, которая повелела ему, пятнадцатилетнему, выйти из класса и больше никогда в школу не возвращаться. Она означает крайнюю разборчивость при выборе идей, книг, людей, с которыми он общается. В то же время в нем множество смирения и способности восхищаться. Такое соединение создает у него сильное чувство иерархии, и не случайно в основе всех его суждений об искусстве мы находим убеждение в сильной его иерархичности, причем в двойном смысле. Каждый творческий акт — это акт исключения: одно принимает, другое отвергает. Так и художник должен быть безжалостным, отвергая направления, стили, произведения, которые он признал низшими. Похоже, что лишь человек, одаренный такой потребностью в разборчивости, мог устоять в стране и в эпоху соцреалистического многословия, хоть и заплатил изгнанием. Эта потребность затем уберегла его в Америке от прогрессивного штампа интеллектуальных кругов и позволила сохранить независимость, доказательство чему — презрительная трезвость его эссе.

С философской точки зрения, Бродский ведет войну с наследием Жан-Жака Руссо, то есть с верой во врожденную доброту человека, которая раскрылась бы во всей полноте, «если бы не». И всегда «если бы не», меняются только мнимые причины неисполнения. Русскую литературу Бродский считает отягощенной поисками — любой ценой — социального утешения, в чем на первом месте, конечно, Толстой. Прибавим, однако, от себя, что даже столь дорогой Бродскому Достоевский в «Братьях Карамазовых» не мог вынести своей безнадежности и искал спасения в группе подростков (скаутов? апостолов?), обращенных благородным Алешей. Достоевский повлиял на умственное развитие Бродского и прямо, и косвенно — через Льва Шестова, философа родом из Достоевского. Шестов был безжалостен в преследовании и высмеивании утешений, которые находят для себя недолговечные люди. Честность по отношению к себе, по его мнению, основана на отказе принимать оправдания удела человеческого, в высшей степени абсурдного и заслуживающего лишь нашего протеста. Не следует подчиняться так называемой природе вещей лишь потому, что она могущественна и стенку лбом не прошибешь. А тем более не следует питать иллюзию, что где-то и когда-то человек сумеет выйти за очерченные ею границы. Шестов, вероятно, повлиял на Бродского и как замечательный стилист. Этот, как он сам себя называл, mysologos, т.е. враг разума, писал хрустально ясной, логичной прозой. Быть может, парадоксалист Шестов наводит нас на след, когда мы хотим понять парадокс поэзии Бродского. Вот поэт классицистический или классицистически-барочный, иератический, возвышенный, дисциплинированный — но все эти эпитеты, если хотя бы часть их удается к нему применить, входят в противоречие с поэзией конца XX века. Ибо пророчество Ницше исполнилось и цивилизация вступила в стадию нигилизма, утрачивая понятие объективной истины, релятивизируя добро и зло, разлагая человеческий субъект на связки восприятий и рефлексий. Поэзия верно передает это состояние сознания, и сегодня можно говорить о нигилистической поэтике, необязательно со знаком минус, раз у нее столько защитников и исповедников. И тут вдруг — Бродский, со своим четким различением правды и лжи, добра и зла, со стихами, тематика которых взята из Ветхого Завета и Евангелия, из истории и поэзии Древней Греции и Древнего Рима. Совершенно как будто продолжается эпоха христианства, вскормленного также школьным Гомером и Вергилием, как будто не нарушено достоинство священных слов и оборотов речи. Как же объяснить это противоречие? Тем более что Бродский высоко ценит Сэмюэла Беккета, который так далеко, как никто, пошел в обнажении нашей человеческой судьбы, так что под его пером тщетность человеческих верований и чаяний явлена шутовством, клоунадой, преданной в добычу времени и смерти.

Как знать, не дает ли нам указания пьеса «Мрамор» (1984) — специфическим изгибом главного беккетовского мотива, то есть времени, которое ничего не разрешает и ничего не исполняет? У Беккета действие разворачивается в абстрактном, моно сказать, лабораторном пространстве. У Бродского действие происходит в Риме, античном, но со статистикой и компьютерами, простирающими свое тоталитарное господство на все земные страны. Введение Рима красноречиво. От Москвы — Третьего Рима у монаха Филофея до многочисленных русских писателей следующих веков развивается историографический миф государства, призванного править всем миром. Рим, особенно в русской поэзии (например у Мандельштама), представляет также миф цивилизации как геометрической гармонии. В Риме, как мы узнаём в начале пьесы, император Тиберий провел важную реформу. Было подсчитано, что численность заключенных в империи составляет 6,3% населения. Применив среднестатистическое, император снизил это число до 3% — зато пожизненно. Не за преступления, разумеется, а по жребию, чтобы было справедливо. Два героя пьесы, Туллий и Публий, никогда не выйдут из башни, в которой сидят, кстати в хороших, компьютерно рассчитанных условиях. Они могут читать книги и собирают мраморные бюсты поэтов. Мрамор классиков не совсем бесполезен, потому что им можно что-нибудь разбить; он послужит Туллию в подготовке хорошо обдуманного побега, успешного и тут же оказывающегося абсурдом: бежать дальше ближайшей улицы невозможно.

Беккет — наверное самый важный, с философской точки зрения, из западных писателей. Жалкая и комическая трагедия человеческой жизни разыгрывается у него на фоне существующей цивилизации, которая ни в чем не смягчает абсурда, пожирающего каждую личность по отдельности. За рамками Беккета остается вопрос, не благо ли всё-таки цивилизация, хоть какое-то, и не было бы ли

еще хуже без нее. Мне кажется, что различия между Беккетом и Бродским можно свести к одному: первого нисколько не интересует архитектура, второй на архитектуре Петербурга учился истории и, где бы он ни бывал, уделяет огромное внимание стенам, крышам, статуям, форме и душе городов, то есть человеческому времени, которое закрепилось в творениях рук человеческих. Уже то, что время может быть специфически человеческим, т.е. что в противоположность времени природы оно оставляет памятники индивидуального ума и воли, доставляет если не утешение (что ж это за бессмертие, если сам творец непременно умирает), то по крайней мере организационный принцип на месяцы и годы — от начала каждого проекта до исполнения. То же и с архитектурой языка, то есть поэзией. Принадлежать к хозяйству русской поэзии, как Бродский, значит вести неустанный диалог с предшественниками и обладать чувством долга — а долг и нигилизм рука об руку не ходят.

Сначала провозгласили культ искусства как заменителя религии, затем сама вековечность искусства подверглась осмеянию, и сейчас мы — на этой стадии. Nota bene, трудно понять, как соединяются сегодняшние обряды (выставки, музеи, министерства, стипендии и т.п.) с упадком веры в прочность его плодов. В эпоху Возрождения главное место художнику как тому, кто способен побеждать время (ars longa, vita brevis), было обеспечено. Что переменилось, если и тогда сам художник свою посмертную славу увидеть не мог? Неужели бессмертие души было необходимо как гарантия устойчивости эстетических ценностей? Что означало бы, если бы, стремясь к «чистой поэзии», Малларме, например, по-прежнему пользовался старинной привилегией, то есть эрозия происходила бы медленно и его взгляды атеиста не обладали достаточной силой против основ поэзии? И действительно, когда мы читаем его, или Бодлера, или русских поэтов начала нашего столетия, нас поражает старательная обработка стихов, как будто их материей был камень или металл и им предстояло жить долго — в противоположность поспешному, будто случайному, репортерству в стихотворениях последних десятилетий, причем на самых разных языках. Сжатость стиха у Бродского заставляет предполагать, что и он принадлежит к исповедникам и защитникам искусства, то есть тех, кто прикрывает отступление, — хотя не было бы целесообразно усматривать в этом эстетизм, раз в последнее время всё слишком усложнилось. Как и Мандельштама, Бродского можно назвать поэтом цивилизации, то есть обусловленностей, взаимозависимостей, связей, таких тесных, что никакая ампутация не совершается безнаказанно. Стихотворение «Остановка в пустыне» (1966) о сносе греческой церкви в Ленинграде — это элегия-протест против ампутаций, происходящих у него на родине.

Лев Шестов мог научить его безжалостности и крайности суждений, сосуществующим с укоренением в традиции. Суровый и резкий, словно иудейский пророк, Шестов вел споры с Платоном и Декартом, стоиками и средневековыми схоластиками так, будто речь шла о его современниках: три тысячи лет европейской цивилизации были для него территорией, по которой он передвигался свободно, как законный наследник великой семьи мыслителей, сформированных Библией и древнегреческой философией. Его главный труд называется «Афины и Иерусалим». Мне кажется, что наше общее уважение к Шестову, философу, который был и отчаявшимся, и набожным, особенно сближает меня с поэзией Бродского, так отличающейся от сегодняшней поэзии Запада своей надисторической историчностью.

Я склонен назвать Бродского метафизическим поэтом. Прежде всего в том смысле, в каком это определение применяется к английским поэтам XVII века. Они стояли перед лицом переворота в науке, перед «новой философией, которая всё подвергает сомнению», как писал Джон Донн, опережая в этом Декарта. Ответы на вопрос о гармонии вселенной, о человеческой душе, о смысле жизни и смерти перестали быть очевидными, их следовало искать в наново творимом хаосе, который изумлял своим разнообразием и богатством, призывая язык к скачкам между понятиями и образами, взятыми из разных областей познания. Язык этот уже многое заимствовал у эмпирических наук, отсюда, в частности, головоломная смелость сравнений и метафор в любовных и религиозных стихах. Быть может, тот факт, что лишь в нашем столетии эта смелость была оценена и имена «метафизических поэтов» получили известность, указывает на некоторое их родство с нами. После периода оптимистического рационализма опять несмирившийся, то есть продолжающий погоню за ответом, поэт, такой как Бродский, вынужден помериться силами с языком, который разросся в силу развития наук, с языком

физики, психологии, биологии и т.п. Иначе говоря, в своей встрече с ощутимой действительностью и с тем разрушением, которое вводит «время (...) мысль о вещи», такой поэт сознаёт, что многие до сих пор существовавшие понятия опадают, как шелушащаяся краска, и что его стих втягивается в новые языковые пространства.

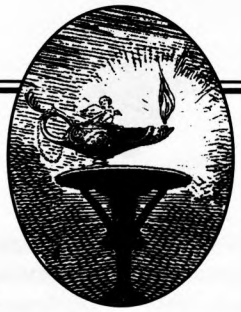
Если бы мне пришлось исследовать этот аспект поэзии Бродского, я выбрал бы прежде всего три стихотворения: «Разговор с небожителем» (1970), «Бабочка» (1972) и «Муха» (восьмидесятые). Их графическое построение напоминает строфы барокко, кроме того все эти три лирические оды вводят дистанцию и условную «искусственность», раз ни бабочка, ни муха не сознают, что кто-то к ним обращается, а небожитель если и слышит, то не сообщит нам, чт*о* думает. Такие стихи, обращенные в предметам, животным или невидимым силам, обладают своим почтенным литературным прошлым (например, Кохановский обращался к липе или Музам), то есть не делают вид, что они творения культуры. Вместе с тем, однако, сознание говорящего поражено небытием («И вкус во рту от жизни в этом мире, / как будто наследил в чужой квартире / и вышел прочь», «И будильник так тикает в тишине, / точно дом через десять минут взорвется») и превращает конвенциональную форму в проникновенную ламентацию, придает ей возвышенность (le sublime) весьма сегодняшнего борения с отсутствием твердой почвы для бытия.

Отнюдь не забываю, что Бродский — русский и патриот, страдающий над несчастьями своей страны. Появление такого поэта после десятилетий производившихся там ампутаций и опустошений не может не поражать и одновременно должно преисполнять оптимизмом. Признаюсь, что для меня Бродский неожиданен не только как свободный человек среди слуг тирании, но еще более по причине постыдной болезни, тянущей русскую культуру вниз, — ***смази***, сочащейся там из уличных громкоговорителей и поглядывающей портретами вождей.

Несмотря на некоторое число стихотворений, продиктованных нравственным сопротивлением, например о военном положении в Польше и о вторжении в Афганистан, Бродский, как я уже сказал, не занимается политикой и вполне оправдывает надежды Александра Вата, который считал, что лучший путь для русских писателей — «оторваться от противника». Тем самым, рассуждал он, они укрепят зону существующего, вместо того чтобы позволить идеологам затянуть себя в их зону небытия. Для Бродского лживость строя попросту слишком очевидна; огромный карточный домик может простоять так долго, как долго на него будут обращать внимание. А Бродский заботится о том, чтобы не пользоваться словами, которые оснащены возвышенными идеологическими значениями. Разве не помнят старые петербуржцы, что мифологизированная впоследствии революция была по сути дела путчем, ни в чем не напоминающим грозных сцен из кинофильма Эйзенштейна? Тем не менее особое знание и особый опыт можно приобрести именно там, где последствия этой октябрьской ночи изменили судьбу миллионов людей. И всё-таки Бродский, так, казалось бы, пришедшийся ко двору в кругу американских поэтов, обладает перевесом над западными коллегами в исходной точке. Быть может умение отделять важное от менее важного, то есть устанавливать иерархию, появляется не прежде, чем ясное сознание охватит сегодняшнее состояние планеты как целого.

Необычайный писатель, международный, но приносящий славу русской поэзии. И необычайная моральная притча, исполнившаяся в сравнительно короткое время. Он возил навоз под Архангельском, а 22 года спустя получал в Стокгольме Нобелевскую премию. Но польские поэты знали его, ценили и переводили почти с самого начала его литературной деятельности, и нынешний сборник возник не как эхо нобелевской славы, но как дар настоящей дружбы.

Copyright © 1988 by The Czeslaw Milosz Estate. All rights reserved.



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Триумф романа! В этом году литературной премии «Нике» удостоен роман Иоанны Батор «Темно, почти ночь» (издательство W.A.B.), героиня которого, репортер Алиция Табор, возвращается в родной Валбжих, чтобы разгадать тайну исчезновения нескольких детей. Лауреата уже дважды выдвигали на «Нике» — за романы «Песчаная гора» и «Хмурдалия». По мнению Юстины Соболевской («Политика»), за них-то писательница и должна была бы получить премию: «Это особенно досадно, ведь речь идет о значительнейших польских романах последних лет. А сейчас отмечена книга менее весомая. В «Темно, почти ночь» Батор уходит в жанр ужаса и триллера, чтобы рассказать о польских горестях и раздорах, о смоленском безумии, ненависти и агрессии». Некоторые элементы, однако, не убеждают, замечает (и резонно) Соболевская. Например, избыток телесных и душевных ран. «Оказывается, что почти каждый персонаж был или изнасилован, или физически либо психологически травмирован, или состоял в кровосмесительной связи, или просто сумасшедший. Появляются немец, цыган, еврей и дамочка, которая ранее была мужчиной. Нагнетание сюжетной занимательности и избыток социальности ослабляют самое сильное в книге — портрет Польши. Он кажется неоригинальным, слишком грубым наброском. Очень сильное впечатление оставляют записи на интернет-форумах, иногда даже слишком подлинные».

В финале «Нике» в нынешнем году было четыре романа: кроме книги-победителя — «Ночь живых евреев» Игоря Остаховича, «Смотри на меня, Клара» Каи Маляновской и «Морфий» Щепана Твардоха. Последняя одержала победу в сопутствующем премиальному конкурсу плебисците читателей «Газеты выборчей».

» В восьмой раз присуждена Центральноевропейская литературная премии «Ангелус», учрежденная городом Вроцлавом. Лауреатами стали украинская писательница Оксана Забужко, автор романа «Музей заброшенных секретов» (издательство W.A.B.), и переводчица книги Катажина Котынская.

— В этом году мы решили отметить книгу необычную, в которой переплетаются история и сегодняшний день, реальность и магия, любовь, измена и смерть, — объяснила решение жюри его председатель Наталья Горбаневская.

Главная героиня книги Дарина, журналистка киевского телевидения, переживает счастливый роман с антикваром родом из Львова. В их love story врывается история — старой фотографией, на которой среди солдат УПА запечатлена женщина кинематографической красоты.

Украинская писательница, эссеист и поэт, автор, в частности, изданных ранее в Польше романа «Полевые исследования украинского секса» и сборника рассказов «Сестра, сестра», Оксана Забужко получила 19 октября во Вроцлаве статуэтку и 150 тыс. злотых; премия переводчице составила 20 тыс. злотых.

Кроме произведения-победителя, в финале конкурса было шесть книг: «Дневник» Ежи Пильха (издательство «Велька литера»), «Морфий» Щепана Твардоха («Выдавництво литерацке»), «Время ночь» Людмилы Петрушевской (издательство «Чарне»), «В чаще метрополии» Карла-Маркуса Гаусса («Чарне»), «Грохув» Анджея Стасюка («Чарне») и «Дом под Лютней» Казимежа Орлося («Выдавництво литерацке»).

» Во время Международного фестиваля детектива во Вроцлаве была присуждена премия «Крупный калибр» за лучший польский детективный роман, изданный в 2012 году. Премия была вручена 12 октября Марте Гузовской за книгу «Жертва Поликсены». Это романный дебют автора, по профессии археолога, сотрудника Института археологии Варшавского университета. Читательскую премию «Крупный калибр» получил Мартин Вронский, автор романа «Крылатый гроб».

» Жюри премии Костельских, присуждаемой молодым польским авторам, живущим в стране или в эмиграции, в этом году предпочло поэзию. Кристина Домбровская, автор книги поэзии «Белые стулья», получила премию Фонда Костельских 12 октября во Дворце Костельских — ныне гимназии имени Юлиуша Словацкого в Милославе (Великопольское воеводство). В обосновании решения жюри подчеркивается, что Кристина Домбровская (род. 1979) — поэт, переводчик, критик, выпускница факультета графики Варшавской академии изящных искусств — создает «поэзию, чуткую к мимолетным аспектам нашей повседневности, с интенсивно переживаемыми чувствами и эмоциями, точно подмечающую в нашем бытии всё недосказанное, замалчиваемое — его сокровенные смыслы, которые трудно отыскать и выразить».

Премия присуждается с 1962 г. Фондом имени Костельских, расположенным в Женеве. В числе лауреатов — крупнейшие польские прозаики, поэты и литературные критики, например Славомир Мрожек, Збигнев Херберт, Зигмунт Кубяк, Густав Герлинг-Грудзинский, Станислав Баранчак, Адам Михник, Анджей Стасюк, Ольга Токарчук.

» Премия Союза польских писателей за рубежом имени Влады Маевской за лучшую книгу 2012 г. присуждена живущему в Париже Войцеху Карпинскому за сборник «Лица» («Зешиты литерацке»). Автор начертал в ней портреты Гедройца, Чапского, Стемповского, Милоша, Герца, Херберта, Мыцельского, представил также собственную «частную историю свободы», которую он обретал в контактах с этими выдающимися личностями.

» Сборник репортажей Войцеха Гурецкого «Абхазия» (издательство «Чарне») получил в нынешнем году премию имени Беаты Павляк, присуждаемую лучшим текстам об иных культурах, религиях и цивилизациях. Этой книгой репортер завершил свой кавказский триптих, начатый «Планетой Кавказ» (2002) и «Тостом за предков» (2011), выдвигавшимся на литературную премию «Нике» и премию имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. «Абхазия — это квинтэссенция Кавказа. И страдает неизлечимой кавказской болезнью: здесь каждый народ должен быть самым древним, самым героическим, самым гостеприимным, а одновременно наиболее обиженным. На Кавказе сто народов на несколько сот квадратных километров. Абхазия всё еще чувствует свою связь с античностью, с Грецией, там сохранились некоторые языческие верования и обычаи, которых не удалось искоренить ни христианству, ни исламу», — говорил Гурецкий 14 октября, принимая премию.

Беата Павляк, журналист и писатель, связанная с «Газетой выборчей», в октябре 2002 г. погибла при террористическом акте на индонезийском острове Бали.

» Польский фильм «Ида» режиссера Павла Павликовского получил главную премию XXIX Варшавского кинофестиваля (11-20 октября) — «за поразительное единство сценария, режиссуры, операторской работы, актерской игры и музыки, результатом чего стал прекрасный, тонкий фильм, представляющий польское послевоенное общество 60-х годов, сражающееся с собственными демонами», как отмечено в вердикте жюри. Действие «Иды» разворачивается в начале 1960-х. Анна, молодая послушница, сирота, выросшая в монастыре (экранный дебют Агаты Тшебуховской), перед принятием пострига знакомится с прокурором Вандой Груз (Агата Кулеша), единственной своей живой родственницей. От Ванды девушка узнает, что она еврейка и что ее настоящее имя Ида Лебенстейн. Узнает также и трагическую судьбу своих родителей, убитых во время войны. Столкновение со страшным прошлым становится для будущей монахини испытанием веры.

В международном конкурсе фестиваля были отмечены премиями создатель эстонско-грузинского фильма «Мандарины» Заза Урушадзе (за режиссуру) и Ульяна Ким и Роберт Виновскис, продюсеры литовско-латвийского фильма «Игроки» режиссера Игнаса Йонинаса (специальный приз жюри). Рассказывающий о жестокости войны фильм «Мандарины» получил также премию публики. «Осень в Абхазии прекрасна — лесистые горы, море, в садах созревают мандарины. Но осень 1992 года иная. Абхазия борется за отделение от Грузии. Идет война. Люди бегут. В одной из деревень остаются только два жителя, нейтральные эстонцы.

Маркус не бежит, потому что хочет собрать мандарины в саду, хотя Иво, его сосед, считает, что во время войны не до урожая. А тем временем военные действия всё ближе подбираются к их порогу», — таким анонсом снабдили «Мандарины» организаторы фестиваля.

Варшавский кинофестиваль, по мнению специалистов кинематографии, — это одно из полутора десятков важнейших такого рода мероприятий в мире наряду, например, с Каннским, Берлинским, Венецианским.

» Поляки штурмуют кинотеатры! Фильм Анджея Вайды «Валенса. Человек из надежды», вышедший на экраны 4 октября, за первые две недели посмотрели свыше 400 тыс. зрителей. Кинобиография вождя «Солидарности» создана на основе сценария Януша Гловацкого. Оператор Павел Эдельман.

Создатели хотели, чтобы рассказ получился ясным, хронологическим, понятным, в том числе для зарубежного зрителя, что удалось, судя по приглашениям более чем на 90 фестивалей.

Лех Валенса показан как человек, который изменил историю, но также и в частной жизни — как муж и отец. «Вопреки опасениям, — написал в «Политике» Здислав Петрасик, — «Валенса. Человек из надежды» не оказался памятником из целлулоида. Это человек из крови и плоти, герой нашего времени. Именно такого Валенсу гениально сыграл Роберт Венцкевич. Без него этого фильма не было бы. А что экранный образ не очень нравится самому Валенсе — это только хорошо говорит о роли». Венцкевич уже получил за нее премию «Серебряный Хьюго» как лучший актер на 49-м международном кинофестивале в Чикаго. «Венцкевич достигает уровня полного симбиоза между актерской игрой и истолкованием выдающейся личности», — отметило жюри.

Фильм Вайды стал польским кандидатом на «Оскара» в конкурсе неанглоязычных фильмов. Получит ли картина награду Американской киноакадемии, станет известно 16 января 2014 года.

» С 12 по 19 октября в Люблине прошли 18-е «Театральные встречи». Мероприятие проводилось под девизом «Забудь о театре», что означало обращение к экспериментальным решениям. Показывали себя перформеры, независимые театры, а также репертуарные театры, отличающиеся новаторской программой. Наряду с польскими, выступили коллективы из Германии, Хорватии, Словении.

Новейший свой спектакль «Зеркало» показала «Пластическая сцена ЛКУ [Люблинского католического университета]» — авторский театр Лешека Мондзика. Представление выросло из увлеченности творчеством и личностью Бруно Шульца. «Театр Восьмого дня» из Познани показал спектакль «К власти великой и справедливой», своего рода комментарий по поводу демократии и материального достатка. Драматический театр имени Шанявского из Валбжиха привез спектакль «О добре», разоблачающий механизмы неолиберальной экономики, в которой место солидарности занимают эгоцентризм и борьба за успех.

Во время торжественного открытия фестиваля была вручена премия имени проф. Збигнева Холды, присуждаемая за особые заслуги в деле защиты прав человека и деятельность в пользу отчужденных лиц. Премию получила проф. Халина Бортновская — философ, богослов, публицист, в 2007-2012 гг. председатель совета Хельсинского фонда прав человека, а ныне член совета фонда.

» Свои ежегодные премии присудил журнал «Театр». Премию им. Конрада Свинарского получил Павел Пассини за режиссуру спектакля «Моррисон/Смертисын» (по Артуру Палыге) в Опольском театре куклы и актера. Премии им. Александра Зельверовича присуждены Кристине Янде за роль в спектакле «Данута В.» в постановке Януша Заорского, а также Лукаш Левандовский за роль Кочкарева в «Женитьбе» Гоголя в режиссуре Ивана Вырыпаева. Специальной премией отмечен выдающийся переводчик, литературный критик и писатель Яцек Станислав Бурас.

» К открытию нового сезона в Большом театре — Национальной опере меломаны получили новую редакцию ранней оперы Кшиштофа Пендерецкого «Луденские бесы» в постановке британского режиссера Кейта Варнера со сценографией Бориса Кудлички. «В свое время «Луденские бесы» были поставлены почти что на 40 сценах по всему миру, — пишет в «Политике» Дорота Шварцман. — Но постановка требует огромного оркестра,

и в нынешние экономные времена композитора попросили сократить состав. Последний же усмотрел в этом прекрасный повод несколько переделать сочинение. Создал новую инструментовку (сохранив колорит), исключил некоторые фрагменты, а некоторые написал заново. Произведение сохранилось как целое, но несколько изменило характер: стало менее хищным, а главный герой, священник Урбан Грандье, обрел склонность к рефлексии». Себастьян Смолинский, рецензент «Культуры либеральной», также понимает нынешние практические проблемы, однако заметил, что авторские коррективы отобрали у произведения «много страсти и огня», а уменьшенный состав и многочисленные попытки упрощений привели к тому, что «неповторимый, полный ужаса стержень драматической истории был бездушно надломлен».

«Луденские бесы» Пендерецкого (по либретто, основанному на истории одержимости и экзорцизма в монастыре урусулинок в Лудене в XVII веке во Франции) в первый раз были показаны в Гамбурге в 1969 г. в постановке Конрада Свинарского.

» Необычную выставку подготовил Еврейский исторический институт им. Эммануэля Рингельблюма в Варшаве — «Чуждые и неприятные. Антисемитские рисунки в польской прессе. 1919-1939». На выставке представлено свыше 300 работ, опубликованных в межвоенный период. Это по преимуществу карикатуры, сопровождавшие антисемитские статьи, печатавшиеся, в частности, в «Курьере познанском», «Дзеннике быдгощском», «Вечере варшавском», «Просто з мосту», «Мухе», «Шабес-Курьере». Многие авторы подписывали свои рисунки, в том числе известные профессиональные художники (например Ежи Заруба, Ежи Сроковский, Майя Березовская), а некоторые предпочитали анонимность, скрываясь за монограммами и псевдонимами.

«Язык превосходства, пренебрежения и ненависти, выражением которого являются собранные на выставке объекты, — пишут организаторы, — звучит и сегодня, хотя и в иной форме. Проявления враждебных эмоций видны в крайних антагонистических идеологиях, которые, похоже, набирают силу. Тем более необходимо напомнить, что то, что казалось в карикатурных рисунках лишь шуткой и символическим насилием, необычайно трагически усиливалось, порождая предубеждения и расовые стереотипы».

Выставка работает до 31 января 2014.

» Большим успехом на аукционах по-прежнему пользуются картины Яцека Мальчевского. Его «Автопортрет с цветком чертополоха» (1911) продан 13 октября аукционным домом «Агра-Арт» в Варшаве за 920 тыс. злотых. Много, но не рекорд. В 2000 г. картина Мальчевского «Полония. Прощания Орфея с Эвридикой» была продана за 1,6 млн. злотых.

» В Варшаве на Краковском предместье недалеко от храма сестер-визитанток торжественно открыта скамья свящ. Яна Твардовского. На нее можно присесть, нажать на клавишу и послушать стихи, которые читает сам автор. На скамье надпись из стихов священника-поэта «Я не пришел вас обращать». Создал скамью-скульптуру Войцех Грыневич, автор, в частности, скамьи Юлиана Тувима, памятника жертвам коммунизма в Лодзи, скульптуры «Возлюбленные», посвященной Агнешке Осецкой, на Каменной улице, памятника Яну Новаку-Езёранскому в Варшаве.

О. Ян Твардовский (1915-2006) с 1959 г. до дня смерти был настоятелем церкви сестер-визитанток, жил на территории визитантского монастыря. Скамья о. Твардовского, как подчеркнул варшавский митрополит кардинал Казимеж Ныч, — это увековеченье великого поэта, проповедника и необычайного человека.

» 27 октября исполнилось 100 лет со дня рождения Анджея Бобковского (1913-1961), одного из крупнейших писателей польской эмиграции, автора знаменитых «Набросков пером», сотрудника «Культуры» Ежи Гедройца. Бобковский, проживший неполных 48 лет, навсегда останется для читателей молодым — колесящим на велосипеде по оккупированной Франции, строящим модели самолетов в далекой Гватемале, индивидуалистом и бунтарем. В одном из писем он писал: «Свободный человек, мыслитель, писатель и поэт, действительно свободный, который хочет быть свободным, будет до конца этого мира отчасти хулиганом».

«Анджей Бобковский — хулиган свободы» — так называется выставка, показанная в

сентябре и октябре сначала в Лодзи, а затем в Кракове. Авторы концепции, Агнешка Митковская и Иоанна Подольская, посвятили выставку памяти безвременно умершего в 2012 г. Марека Кравчика, председателя Общества попечительства над архивом «Института литерацкого» в Париже.

В Кракове 28-29 октября прошла также научная конференция «Анджей Бобковский многократно. К 100-летию писателя».

Прощания

» 7 октября в возрасте 81 года в Варшаве умерла Иоанна Хмелевская. Архитектор по образованию, она была одним из самых популярных современных польских писателей, автором 42 книг прозы, преимущественно детективных романов со специфичным колоритом — исполненных юмора, комизма, с элементами гротеска. Наиболее значительными в ее наследии читатели и критики считают романы «Лесь», «Что сказал покойник», «Всё красное». Общий тираж произведений Иоанны Хмелевской превысил в Польше 5 млн. экземпляров, а в России — 8 миллионов. Все ее романы неоднократно переиздавались, некоторые были экранизированы для телевидения и кинематографа, как, например, «Клин клином», по которому снят знаменитый фильм «Лекарство от любви» с Калиной Ендрусик и Анджеем Лапицким в главных ролях.

» 9 октября в Варшаве умер Эдмунд Низюрский — писатель, классик детской литературы, автор «Книги о сорванцах», «Средства от Алкивиада», «Невероятных приключений Марека Пегуса», «Седьмого посвящения», «Клуба непосед». Ему было 88 лет. Его романы с динамичной, преимущественно авантюрной фабулой отличает характерный, отчасти абсурдистский юмор. «Книгу о сорванцах» критик Михал Комар назвал единственным уцелевшим романом соцреализма. В 1978 г. ему было присуждено отличие ЮНЕСКО им. Ганса Христиана Андерсена. Для взрослых читателей Низюрский написал такие романы, как «Пристань Эскулапа», «Пять манекенов», «Салон-вытрезвитель». Его произведения переведены на множество языков, даже на китайский.

Каролина Ястшембская

ФЕСТИВАЛЬ В ТЕШИНЕ

«Чешский фильм» — это когда не совсем понятно, в чем дело, каждая сцена усиливает ощущение абсурда, но в общем и целом — смешно. Этот фразеологизм, функционирующий в польском языке уже несколько десятилетий, — скорее всего, первое, что приходит полякам в голову, когда речь заходит о чешском кинематографе. Кроме того, вероятно, возникает чувство легкой зависти: тому, как чехи умеют без лишнего пафоса рассказывать истории, их умению взглянуть на себя со стороны и ценной во все времена самоиронии можно только позавидовать. Трудно избежать обобщений, но нельзя требовать от каждого, даже самого ревностного, польского зрителя осведомленности обо всем, что было снято в Чехии. Можно смело утверждать, что у нас известны фильмы Яна Гржебейка, Яна Сверака или Давида Ондржичека, а также классика чешской «новой волны» 1960-х — картины Формана, Хитиловой, Пассера, Менцеля. Всего лишь — или так много. Поляки интересуются чешским кино, доказательством тому может служить хотя бы серия дисков, посвященная исключительно чешскому игровому кино, которую несколько лет назад выпустила одна из польских газет. Как проявление этой заинтересованности можно рассматривать также тешинский кинофестиваль «Кино на границе».

Отношения между Польшей и Чехией нельзя назвать ровными, в них случаются периоды равнодушия, но бывают и моменты, когда поляки с восторгом обращаются к чешской культуре — в качестве примера достаточно привести не угасающую с 1930-х популярность «Приключений бравого солдата Швейка» Гашека, прозы Чапека или, позднее, Грабала.

Однако не только кино и литература привлекают внимание польской публики. Здесь уважали и очень ценили Вацлава Гавела, не случайно во время очередных президентских выборов в ходе запутанной предвыборной кампании появился иронический слоган «Гавела на Вавель».

В начале мая в Польше один праздник следует за другим — наступают «длинные выходные». Поляки массово уезжают из города или жарят шашлыки в своих садах. Автотрассы забиты. А тем временем в Тешине проходит кинофестиваль «Кино на границе». Его организаторы предлагают провести эти майские дни в кинозале и не торопясь посмотреть чешское, польское, словацкое, а также венгерское кино. В этом году — уже в 15-й раз.

Начиналось все, как это обычно бывает, довольно скромно. Впервые фестиваль «Кино на границе» прошел в конце 1990-х. В Тешине, городе наполовину польском, наполовину чешском, были показаны 11 чешских картин, поделенных на три тематических блока: «Иржи Менцель в Тешине», «Кино 60-х» и «Хиты последних лет». Упор был сделан на классику — фильмы Милоша Формана, Ивана Пассера, Веры Хитиловой, плюс две новинки. Фестиваль прошел в небольшом кинотеатре «Пяст» в польской части города. Для сравнения — программа последнего фестиваля насчитывала около 120 фильмов, то есть расширилась более чем в десять раз. К ней добавились концерты и выставки. Гости фестиваля могли свободно перемещаться между двумя кинотеатрами, театром и клубом фестиваля, расположенными по обе стороны границы.

Здесь уместен был бы вопрос: что происходило между 1999 и 2013 годами? Довольно скоро фестиваль перестал ограничиваться только чешской кинематографией, расширяя географию. К программе добавилась «венгерская нота», а сам фестиваль превратился в событие по-настоящему международное. Без изменений остался, однако, принцип деления фильмов на тематические и жанровые блоки. Были показаны ретроспективы нескольких признанных мастеров центральноевропейского кино — режиссеров, сценаристов, операторов, актеров. Среди них — Войтех Ясный, Агнешка Холланд, Эло Гаветта, Юрай Якубишко, Карел Кахиня, Леон Немчик, Франтишек Печка. В блоки объединялись фильмы игровые, документальные, музыкальные, мультипликационные или, например, триллеры. С другой стороны, формировались тематические секции: «Воспоминание и забвение», «О

спиртных напитках и пьющих», «Интимная жизнь чехов (на экране)» или даже «Сцены из жизни официантов». В каждом сезоне, в том числе и в нынешнем, Тешин представлял зрителям новинки чешского, словацкого, польского, венгерского кинопроката. Важно, что эти фильмы как правило ранее не попадали на экраны кинотеатров соседних стран. Поэтому приезд в Тешин всегда давал уникальную возможность одновременно «очутиться в кинотеатрах» Праги, Будапешта, Братиславы и Варшавы и присмотреться к тому, как развивается и к чему тяготеет современный центральноевропейский кинематограф.

Но «Кино на границе» — это не только фильмы, это еще и ряд культурных событий, сопровождающих основные показы фестиваля. *«Начиная с 1999 г. фестиваль стал местом встречи чешских, словацких и польских кинематографистов. Поэтому естественно, что со временем появилась потребность в более официальной платформе для этих встреч, результатом чего стали «Встречи на границе», прошедшие впервые в 2009 году,* — рассказывает Иоланта Дыгось, директор и идеолог фестиваля. — *Изначально мы были ориентированы только на продюсеров и дистрибьюторов из Польши, Чехии и Словакии, но, когда в программе появилось венгерское кино, мы стали приглашать и венгерских коллег».* Во «Встречах на границе», которые уже в пятый раз проходят в рамках майского фестиваля, принимают участие профессионалы киноиндустрии — те, кто отвечает за формирование программ кинофестивалей Центральной Европы, и те, кто непосредственно влияет на создание, прокат и дистрибуцию в этом регионе. Специально для них устраиваются отдельные, часто еще до официальной премьеры, показы новых и еще не законченных картин, создатели которых стремятся найти сопродюсера в странах Вышеградской группы. «Встречи на границе» стали постоянным пунктом программы фестиваля, а сам фестиваль начиная с 2009 г. уже не только популяризует польский, чешский, словацкий и венгерский кинематограф, но и оказывает непосредственное влияние на его развитие.

«Граница на Ользе до сих пор ассоциировалась у меня с мамой и тетей, которые в условленный день приходили на берег по разным сторонам и кричали друг другу, как дела у родни. Я хочу это изменить», — призналась в 2009 г. Иоланта Дыгось. Ользa по-польски или Олше по-чешски — это одна и та же река, она делит город надвое и по ней проходит государственная граница. Организаторы тешинского «Кино на границе» создали вокруг нее конгломерат совершенно новых, «кинематографических» ассоциаций, практически буквально строя «кинотеатр на границе». *«Это не очень широкая река, а на чешском берегу есть ступеньки, на которых сидят зрители. Само пространство располагало к этому»,* — добавляет Мацей Гиль, программный директор КНГ. Во время 11-го фестиваля публика впервые сидела на чешском берегу. На экране соответствующего размера, установленном на польском берегу, в пятничный вечер показывали фильм совместного словацко-немецкого производства «Музыка» Юрая Нвоты (2007), а на следующий день — чешскую картину «Сторож №47» Филиппа Реча (2008). Так родилась продолжающаяся до сих пор традиция трансграничных кинопоказов, пользующаяся популярностью у гостей фестиваля. В этом году показы под открытым небом стали выглядеть иначе, но к этому мы еще вернемся.

С годами тешинский кинофестиваль становился более зрелым, обрастал новыми мероприятиями и циклами, сохраняя при этом свой камерный характер. Нешуточные, хотя и очень банальные, сложности появились в 2012 году. *«Мы всерьез думаем, что нынешний, 14-й фестиваль станет последним»,* — сказала тогда Иоланта Дыгось. Причиной тому были финансовые проблемы. Немаловажную роль в развитии фестиваля сыграло финансирование из средств Евросоюза, которое закончилось в 2012 году. Создатели оказались перед выбором: либо резко сократить количество показываемых фильмов, вернувшись, таким образом, к той первоначальной форме, которую фестиваль имел в 90-х годах, либо закончить фестиваль, либо искать иные источники финансирования и готовиться к следующему году. Решение было принято тогда же. *«Первого мы не хотим, второе для нас просто непредставимо, так что оставался только третий вариант. И в этом направлении мы стали работать».* Уже тогда, несмотря на неясное будущее фестиваля, были сделаны первые программные анонсы на 2013 год, в том числе было объявлено, что планируется секция центральноевропейских музыкальных фильмов, ретроспектива словацкого режиссера Петера Солана и продолжение блока «Границы и стены мира».

И действительно, анонсами дело не закончилось. Спустя несколько месяцев в реальном и виртуальном пространстве появились плакаты 15-го «Кино на границе» — комбинации простых знаков, расположенных четырьмя рядами и четырьмя столбцами на белом фоне: круги, треугольники, прямые и волнообразные линии. *«Фестиваль, показывающий польские, чешские, словацкие и венгерские фильмы, направлен «через реку» на все четыре стороны света. Одна буква — как фильм на экране и за ним, отраженный в реке, — рождает 4 формы, 4 взгляда на кино, 4 направления. Так получается уникальный алфавит. Посмотрим, как его расшифруют участники»,* — объясняет Богдан Геблик, автор художественного оформления фестиваля этого года. Идея этого простого по форме, но небанального по содержанию плаката вытекает из специфики топографии Тешина и Чешского Тешина — совершенно независимых друг от друга, но одновременно тесно взаимосвязанных между собой городов, а также уникального трансграничного характера «Кино на границе».

Так выглядел дизайн 15-го фестиваля. Что было в его программе? В нее вошло более ста фильмов. Появились все объявленные организаторами секции, в том числе секция, посвященная Петеру Солану, классику словацкого кинематографа, одному из создателей словацкой «новой волны» 1960-х, которого последовательно задавливала коммунистическая власть. Он снимал документальные картины, например представленные на фестивале «Гроза» (1968) или «Только письмо полевой почты» (1977). Однако большинство его работ относится к игровому кино, их больше и в программе КНГ. Самый известный из них — «Боксер и смерть» (1962), психологическая драма, построенная вокруг неровных отношений двух героев — коменданта концлагеря и его спарринг-партнера, заключенного. В контексте «Кино на границе» важно отметить тот факт, что в основу сценария фильма положен рассказ польского прозаика Юзефа Хена. Чешский кинематограф в Тешине представлял семейный дуэт — оператор Мирослав Ондржичек и его сын, режиссер, сценарист и продюсер Давид Ондржичек. Мирослав снимал как в Чехии, так и за границей, тесно сотрудничал с Милошем Форманом, в том числе на съемках фильмов «Бал пожарных» (1967), «Hair» (1979) или кинопортрета «Амадеус» (1984). Он работал с такими всемирно известными режиссерами, как Линдсей Андерсон, Жан-Луи Ришар, Пенни Маршалл. На его счету более двухсот картин. Шесть из них были показаны в этом году в рамках «Кино на границе».

Примерно столько же показов было запланировано для фильмов Давида Ондржичека, который приехал на фестиваль. «В тени», детектив с элементами исторического кино (действие происходит на фоне проведенной в Чехословакии в 1953 г. денежной реформы), снятый режиссером в 2012 г., открывал 15-й фестиваль. Стоит добавить, что эта картина была представлена Чехией в качестве кандидата на «Оскара». Встреча с Ондржичеком, а также оператором фильма, поляком Адамом Сикорой, завершила первый показ фестиваля в этом году. В программе было также уделено место творчеству Ежи Штура, польского актера театра и кино, а кроме того, режиссера и сценариста. В немалой степени благодаря его ролям в Польше стали культовыми такие фильмы, как «Секс-миссия» (реж. Юлиуш Махульский, 1983) или «Распорядитель бала» (реж. Феликс Фальк, 1978). Помимо обязательной классики в программе по традиции были представлены и новинки минувшего сезона. В этом году их было целых 48, в том числе словацкая картина «Ангелы» Роберта Шведы, «Два ноль» чеха Павла Абрахама и вызвавший широкий резонанс фильм «Последствия» Владислава Пасиковского. Сохранился и «венгерский акцент».

В этом сезоне организаторы впервые отказались от эффектных, но дорогостоящих трансграничных проекций на реке, что в условиях сложной финансовой ситуации совершенно понятно. Правда, планировались показы под открытым небом на тешинском Замковом холме, но из-за плохой погоды они состоялись в чешском кинотеатре «Централ». Ольза-Олша обыгрывалась в другой форме — она дала название циклу «Река», в рамках которого были показаны чешские и польские фильмы, в которых действие происходит на фоне реки, реки выполняют роль тихого наблюдателя или, наоборот, становятся центром событий. Жанровое кино было представлено центральноевропейскими музыкальными лентами. В третьем цикле, названном «Границы и стены мира», были собраны картины из совсем других уголков планеты — документальные и мультипликационные фильмы, с разных точек зрения освещающие израильско-палестинский конфликт. Любопытно, что этот цикл, тематически

основанный на локальной географии пограничного фестиваля, в то же время позволил выйти далеко за рамки центральноевропейского пространства. Он свидетельствует, что организаторы готовы к дальнейшему развитию и расширению концепции «Кино на границе».

Итог фестиваля этого года подвел программный директор Мацей Гиль: *«Да, это был однозначно удачный фестиваль. Единственное, к чему можно было бы придраться, это погода, которая от нас не зависела. Главное, что зрители снова нас не подвели — столько публики в Театре Адама Мицкевича у нас не было никогда, каждый день залы во время сеансов были забиты до самого потолка. Мы точно побили рекорд по количеству показанных фильмов — их было 120, в общей сложности проекции длились шесть суток. Я как организатор доволен тем, что происходило в Тешине и Чешском Тешине в эти дождливые майские праздники».*

Неизвестно, какая погода будет в это время в Тешине через год. С уверенностью можно утверждать только одно: 15-й фестиваль не был последним, и в 2014 г. польско-чешский, или чешско-польский городок снова соберет у себя зрителей с обеих сторон границы.

Аркадиуш Хабера

ФЕСТИВАЛЬ «ЛОДЗЬ ЧЕТЫРЕХ КУЛЬТУР»

Польша продолжает снова и снова открывать свое многокультурное наследие. Примером тому служит Лодзь и проводящийся там фестиваль «Лодзь четырех культур» (до 2009 г. называвшийся Фестивалем диалога четырех культур), который по задумке его организаторов должен сделать доступным общее наследие поляков, немцев, евреев и русских — строителей этого города, который в силу развитой здесь текстильной промышленности называют польским Манчестером.

Впервые фестиваль состоялся в 2009 году. Его вдохновитель, Витольд Кныхальский, говорил тогда: «Возникла идея восстановить диалог, который велся в Лодзи непрерывно в течение нескольких десятилетий. Люди, впитывавшие четыре столь разные культуры, связанные этим диалогом, строили общие фабрики, храмы, театры, кинотеатры и стадионы. Общими усилиями они создали величайший памятник пониманию — Лодзь, город, динамично развивавшийся и дававший им надежду на будущее. Драматическая история прошлого столетия прервала диалог. Катастрофа еврейского народа, массовая эмиграция немцев и полное изменение исторических условий оставили на Лодзи существенный след. Идея фестиваля отсылает к прекрасной традиции Лодзи, общей для многих народов». В интервью для интернет-портала «Лодзь — наш город», которое Кныхальский дал по случаю проведения очередного фестиваля, он добавил: «Лодзь — это особенный город. В Польше нет другого такого города с такими традициями и историей. Своим динамичным развитием он обязан тому, что здесь в одном месте встретились представители трех национальностей: польской, немецкой и еврейской». Говоря о роли русской национальности он подчеркивал, что несмотря на то, что «русские сыграли меньшую роль, чем поляки, немцы и евреи (...) Россия и ее жители в истории города занимают свое важное место. В частности потому, что Россия была территорией экспансии лодзинской промышленности. Без России динамичное развитие города было бы невозможно». Опираясь на это, создатели фестиваля намеревались организовать мероприятие международного масштаба, которое бы привлекало зрителей как из нашей страны, так и из-за границы. Помочь в этом должна была богатая культурная программа, которая во время первого проведения фестиваля состояла более чем из 70-ти мероприятий, в числе которых были театральные постановки, балеты, оперы, а также концерты и выставки. Все это должно было соединять прошлое с будущим, представлять Лодзь как город, черпающий многое из своего наследия и творчески его развивающий.

Чтобы достичь этой цели, на фестиваль были выделены значительные финансовые средства. Бюджет первого фестиваля составил 10 млн. злотых, а долг, оставшийся после его проведения, — около 4 миллионов. Такие расходы способствовали тому, что с самого начала существования фестиваля над ним нависли черные тучи. Финансовые вопросы в конечном счете привели к тому, что изменилось его название. В атмосфере острого конфликта с городскими властями Барбара Кныхальская, председатель Фонда Фестиваля четырех культур и вдова Витольда Кныхальского, заявила, что «IX Фестиваль диалога четырех культур не состоится в 2010 году». Она добавила также, что «не дает согласия на использование бренда Фестиваля, его идеи, равно как и имен его создателей и вдохновителей в каких бы то ни было целях чиновниками города Лодзи или лицами, сотрудничающими с ними». Этот факт стал причиной изменения названия на новое — «Лодзь четырех культур», что не изменило, однако, самой его идеи. Тем самым, несмотря на изменение на организационном уровне, традиция была продолжена, фестиваль удалось сохранить.

Наряду со спорами, касающимися финансирования фестиваля, возникали дебаты по поводу его художественного облика. Его упрекали то в чрезмерной элитарности, то в развлекательности, приводящей к снижению художественного уровня. Поиск «золотой середины» затрудняли многочисленные смены директоров, а также художественных руководителей. Первоначально пробовали соединить высокое искусство с массовой культурой. Отсюда появление на первом фестивале не только «Коро-

ля Рогера» Кароля Шимановского в постановке Мариуша Трелинского, но и концерта российской группы «Тату». Эта политика была продолжена до 2008 г., когда в должность директора фестиваля вступила Катажина Кныхальская. Вместе с ней в команде фестиваля появились Агата Сивяк и Гжегож Низёлек, ответственные за художественную часть мероприятия. Согласно их идее, фестиваль должен представлять высокое искусство. «...мы отводим массовую культуру, — объяснял Гжегож Низёлек, — но, с другой стороны, возникает вопрос: не теряет ли от этого фестиваль? Она у нас на каждом шагу — на телевидении, в кинотеатрах, на концертах. Таких мероприятий много. Нет необходимости еще в одном. Мы заботились о том, чтобы наше предложение было понятным, а вместе с тем было на высоком художественном уровне. Мы хотим бросить публике вызов, но не исключать никого из круга потребителей». Несмотря на это заявление в большинстве комментариев после фестиваля можно было прочитать, что Лодзь и ее жители потеряли фестиваль, что он стал, как писал лодзинский журналист Дариуш Павловский, «дружеской встречей для элитарной группы заинтересованных». Причины такого рода комментариев можно также найти в принятой дирекцией новой формуле фестиваля, состоящей в ограничении роли отдельных институтов культуры, функционирующих в Лодзи, которые до сих пор выдвигали для фестивальной программы свои предложения по репертуару, после чего те в него включались. «Мы не хотели, чтобы фестиваль был только обзором того, что появляется в Лодзи, — объяснял свое решение Низёлек. — Мы решили устроить мероприятие, в котором смогли бы принять участие организации, функционирующие в городе, и которое вместе с тем было бы привлекательным для жителей всей Польши, мероприятие, способное привлечь новую публику к Лодзи». Тандем Низёлек—Сивяк подготовил два фестиваля. В конечном итоге Фестиваль диалога четырех культур был проведен восемь раз, фестиваль 2009 г. стал последним.

Его место занял фестиваль «Лодзь четырех культур», который состоялся в 2010 году. Художественным директором первого фестиваля, проходящего под девизом «Возвращения», стал Богдан Тоша. Помимо запланированных фестивальных мероприятий, он включил в программу и спектакли из репертуара лодзинских театров, такие, как «Дыбук» Шимона Ан-ского и «Смерть Ивана Ильича» (инсценировку повести Льва Толстого). На вопрос о причинах такого решения он отвечал: «На первых фестивалях Витольд Кныхальский показывал самые интересные вещи, создаваемые за пределами Лодзи, сопоставляя их с тем, что осталось здесь. Таким образом, создавался диалог. Потом, к великому сожалению для города, эту идею забросили». Изменения произошли и в репертуаре, подтверждением чего служит выступление в рамках второго фестиваля польского поп-музыканта Чеслава Мозиля. Этот ход должен был привлечь массовую публику и тем самым придать фестивалю более демократичный оттенок, за счет этого он перестал бы быть событием замкнутым и вычурным. Но всё же высокое искусство по-прежнему должно было остаться главным элементом, что убедительно доказывает девиз второго фестиваля — «Мастера». Среди них были Чеслав Милош, художник Яцек Семполинский, а также Павел Герц, тот самый «мастер польского языка, как говорил о нем во время обсуждения программы фестиваля Богдан Тоша — автор издательских серий, представляющих наследие Пушкина, Достоевского, Гофмансталя».

Организацией следующего, третьего, фестиваля, занялась Иоанна Подольская. В этот раз он прошел под девизом «Поколения». Говоря о концепции фестиваля, она объясняла: «Я бы хотела, чтобы это не был фестиваль или для молодежи, или для стариков. У нас настолько богатая программа, что в ней смогут найти что-то для себя представители всех поколений, начиная с детей и заканчивая самыми старыми лодзинцами. Конечно, я не жду того, что каждый лодзинец захочет посетить все мероприятия. Но все же думаю, что он найдет два-три пункта, которые его особенно заинтересуют». Вместе с тем она добавляла: «У девиза «Поколения» есть еще одно значение. Я расскажу о нем на примере фестивальных выставок (...). Мы показываем на них, как визуальное искусство воспринимается лодзинскими художниками разных поколений. Главным куратором этой части фестиваля был Юзеф Робаковский. Перед ним стояла задача ответить на вопрос, имело ли русское искусство влияние на искусство Польши, в том числе и прежде всего на польский авангард, которым мы так гордимся». Одной из фигур этой части фестиваля, демонстрировавшейся в рамках выставки «Восточный фронт», был родившийся в 1893 г. в Минске Владислав Стшеминский. Этот польский художник и теоретик искусства, выпускник петербургского Николаевского инженерного училища, студент Московского

училища живописи, ваяния и зодчества, стал одним из ведущих фигур русского авангарда. В период своего пребывания в России он сотрудничал с Казимиром Малевичем и Александром Родченко. В 1921 г. Стшеминский вместе со своей женой Катажиной Кобро приехал в Польшу. В 1931 г. они поселились в Лодзи, где осуществляли свои новаторские конструктивистские проекты, а также занимались теорией искусства, включающей размышления над произведением искусства и его существованием в публичной сфере. Выставка должна была не только напомнить о лодзинском авангарде, но также ответить на вопрос, какое влияние он оказывает сегодня на современных художников. Юзеф Робаковский обращал также внимание на наследие Стшеминского: в выставочных залах «Восточного фронта» оказались работы продолжателей его творческого метода. В одном из своих интервью Робаковский утверждал, что несмотря на то, что «Стшеминский в 1930-е гг. не руководил открытой школой, были однако люди, которые хотели у него учиться и которые сохраняли с ним тесные контакты. Такими людьми были, к примеру, Самуэль Щекач и Юлиан Левин, художники, которые на выставке будут представлены особо. Ученики Стшеминского стали вносить новые элементы и решения в «унистическую» концепцию учителя. Они пошли дальше своими путями, создавая новое измерение современного искусства. Этот аспект безумно мне интересен, так как авангардное искусство повлияло и на творчество членов «Мастерской киноформы»».

Нынешний, четвертый фестиваль готовил Збигнев Бжоза. В своих интервью он подчеркивал, что желал бы, чтобы лодзинцы вновь открыли свой город и полюбили его. Средством достижения этой цели должна была стать организация концертов, показ спектаклей и фильмов в городе. Примером этого была постановка в декорациях лодзинского двора на Пётрковской, 37 мюзикла «Извозчик и король» на основе рассказа Исаака Бабеля «Закат». Постановку осуществил орловский театр «Свободное пространство». При этом следует подчеркнуть, что участие во всех мероприятиях было общедоступным, только в некоторых случаях бесплатные входные билеты нужно было бронировать через интернет. Что касается ориентации фестиваля, то новый директор утверждал: «Она и не правая, и не левая. И уж точно не консервативная. Для консерватизма характерно то, что он идеализирует прошлое, закрываясь вместе с тем от будущего. Давайте всё же не будем путать эту позицию с уважением к прошлому. Всякая идеологизация уважения становится «шляхетской усадьбой»». Противясь этой мифологизации, он вместе с тем констатировал, что в Лодзи, поверх этнического деления, возник зародыш гражданского общества. Бжоза видит его источник в не отравленном шовинизмом подходе ее жителей к национальному вопросу. Объединить их должна была идея кооперации, вытекающая из особенностей происхождения города как промышленного центра, в который стянулись представители разных национальностей. Свой тезис он аргументирует событиями 1905 года. «На рубеже XIX и XX веков Лодзью управляли фабриканты, а массы остальных лодзинцев — поляков, евреев — существовали в своих редко соприкасающихся друг с другом мирах, — поясняет он. — Однако когда в 1905 г. разразилась революция, все трудящиеся, независимо от национальности, объединились. Царская полиция пыталась спровоцировать поляков на организацию еврейских погромов, но те не сменили линию фронта. Этот пример иллюстрирует общинное мышление, поднимающееся над национальными различиями». Вместе с тем этот факт был для него примером рационального мышления, которое характеризует современные общества. «Реализм — это единственная идея, какая имеет сегодня смысл, — убеждал он. — В мире реализма люди не делятся на католиков или протестантов, а намечают общую цель, к которой стремятся».

За одиннадцать лет существования фестиваля, независимо от меняющегося руководства, сохранилась его главная идея, цель которой — напоминать об общем наследии четырех культур. Присутствие русских мотивов составляет постоянный элемент в общем полотне фестиваля и в истории города. Проведение фестиваля следующего года нужно ожидать с надеждой, что он подарит новые интересные художественные события. И, хотя это не единственный подобного рода фестиваль в Польше, всё же место его проведения особенное. История Лодзи весьма убедительно действует на воображение, показывая красоту и трагичность многонационального города «земли обетованной», от которого остались воспоминания, прекрасные дворцы богатых промышленников и фабрики, превращенные в склады и супермаркеты.

Эугениуш Соболь

ОБЗОР ИНТЕРНЕТА

Центр восточных исследований (ЦВИ) был создан в 1990 г. правительством Тадеуша Мазовецкого. Пользователи интернета в ходе дискуссий очень часто ссылаются на статьи, публикуемые на интернет-странице ЦВИ (www.osw.waw.pl) как на серьезный и достоверный источник информации. В задачу центра входит, среди прочего, обработка и предоставление польским органам государственной власти информации о важных событиях и политических, социальных и экономических процессах в международном окружении Польши, подготовка анализов, экспертиз и прогностических исследований. Помимо еженедельной аналитики, эксперты центра стараются давать текущую информацию о ситуации на территориях, охваченных разного рода кризисами. Так было, например, во время оранжевой революции, грузино-российской войны или в ходе газового кризиса в 2009 году. Аналитики часто организуют брифинги для представителей администрации (в том числе на высшем уровне), в случае необходимости предоставляют консультации, сопровождают руководителей страны в заграничных поездках. Часто сотрудники ЦВИ занимают важные посты в правительстве, как например Яцек Цихоцкий, директор центра в 2004-2007 г.г., который в настоящее время возглавляет канцелярию председателя совета министров.

В рамках центра действуют пять постоянных аналитических рабочих групп: группа по делам России, группа Германии и Северной Европы, группа Белоруссии, Украины и Молдавии, Центрально-европейская группа, а также группа Турции, Кавказа и Средней Азии. Вначале область интересов Центра восточных исследований ограничивалась постсоветским пространством. В 1998 г. в диапазон его работы были включены Центральная Европа и Балканы, а в 2005 г. — Германия. С начала 2012 г. область интересов ЦВИ включила Турцию и скандинавские страны. В число выпускаемых ЦВИ изданий входят еженедельный «Бюллетень ЦВИ», подготавливаемый для польской центральной администрации, а также публикуемые на интернет-сайте еженедельные аналитические бюллетени: «Неделя на Востоке» (касается территории России, Белоруссии, Украины, Кавказа и Средней Азии) и «BEST OSW» (касается территории балтийских государств, Центральной Европы и Балкан), а также выходящие нерегулярно аналитические издания: «Точка зрения», «Труды ЦВИ», «Отчет ЦВИ» и «Комментарии». Все публикации доступны и на английском языке.

В число важнейших тем, затрагиваемых аналитиками ЦВИ, входят, в частности, отношения России с соседями, политика безопасности, энергетическая безопасность и экономический кризис. Ивона Вишневская в аналитическом тексте «Евроазиатская интеграция. Российская попытка экономического объединения постсоветского пространства» («Труды ЦВИ») отмечает, что прогресс во внедрении принципов Таможенного союза можно признать успехом Москвы. В то же время формирование общей экономической политики находится пока на начальном этапе, и сейчас трудно определить, насколько глубоко три государства смогут согласовать свои рынки. Интеграционные проекты Кремля мотивированы в первую очередь политическими факторами. О Северном Кавказе как поле влияний пишет Александра Яросевич («Неделя на Востоке»). Она подчеркивает, что в последние месяцы в этом регионе нарастает напряжение, прежде всего в связи с приближающимися президентскими выборами в Грузии и Азербайджане (октябрь) и предстоящим завершением очередного этапа сближения региона с Евросоюзом. Его символом будет саммит «Восточного партнерства» в Вильнюсе (ноябрь) и парафирование соглашений об ассоциации государств региона с ЕС. Продолжается и процесс доработки окончательной формы южного газового коридора, имеющего для ЕС стратегическое значение.

Для публикаций ЦВИ, в отличие от газетных статей, характерна высокая точность и сжатость. Это политологический анализ, в котором действительность описана как результат столкновения интересов правительств отдельных стран. Их готовят аналитики высочайшей квалификации, часто

выезжающие в постсоветские страны, чтобы сопоставить свои взгляды с реальной картиной. Можно порекомендовать и значительно более легкие тексты из рубрики «Точка зрения» (www.osw.waw.pl/pl/publikacje/Punkt-widzenia): «Партнерство во времена кризиса. Вызовы для европейской интеграции государств Восточной Европы» Рафала Садовского, «Место УПА в Великой Отечественной войне. Дилеммы исторической политики Украины» Тадеуша Ольшанского, «От стабилизации к застою. Попытки реформ Виктора Януковича» Славомира Матушака и Аркадиуша Сарны, «Шведский шпагат. Оборонная политика Швеции и регион Балтийского моря» Юстины Годковской. Большой минус сайта ЦВИ —отсутствие возможности добавлять комментарии, но это следствие правительственного характера учреждения. Его публикации чаще всего цитируют на профессиональных интернет-форумах, посвященных экономике или оборонным вопросам. Последней важной инициативой ЦВИ был запуск англоязычного портала Easternpartnership.org о «Восточном партнерстве». Однако с 1 июня 2012 г. эта страница не обновляется. И это не случайно: в одной из последних статей, помещенных на этом сайте, «Неподходящий политический момент для «Восточного партнерства»» Александр Дулемба рассуждает о серьезном кризисе, через который проходит сама эта идея: «Существует реальная опасность, что экономический кризис в Евросоюзе не только ударит по финансированию «Восточного партнерства», но и вообще отвлечет внимание Евросоюза от этой инициативы».

Более оптимистический взгляд на «Восточное партнерство» предлагает Павел Пурский, сотрудник портала Eastbook.eu, в статье «Тоска по субъективности» (www.eastbook.eu/2013/08/country/belarus/tesknota-za-podmiotowoscia/): «Когда рассматриваешь баланс четырех лет «Восточного партнерства», кажется, что всё неплохо. Договоры об ассоциации с Арменией, Грузией и Молдавией ожидают парафирования на осеннем саммите в Вильнюсе. На Азербайджан в контексте политики Евросоюза никто всерьез не рассчитывает, так как Баку ведет собственную игру. Даже если договор об ассоциации с Украиной будет подписан в ноябре, его ждет еще долгий путь через Европарламент. Так что об успехе «Восточного партнерства» реально можно будет объявить никак не осенью в Вильнюсе, а только через 2-3 года, и это при оптимистических оценках. Передача восточных запросов почти целиком в руки евросоюзовских бюрократов и государств-членов ЕС привела к тому, что Польша потеряла контроль над отношениями со странами «Восточного партнерства»».

Много места уделяет восточным делам интернет-сервис «Политической критики» (www.krytykapolityczna.pl) — необыкновенно энергичного сообщества, объединяющего молодых людей левых убеждений. На странице практически еженедельно появляются фельетоны на тему политической ситуации в России, Украине либо Беларуси. Больше всего текстов с этой проблематикой выходит из-под пера Павла Пенёнжека из варшавской редакции «Политической критики» (www.krytykapolityczna.pl/artykuly/swiat/Rosja). В своих текстах публицист информирует, в частности, о политической жизни левых в России.

Кроме того, на странице «Политической критики» можно найти и тексты иностранных авторов. Известный словенский философ Славой Жижек поднял голос в защиту участниц группы «Pussy Riot». Здесь публикует свои тексты Борис Кагарлицкий — российский социолог, левый политик, автор переведенной на польский язык и изданной в серии «ПК» книги «Периферийная империя. Россия и миросистема». Стоит отметить его статью «Российские животы под угрозой», в которой он пишет, что ситуацию в России первого десятилетия XXI века можно охарактеризовать, как энтузиазм компенсационного потребления: мы сыты, а вместе с тем полны страха.

Немало текстов публикуют и члены украинского клуба «Политической критики» в Киеве (www.krytykapolityczna.pl/artykuly/swiat/raporty/ukraina/serwis-ukrainski) — Василь Черепанин, Олексий Радынский, Надя Парфан. Заслуживают внимания также беседы, которые Петр Андрусечко и Павел Пенёнжек провели с украинским историком Ярославом Грицаком (в издательстве «Политической критики» вышла книга-интервью с Ярославом Грицаком «Украина. Путеводитель «Политической критики»», 2009) и журналистом Виталием Портниковым.

Клуб «ПК» в Киеве (vcrc.org.ua) возник в 2008 г. в Киево-Могилянской Академии и с того времени провел более 150 научных конференций и 20 художественных выставок. С 2012 г., когда разразился скандал вокруг выставки «Украинское тело», которая подверглась цензуре начальства КМА,

клуб стал независимой организацией. Последним важным проектом, осуществленным польскими и украинскими активистами «ПК» при участии немецкой стороны, был фильм «Места трансформации» Лукаша Конопы, в котором рассказывается о процессах ревитализации городских пространств. Фильм сопровождался выходом тематического номера «Политической критики». Места трансформации — это нынешние городские пространства Киева, Берлина, Гданьска или Варшавы, это Южный Судан, площади испанских городов, улицы Минска, Петербурга и Москвы. Это отношение человека к предметам потребления, к порнографии и место в мировом разделении труда. В числе авторов Борис Буден, Томаш Фудала, Джейн Харди, Антония Херршер, Уильям Э. Джонс, Борис Кагарлицкий, Глеб Павловский и др.

На странице «Политической критики» можно также найти информацию о лекции «Терроризм и справедливая война» Майкла Уолзера — одного из наиболее выдающихся американских политических философов, соучредителя и редактора левого журнала «Диссент», профессора Принстонского университета, которая была прочитана в мае прошлого года в Киеве (в издательстве «ПК» в 2012 г. вышла его книга «Моральный максимум, моральный минимум»).

В то же время в ноябре 2012 г. в Харькове поляки и украинцы совместно провели дни «Политической критики», объединенные с продвижением 4-го номера журнала на украинском языке. Эта публикация имеет большую ценность, так как в ней содержатся очень интересные работы польских и украинских художников и писателей, посвященные Евро-2012. Это коллажи, рисунки, комиксы, кадры из видеофильмов, фотографии скульптур и художественные инсталляции. А также тексты — Сергия Жадана, Яся Капели, пьеса Павла Демирского «Радужная трибуна». На странице «ПК» мы находим еще оглавления и обзоры других номеров журнала с восточной тематикой, в частности №23 «К востоку от Эдема»: «Железный занавес не исчез, он просто сменил место и характер. Так что же видно к востоку от Эдема? Тоже Эдем — только в кривом зеркале: лицемерных интеллигентов, самодовольных модернизаторов, ослепленных идеологов, карикатурные мифы и комплексы неполноценности. Но там видно и движение, пробуждение критической мысли у тех, кому недостаточно удовлетворения от роли периферийной элиты». Стоит отметить и выход в июле текущего года второго номера «Политической критики» на русском языке под названием «Кликтивизм», посвященного роли социальных сетей в нынешних протестных движениях. В числе авторов, в частности, Павел Арсеньев, Тодд Гитлин, Гвидо Карпи, Дмитрий Голынко, Сергий Жадан, Влад Тупикин, Тимофей Радя, Кирилл Медведев, Светлана Ерпылева, Славомир Сераковский.

Я считаю, что «Политическая критика» — это очень важная инициатива в масштабе Центрально-Восточной Европы. Ее активистам удалось творчески и новаторски объединить политику с вопросами искусства, культуры и философии. И неудивительно, что это сообщество, как магнит, притягивает талантливую польскую молодежь, а также россиян и украинцев.

Интересна страница Фонда «Энергия для Европы» (www.fede.org.pl), которую основал Павел Коваль — депутат Европарламента, председатель комиссии «ЕС—Украина». На ней можно найти много экономической и политической информации, публикуемой раз в несколько дней в сервисе «Украинский связной», в том числе об украинско-российской торговой войне, вопросах обороны, миграционной политике, комментарии и аналитику, статистические данные. Информация рассылается и в форме бюллетеня.

На Eastbook.eu мы обнаружим вдумчивую аналитическую статью «Саммит в Вильнюсе — шанс для зависимых от российского газа государств» Войцеха Якубика, эксперта из Ягеллонского университета, который пришел к выводу, что «результаты саммита в Вильнюсе определят, преодолеет ли Украина, благодаря поддержке остальных стран Европейского энергетического сообщества, российский нажим и подпишет ли договор об ассоциации или, оставшись одна, поддастся ему и будет обречена на постепенный дрейф к Таможенному союзу. Подписание договора будет началом долгого пути. Описанный мной сектор — энергетика, хоть и очень важна, но будет лишь одним из полей битвы за изменение геополитического пейзажа в нашей части Европы».

Ярослав Марек Рымкевич

Перевод Натальи Горбаневской

НАРОД — ЭТО СУДЬБА

(Из книги «Рейтан. Падение Польши»)

Народ есть всё то, что с ним приключилось, приключается и приключится. Это, и только это. Всё это складывается в народ, первоначально (у самых зачатков) его учреждает, а потом устанавливает в его посюстороннем (другого нет) бытии, то есть в его повседневном бытовании, — и всё это, и только это позволяет нам сказать о народе, что он есть. Идея народа, его суть, его признаки и его характер (то, что называется национальным характером), причина и смысл его бытия — всё это вещи вторичные, умственные, которые появляются позже, в результате истолкования того, что приключилось, приключается или может приключиться, в результате историософского обдумывания истории. Идея или причина существования народа, а также смысл его бытия могут существовать— как вещи умственные, а могут и не существовать, и зависит это от того, хочет ли народ знать (распознать) причину, или идею, или смысл своего бытия. Хочет ли он познать свой характер — знать, каков он есть. Он может захотеть, а может и не захотеть. Народ, таким образом, есть история народа и ничего больше, вся его история разом — одновременно прошлая, настоящая и будущая. Вся его история в каждое мгновение его бытия. Если мы так сформулируем, то будем вынуждены также сказать, что народ есть его собственная судьба, и только она, что он тождествен своей судьбе (даже если по каким-то причинам не хочет или не хотел бы с ней отождествляться), а следовательно — не выбирает свою судьбу, не дожидается того, что называют решениями или приговорами судьбы, и ни от кого своей судьбы не получает, даже не может получить, ибо сам он и есть его судьба — в своей посюсторонней, одновременной, ныне текущей и вместе с тем извечной целостности. А если он и есть его собственная судьба, то (как в случае любой судьбы) невозможно открыть его исторические предназначения, невозможно додуматься, почему с ним что-то приключается, а что-то не приключается — и почему приключается, случается как раз то, что случилось, а не что-то другое, — и почему приключается или приключилось только так, как приключилось или приключается, а не как-то иначе. Это невозможно выяснить, понять (но можно, конечно, и даже следует, вникая в судьбоносную глубину национального бытия, пробовать) — а значит, никоим образом невозможно (хотя многие пробовали — в пророческом либо поэтическом безумии) предвидеть, что приключится с народом, какова будет его судьба, то есть какова будет его история, то есть каков он будет. Тут сразу встает вопрос, существует ли — если бытие народа тождественно истории народа — нечто такое (в истории народа — в его жизни — в нем самом), что можно было бы назвать волей национального бытия и что (будучи осуществимой, проходящей становление, воплощающейся в историю волей судьбы) могло бы решать, что приключится с народом, а что не приключится, и если приключится, то как — или, скорее (потому что здесь можно было бы и об этом спросить), существует ли какая-то воля, действующая извне, транс-историческая, и она ли

(ее бытийная, слепая или зримая, сила, ее бытийная власть — судьба судьбы) решает, что совершит судьба-народ и что приключится с ним в его историческом, судьбоносном странствии по своему собственному бытию. Если речь идет о бытии, то дела обстоят так, что неизвестно, чего оно хочет, а также откуда берется его бытийная воля (неустанное, ужасающее и могущественное действие которой легко констатировать простым глазом или простым разумом), ибо неизвестны истоки и смысл его бытия, то есть то, благодаря чему бытие существует; их может вообще не быть, этих истоков и целей, но могут быть, и этого никто никогда не узнает, хоть и можно было бы узнать, если б было известно — от кого или откуда. Таким образом неизвестно и то (и, скорее всего, не может быть известно), чего хотят народы; чего хотели все народы, которые с незапамятных времен существовали на этом свете. Ужасающая воля бытия хочет чего-то от каждого народа и от каждого хочет (как своя судьба — от своей судьбы, то есть от себя самой) одного и того же: хочет, чтобы он существовал; и, вероятно, ничего больше не хочет. Но неизвестно, куда и как удалось бы, следовало бы ее (этот дикий бытийный замысел) поместить — и в этом, а также в любом другом случае, легко констатируемая как действие, как движение, она одновременно остается (для нас) невидимой — слепой (как любая воля, любое хотение), в двояком, нынешнем и старинном, XVIII и XIX века, значении слова niewidoma: незримой и незрячей. Она невидима, то есть незрима. Она незряча, то есть слепа. А из этого вытекает, что народ можно уничтожить лишь одним-единственным способом — уничтожая то незримое, что было началом его бытия и что (неустанно действуя, неустанно призывая к бытию) побуждает его по-прежнему хотеть существовать. Здесь перед нами, как мы видим, важный вопрос: может ли эта незримая, неизвестная нам (и недоступная) сила оказаться уничтоженной, а если да, то каким образом? Мы обязаны это знать — если хотим существовать; если наша судьба есть что-то такое, чем мы хотим владеть, — если мы хотим обладать своей судьбой, то есть быть народом.

Лешек Бугайский

ВПАВШИЙ В ДЕТСТВО

Ярослав Марек Рымкевич — это не какой-то рядовой автор, во всяком случае для меня. До сих пор помню впечатление, которое много лет назад произвело на меня первое прочтение его смелых эссе «Александр Фредро не в духе», «Юлиуш Словацкий спрашивает, который час», «Великий князь — с добавлением рассуждений о сущности и приметах польского духа» или очередных частей его мицкевичевского цикла. (Не знаю, почему «Энциклопедия литературы» приводит в качестве даты отечественного издания «Великого князя» 1991 г., коль скоро у меня на полке стоит издание ПИВа [польского Госиздата] времен военного положения, помеченное 1983 годом). Это были тексты, которые ослепляли и поражали во всех смыслах, начиная с необычных названий и кончая сочетанием разнообразных жанров и видов литературного материала.

Когда я сейчас читаю «Рейтана», то с удивлением задумываюсь, куда подевался тот Рымкевич, хотя — нечего себя обманывать — последние его книги в известной степени словно бы готовили к тому изумлению, в котором остаешься после прочтения «Рейтана». Изумлению в первую очередь тем, как тогдашний утонченный эссеист, сохраняя внешние приметы давнего стиля, переродился в сегодняшнего автора, подчас пишущего таким образом, будто ему хочется шокировать своих читателей. Или как если бы он терял контроль над своими нервами и время от времени из потока характерного для него перемещения от одной исторической детали к другой доносился гневный окрик, касающийся принципиальных проблем. И у меня складывается впечатление, что для Рымкевича это покрикивание на нас как народ и на нашу историю важнее, нежели те подробности, из которых он всегда искусно ткал свои повествования. Ну а разве теперь, на нынешнем уровне гнева, на который он вскарабкался, ему нужна историческая истина? В его книге я обнаруживаю следующую фразу: «Историческое послание не нуждается в исторической истине, истина ему мешает, оно хотело бы обойтись без нее». Фраза, разумеется, правдивая, но поражает, как откровенно написал ее автор: ведь если он сам и не профессиональный историк, то, однако же, изучал и изучает историю, всегда создавая иллюзию, что ищет историческую истину, дабы извлечь из нее уроки для современников.

Теперь иллюзии рассеиваются, и мы видим, что подобное «послание», иными словами, то, в чём Рымкевич хочет нас убедить, пользуясь историей, нескрываемо важнее исторической истины. Пример? На стр.136 своей книги он приводит вслед за довоенным историком Вандой Кончинской ответ, который Самуэль Корсак — депутат, сотрудничавший с Рейтаном и поддерживавший его во время сейма по вопросу о разделе Польши, — «дал российскому послу, когда тот уговаривал его войти в конфедерацию Понинского: “Я не знаю на свете ни такого деспота, который достаточно богат, чтобы меня испортить, ни такого, который достаточно силен, чтобы меня ужаснуть”». Через тридцать с чем-то страниц он цитирует Анну Герич, урожд. Рейтан, которая вкратце излагает прочитанный ею когда-то дневник Рейтана, точнее фрагмент, касающийся того, как Понинский по распоряжению русского посла пробовал подкупить Рейтана. «Заяви же взаимно твоему господину, что нету на свете ни такового богача, коий бы меня подкупил, ни такового дюжего владыки, коий мог бы Рейтана напужать», — ответил Понинскому Рейтан. Красиво и достойно, но почему почти теми же самими словами, что и Корсак, а может быть, и в точности теми же самыми, если мы примем, что Ванда Кончинская, готовившая их запись к печати в тридцатых годах прошлого века, могла ее осовременить?

Рымкевич проходит мимо этого вопроса без малейшей заинтересованности, хотя трудолюбиво разбирает — как и в других своих книгах — множество других мелочей. Неужто такое сходство ускользнуло от его внимания? Мне трудно в это поверить, потому что много раз этот автор давал доказательства того, какой он внимательный читатель. А может быть, ему известно, что патриотическая партия в сейме имела припасенную на такой случай «шпаргалку», иначе говоря, нечто наподобие современного бюллетеня для прессы, и подобный повтор его не удивил? Но это потребовало бы уже — хотя бы из желания развлечь

или привести любопытную подробность — более глубокого анализа либо, по меньшей мере, какой-то крупицы размышлений, которых Рымкевич данному делу не посвятил. Почему? Думаю, потому что эта фраза очень ему понравилась и он посчитал, что чем чаще она появляется, тем лучше для читателей и для той образовательной акции, которую он проводит. Неспроста Рымкевич подбросил собственный комментарий: «Именно так умели тогда еще вести себя свободные поляки перед лицом русской деспотии». Стоит обратить внимание на это «тогда еще», поскольку, употребляя такую формулировку, автор дает понять, что впоследствии они уже не умели так противостоять «русской деспотии». И полностью пренебрегает тем фактом, что подобного рода обобщения и подсказки всегда расходятся с исторической истиной; но ведь мы уже знаем — ибо нам сказал об этом сам Рымкевич, — что «историческое послание не нуждается в исторической истине, истина ему мешает, оно хотело бы обойтись без нее».

А в его — Рымкевича — историческом послании важно напоминание, чтобы поляки были свободными, пусть бы даже они и не знали, как им надлежит поступать с этой свободой, для чего она должна им служить. Ибо свобода для него — высшая, окончательная категория, и во имя свободы он отвергает любой компромисс, вытекающий — что за мерзкая формулировка, думает, видимо, автор «Рейтана» — из геополитических соображений, из прагматической оценки ситуации, из трезвого сравнения сил, возможностей и вероятных потерь, понесенных ради ее защиты. О чем я, впрочем, пишу? Прагматически оценивать ситуацию и приспосабливать к ней образ действий — это же позиция и образ мыслей, которые (как я догадываюсь) вызывают у Рымкевича категорическую брезгливость, внушают ему отвращение, возбуждают его ярость. У меня только есть сомнения, действительно ли эта его ярость — искренняя...

Перед нами же умный человек, эрудит, каких мало, и он должен отдавать себе отчет в том, что политика представляет собой деятельность, при которой принимается во внимание множество разнообразных факторов и часто выбирается так называемое меньшее зло, имея в виду отдаленное будущее и благо людей в приземленном смысле, а не только красивые жесты — героические и обреченные. Много читая перед тем, как рассказывать о сейме 1773 г., Рымкевич должен был, как мне кажется, в какой-то момент осознать, что этот сейм не располагал большим полем для маневра, что Польша была не в состоянии бороться на трех фронтах — во всяком случае, бороться и иметь тень надежды, что такая борьба может закончиться хотя бы маленьким, незначительным успехом. Я согласен, что политики вроде Понятовского или Понинского вели себя недостойно, прямо-таки позорно, что и они, и целое стадо их приспешников совершили предательство, что, быть может, удалось бы разыграть всё это достойнее, более почетным образом, но в сущности с точно такими же политическими последствиями. И я согласен, что Рейтан, ложась в сейме поперек двери, сделал красивый жест, который обеспечил ему бессмертие; но что произошло бы, если бы кто-нибудь его послушал? Изменилась бы судьба Польши? Сомневаюсь. Зато не сомневаюсь, что народ понес бы потери, простые люди погибали бы, страдали и голодали, как это бывает во время войны.

В своем рассказе о политических интригах 1773 г. и о жесте Рейтана Рымкевич не принимает подобные соображения во внимание, его пространство наблюдения ограничивается исключительно уровнем шляхты — все прочие, располагающиеся ниже на социальной лестнице, для него не существуют. А я, грубо выражаясь, убежден, что порабощенному крестьянству было всё равно, кто его эксплуатировал — польский шляхтич или же захватчик. В его судьбе мало что менялось под тем или иным сапогом, а война всегда сваливала на него страдания, потому что рекрутский набор, потому что прохождение войск, потому что увеличение обязательных поставок... Такие соображения Рымкевич ни во что не ставит, видя в шляхте «свободных поляков»; более того, он контрабандой проталкивает в своей книге предположение — правда, защищая себя ссылкой на датированную 1930 г. работу Бернарда Шарлитта «Польскость Ницше и его философии», — что для Ницше образцом сверхчеловека мог служить польский шляхтич.

Политика для Рымкевича — это игра, потому что она на самом деле представляет собой некую разновидность игры, но когда он пишет о политике в довольно отдаленную историческую эпоху, то под его пальцами, стучащими по клавиатуре компьютера, эта игра трансформируется в забаву, иначе говоря, он освобождается от какой бы то ни было ответственности. Судьбы людей вовсе не должны волновать Рымкевича, так как они уже свершились, а ему остается чистое развлечение возможностями, теоретическими перестановками фигур на политической шахматной доске. Он — словно тот мальчик, который в давние времена расставлял оловянных солдатиков и мог, когда ему только хотелось, одним движением руки сбросить их всех на пол, или же словно сегодняшний мальчик, который гоняет виртуальных вояк

по экрану компьютера, убивает их, сколько хочет, а у тех в любом случае есть еще вторая или третья «жизнь» в запасе. Ноль ответственности, одно только чистое удовольствие без ощущения, что ты навлекаешь на кого-то смерть или боль. Похоже на то, как бывает в кино, когда смотришь какое-нибудь глуповатое «Коммандо» или один из всяческих «Крепких орешков».

Именно поэтому Рымкевич может с довольно-таки устрашающей свободой писать такие, к примеру, вещи (внимание, здесь будет длинная, но необходимая цитата):

«Если бы в октябре 1762 г. (...) дело дошло до кровавой резни в палате депутатов, то Радзивиллы, значительно более умелые литовские рубаки, покромсали бы тогда, а может, даже полностью ликвидировали физически (другими словами, вырезали — с огромной пользой для Польши) Чарторыйских, более ловких дипломатов, но ничтожных рубак. Следствием этой ликвидации могла бы даже оказаться ситуация, когда королем поляков становится не литовский стольник [Понятовский] (...) а кто-нибудь из Радзивиллов. Скорее всего, это был бы Кароль, «пане коханку»*. Трудно было бы — в самой середине того страшного (для нас) XVIII века, в самой середине нашего падения, нашей исторической катастрофы, — заполучить для поляков лучшего, более подходящего короля. (...) И история поляков (тогдашняя история их государства) закончилась бы совершенно другим способом — не тем страшным позорищем, тем ужасным стыдом, тем унижением, которое уготовил нам любовник северной царицы, а великолепным, диким взрывом литовского безумия. Что князь Кароль, «пане коханку», был неслабо безумным, а, говоря начистоту, был сумасшедшим — сие не подлежит сомнению. Если бы сейм (...) выбрал королем этого князя, его безумие проявилось бы во всей королевской полноте, распоясалось по всей Речи Посполитой, разгорелось бы огромным темным пламенем. Ужас безумия перемешался бы с ужасом падения. Разве можно вообразить себе более красивое, более уместное завершение нашей тогдашней истории, более уместный конец той Речи Посполитой? (...) Польша агонизировала бы — в приступах безумия! В королевском помешательстве! Без тени сознания! В пароксизмах сумасбродного бешенства! Роняя пену изо рта — она искусала бы, эта упыриха, тех, кто ее добивал!»

Так вот развлекается с историей Рымкевич.

Это превосходная литература, но не более чем литература, потому что читается она, словно описание финального пристанища демонов из какого-нибудь безумного кинобоевика. И невозможно поверить — по крайней мере я не в состоянии, — что Рымкевич написал это всерьез. Ведь он же человек мыслящий, а когда мыслящий человек читает нечто такое, а уж тем более пишет нечто такое, ему надлежит знать, что за подобными «пароксизмами сумасбродного бешенства» и «искусыванием» скрываются смерть, боль и страдание. В этом может не отдавать себе отчет десятилетний мальчик, но его обязан (ну, хорошо: должен) отдавать взрослый мужчина.

По моему мнению, Рымкевич, уже говоря в нашумевшем интервью для газеты «Жечпосполита» о Ярославе Качинском, что тот «укусил польского зубра в зад, понудив его к галопу», подал отчетливый сигнал, что не рассматривает политику всерьез, что он ею, в нее, рядом с ней играет. К категории сходных суждений следует, пожалуй, отнести и его опять-таки не столь уж давнюю мысль о «созидательном» монархоубийстве** или излагаемое в книге «Рейтан. Падение Польши» собственное восхищение видением застреливаемого Понятовского — «король, задыхающийся от крови из простреленного легкого». И такая завороженность фиктивной (виртуальной) смертью, убийствами и даже кровавыми безумствами для многих людей способна оказаться и, видимо, оказывается превосходным развлечением, но в процессе этого развлечения надо всё-таки осознавать, что для других, обладающих другим типом эмоций или же слабее оснащенных умственными способностями, оно может перестать быть только разглагольствованием и сделаться реальностью, причем отнюдь не фиктивной.

twórczość

Jarosław Marek Rymkiewicz. ***Reytan. Upadek Polski.*** Warszawa: Sic!, 2013.

* Прозвище «пане коханку» (возлюбленный пан) ему дали из-за того, что так он обращался к своим собеседникам, а также с целью отличать его от полного тезки, другого Кароля Станислава Радзивилла (1669-1719), великого канцлера литовского. — *Пер.*

** Тезис о совершенно других возможностях, которые открылись бы перед Польшей благодаря убийству короля Станислава Августа Понятовского, Рымкевич впервые выдвинул и пытался обосновать в своей книге «Вешание» (2007). — *Пер.*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Третий сектор и гражданское общество в России и Польше
- Северин Полляк о переводах из русской поэзии XX века
- Беседа с Агнешкой Холланд
- Легница и годовщина выхода Красной Армии

Проза

Иоанна Батор
Михал Хороманский
Ежи Пильх

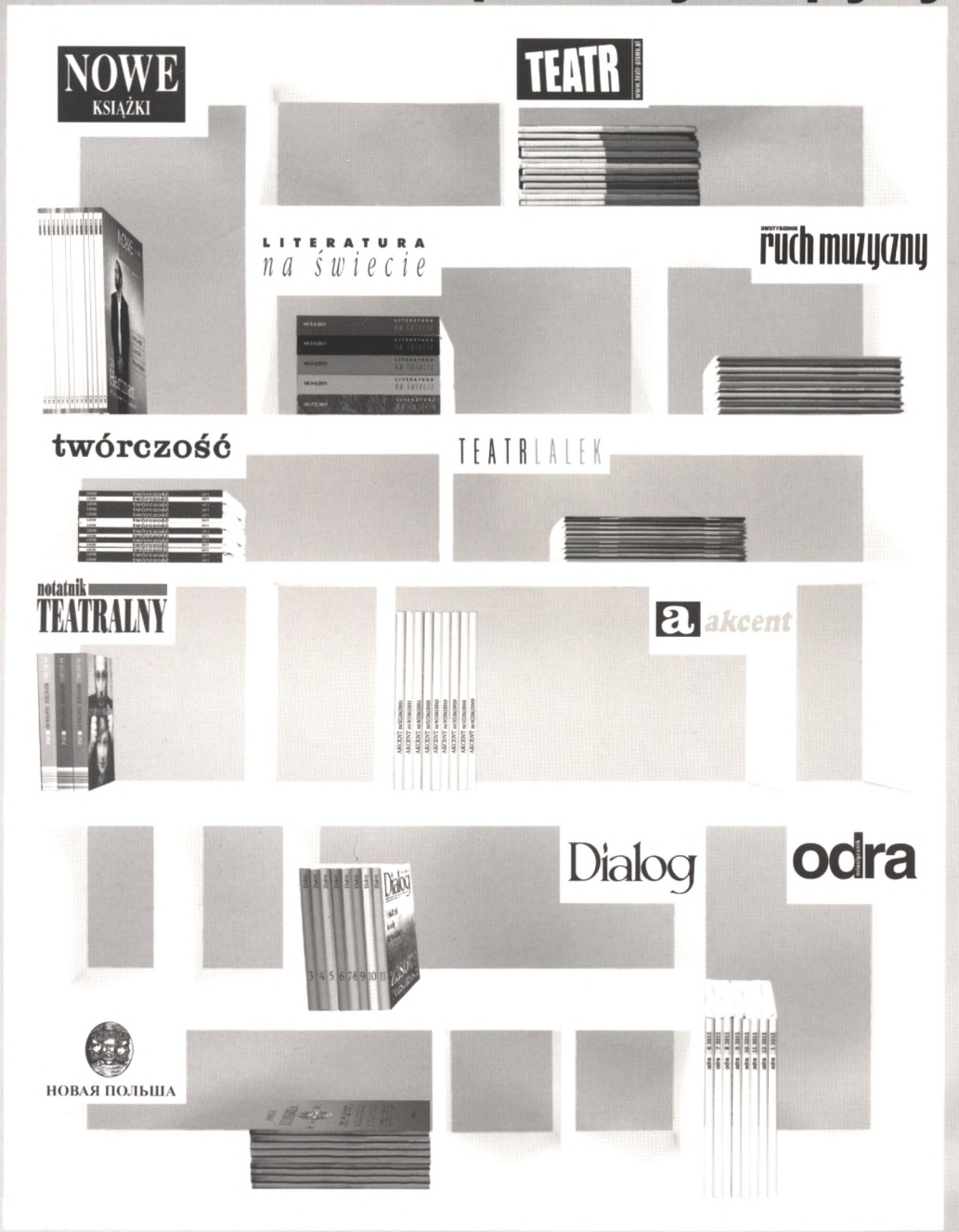
Стихотворения

Лукаш Ницпан
Збигнев Хойновский

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589